

Брест-орешек огненный

ХУДОЖЕСТВЕННО-ДОКУМЕНТАЛЬНАЯ ПОВЕСТЬ

Об одном прошу тех, кто переживает это время: не забудьте!.. Терпеливо собирайте свидетельства о тех, кто пал за себя и за вас... Пусть же павшие в бою будут всегда близки вам, как друзья, как родные, как вы сами...

Юлиус Фучик

ОТ АВТОРА

Иные спрашивают: «Создавая книгу об участниках героической обороны Брестской крепости, вы, вероятно, пользуетесь архивными данными?»

В момент боев за крепость никакие документы, отражающие эту битву, конечно, никто не составлял. Архивы воинских частей бессмертного гарнизона погибли под крепостными руинами, да и не могли они сохраниться за время трехлетнего хозяйствования оккупантов.

Выводя из забвения имена участников Брестской крепости и района Бреста, призванных из Чечено-Ингушетии, приходится идти по тому же пути, по которому шел писатель С.С. Смирнов, создавая книгу «Брестская крепость».

Путь этот – тщательный опрос оставшихся в живых воинов, опрос родственников и знакомых погибших, использование газетных данных, изучение писем, фотографий, присланных бойцами домой до начала войны.

Конечно, память человеческая – вещь малонадежная, особенно когда приходится вспоминать события, лица, факты, явления тридцатилетней давности.

Кроме того, воспоминания участников боевых событий зачастую бывают субъективными, а роль рассказчика в них – гипертрофирована. Тем не менее, путем сопоставления отдельных воспоминаний участников можно воссоздать картину грандиозной битвы, происходившей на берегах Буга – на рубеже нашей священной Родины.

Начало книги посвящено тому, что из себя представляла Брестская крепость ко дню вероломного нападения фашистов и как шла оборона крепости. В дальнейшем повествование ведут оставшиеся в живых участники обороны.

Сбор сведений о десятках людей – дело кропотливое и сложное. Без помощи многих людей оно было бы трудно осуществимо.

Музей героической обороны Брестской крепости в этой работе во всем шел навстречу.

Приношу глубокую благодарность бывшему начальнику музея подполковнику П.И. Королеву, научным работникам М.И. Глязер и И.И. Караваеву за оказанную нам всемерную помощь.

При написании некоторых глав широко использован труд подполковника Л. Крупенникова, а именно его предисловие к третьему изданию сборника воспоминаний участников обороны под названием «Героическая оборона», изданного музеем в 1966 году.

Использованы нами также воспоминания генерал-полковника Л.М. Сандалова, бывшего начальника штаба 4-й армии, опубликованные в его книге «Пережитое».

При сборе сведений об участниках обороны деятельную помощь оказали Сиражди́н Эльмурзаев, Эдуард Мамакаев, Хамзат Хасаев, Султан Алироев, Альви Натаев. Большую помощь оказал старший научный сотрудник музея обороны Брестской крепости-героя Д.И. Лозоватский, дважды рецензировавший рукопись.

Автор сердечно благодарит всех за оказанную помощь.

1968 год.

НИКТО НЕ ЗАБЫТ

«На Кавказе, как нигде в другом месте России, адаты и мусульманские законы шариата еще крепко держат в руках большую часть населения в повиновении, и это нам во многом облегчает задуманную акцию. Горцы по натуре очень наивны и легкомысленны. С ними работать легче, чем с другими национальностями, для которых коммунизм превратился в фанатизм. Нам нужно хорошо вооружить местных бандитов, передать им важные объекты до прихода германских войск, которые они сохраняют для нас.

Когда Грозный, Малгобек и другие районы будут в наших руках, мы сможем захватить Баку и установить на Кавказе оккупационный режим, ввести в горы необходимые гарнизоны и, когда в горах

наступит относительное спокойствие, всех горцев уничтожить.

Горского населения в Чечено-Ингушетии не так уж много, и десяток наших зондеркоманд может за короткое время уничтожить все мужское население.

Для этой акции в Чечено-Ингушетии много превосходных условий – ущелий, и не будет надобности сооружать лагеря» .

В этой выдержке из немецко-фашистского документа, захваченного нашими войсками, с беспримерной наглостью и циничной откровенностью говорится об участии, которая ожидала чечено-ингушский народ в том случае, если гитлеровцам удалось бы захватить Кавказ.

Но чудовищная политика геноцида была фашистскими извергами уготована не только чечено-ингушскому, но и всем народам Советского Союза.

Ставка на бандитов, изменников и предателей из среды населения захваченной территории была излюбленной, традиционной мерой гитлеровцев: во Франции они опирались на «пятую колонну» и кагуляров, в Норвегии – квислинговцев, а у нас – на изменников-власовцев и бандеровцев.

В такой же откровенной форме геноцид планировался Гитлером и в отношении населения центральных областей России. После завершения «молниеносной войны» планировалось очистить территорию Советского Союза от населения, чтобы создать «жизненное пространство» для арийско-немецкой колонии.

Поставив перед собой эти цели, 22 июня 1941 года фашистская Германия вероломно напала на Советский Союз, одновременно вторгшись в пределы страны по всей границе от Балтийского моря до Черного.

К этому дню гитлеровцы готовились с первого часа прихода к власти. Командование вермахта основательно изучило мощь нашей страны, ее военно-экономический потенциал, оснащенность Красной Армии средствами военной техники и т.п. Фашистский генералитет имел основательное представление о возможностях нашей промышленности и сельского хозяйства в случае перевода их на рельсы военного времени. Более того, пользуясь чрезвычайной подозрительностью Иосифа Сталина, Гитлеру и гестапо удалось осуществить грандиозную провокацию в отношении руководящего состава Красной Армии.

Гестапо чрезвычайно умело сфабриковало фальшивку, свидетельствующую о готовящемся якобы военном перевороте в Советском Союзе, который якобы должны были возглавить такие блестящие полководцы страны, как М.Н. Тухачевский, И.Э. Якир, И.П. Уборевич и другие. И почти весь высший командный состав Красной Армии и Военно-Морского Флота был уничтожен. Затем необоснованные репрессии обрушились на старший и средний командный состав.

Одновременно необоснованным репрессиям подверглись также и партийные, советские, инженерно-технические кадры, деятели науки, искусства, культуры – по всей необъятной стране, сверху донизу. Ни в одной стране, ни одна война не принесла столь больших потерь в руководящих кадрах армии, какие принесли у нас печально-знаменательные 1937 и последующие годы.

И вряд ли Гитлер легко пошел бы на войну с Советским Союзом, если бы воспитанные за двадцать с лишним лет кадры командиров Красной Армии, возглавляемые столь блестящими полководцами, как Тухачевский, Якир, Уборевич и другие, руководили армией рабочих и крестьян нашей страны.

Все командиры корпусов, дивизий, бригад, все политработники этих рангов, подавляющее большинство командиров полков, начальников штабов корпусов, дивизий, полков, все командующие военными округами, многие генштабисты, преподаватели военных академий были уничтожены либо сосланы в далекие лагеря.

И это хорошо учитывали гитлеровцы. Много, очень много знали они о нашей оборонной способности. Но не знали одного... Они не знали нашего народа. Не знали, какие могучие духовные силы сокрыты в нем. Не знали мощи интернационального Содружества народов Советского Союза. Фашисты были твердо уверены, что Советский Союз, включающий десятки крупных, мелких, разноязычных, разноплеменных народов, при первых же ударах рассыплется как картонный домик, и что в течение 10-15 недель вся наша необъятная страна будет лежать у ног Гитлера, как легли многие западноевропейские государства: Франция, Бельгия, Голландия, Норвегия, Дания, Греция, Польша и другие.

Немецко-фашистский генералитет начал войну против нашей страны хорошо подготовившись. В его распоряжении находилась давно уже отмобилизованная армия в 5 миллионов солдат и офицеров. И у гитлеровского вермахта был двухлетний опыт войны в современных условиях.

В плане «молниеносной войны» с Советским Союзом, носившем кодовое название «Барбаросса», с немецкой педантичной скрупулезностью все было расписано по дням и даже по часам. Все было как будто правильно и непререкаемо с точки зрения военной стратегии. Однако в плане «Барбаросса» вовсе не был отражен один существенный момент: морально-политическое единство советского народа.

Не из лоскутьев состоял Советский Союз, как думали гитлеровцы. Это был железно сцементированный конгломерат братских народов.

На западе фашистский вермахт встречал одно и то же: после первых сокрушительных ударов соединенных сил танков, артиллерии и авиации рушились оборонные линии противника,

гитлеровская армия неотвратимым валом вторгалась в чужую страну. Через несколько дней война в захваченной стране кончалась ее капитуляцией.

В Советском Союзе воевали не «по правилам», предусмотренным параграфами немецко-прусской стратегии. Что красноармейцы воюют «не по правилам», гитлеровцы убедились уже в первый день войны на примере героической обороны крепости Брест. Брестская крепость находилась на пути главного удара наиболее мощной группировки немецко-фашистских войск под наименованием «Центр». Крепость намечено было захватить в первые два часа после начала войны. Фашисты были уверены, что она будет занята сходу. И основания к этому были: крепость, во-первых, лежала на самой государственной границе Советского Союза, во-вторых, нападение готовилось в глубокой тайне и произведено было совершенно внезапно, когда гарнизон крепости безмятежно спал; в-третьих, враг был втрое сильнее. Здесь действовали отборные 45-я, 31-я, 34-я немецкие пехотные дивизии. Нападение было начато в 4 часа 15 минут утра массированной бомбежкой эскадрильями 2-го немецкого авиационного полка с одновременным открытием ураганного огня артчастями трех наступавших пехотных дивизий и поддержкой многочисленных артбатарей танковой группы генерала Гудериана, вторгнувшейся в пределы нашей страны в районе Брестской крепости.

Артогонь велся по заранее до дюйма рассчитанным целям – расположениям личного состава гарнизона крепости. Хотя задача захвата крепости была поручена хваленой 45-й армейской дивизии, год назад бравшей Париж, и она в значительной части состояла из земляков Гитлера-Шикльгрубера, и нападение было произведено на спящих бойцов, 45-й дивизии не удалось захватить крепость ни через два часа, ни через два дня, ни через двенадцать дней.

Отдельные узлы сопротивления обороняли крепость и через двенадцать дней, когда передовые части немецко-фашистской армии были уже за Минском.

Движущимся с запада немецко-фашистским войскам приходилось обтекать сражающийся Брест, слушая грозную музыку боя, который вели стоящие насмерть красноармейцы.

И среди них было свыше двухсот сынов Чечено-Ингушетии...

Немецко-фашистский документ, приведенный вначале, гласит, что сыны Чечено-Ингушетии «наивны и легкомысленны», что для них «коммунизм не превратился в фанатизм».

Но почему же эти «наивные», «легкомысленные», не приверженные к коммунизму до «фанатизма» горцы в первые же часы войны подставили свою грудь под тяжкие удары фашистского оружия и стали насмерть на рубеже наших священных границ? Как дрались с оголтелым врагом эти «легкомысленные» и «наивные» горцы, мы знаем только по рассказам оставшихся в живых участников обороны. Подавляющее большинство их погибло в крепости. И наша задача – разыскать и оставить потомству хотя бы имена безвестных героев.

Вернемся к документу: «На Кавказе, как нигде в другом месте России, адаты и мусульманские законы шариата еще крепко держат в руках большую часть населения...». Следовательно, гитлеровцы делали ставку на носителей вредных «пережитков» прошлого и приверженцев шариата.

Слово «адат» означает «обычай». Но какой же адат кавказских горцев отрицает пламенную любовь к своей Родине?

Известно, что все верующие горцы Кавказа, не исключая чеченцев и ингушей, приравнивали войну с гитлеровцами к священной войне – к газавату. Казалось, старики должны являться носителями пережитков адатов и шариата. Однако патриотическая роль стариков в Великой Отечественной войне отмечена Чечено-Ингушским обкомом ВКП(б) в постановлении об итогах проведения призыва добровольцев чеченцев и ингушей в Красную Армию, где говорится:

«В результате проведенной огромной партийно-политической работы, партийная организация республики добилась значительного подъема политической активности трудящихся масс, еще больше объединила вокруг себя кадры советских патриотов, особенно патриотов-стариков».

Вайнахи, то есть чеченцы и ингуши, наравне с воинами других народов Советского Союза беззаветно сражались в битвах за установление Советской власти в годы гражданской войны, а их сыновья яростно дрались за Родину в годы Великой Отечественной войны.

Лишь благодаря долгой, кропотливой работе, проделанной писателем С.С. Смирновым, всему миру стала ясна потрясающая картина ожесточенной обороны крепости, где красноармейцы бились с врагом до последнего патрона, до последнего вздоха.

По свидетельствам оставшихся в живых участников героической защиты, по скудным документальным данным штабных архивов, по различным косвенным заключениям и доказательствам, имеющимся в музее обороны крепости-героя, известно, что за все дни боев в цитадели и примыкающих к ней трех укрепленных районах – Кобринском, Тираспольском и Холмском, погибло свыше двух тысяч красных бойцов и офицеров, в их числе – свыше 200 земляков из Чечено-Ингушетии.

Утверждение фашистов, что для чеченцев и ингушей коммунизм и дело партии не есть кровное дело – ложь. Фашисты принимали желаемое за действительность. Дальнейшее участие вайнахов в Великой Отечественной войне показало полную несостоятельность характеристики, данной фашистами чечено-ингушскому народу.

Однако в нашей стране нашлись ревнителю культа, которые выразили единомыслие с оценкой

гитлеровцев, данной вайнахам и некоторым другим северокавказским горцам.

По припискам Берии уже в начале марта 1942 года без всякой видимой причины чечено-ингушский народ был лишен священного права на защиту Родины. Призыв в армию по воинской обязанности прекратили. Началось это неожиданно.

Весной 1942 года отобранная в добровольном порядке, полностью обеспеченная конным составом, хорошо экипированная, укомплектованная опытным боевым командным и политическим составом, уже получившая армейский номер чечено-ингушская кавалерийская дивизия по настоянию Берии была распущена. По настойчивому ходатайству Чечено-Ингушского обкома ВКП(б) и Совета Народных Комиссаров из состава дивизии сохранена была лишь одна часть – 255-й отдельный чечено-ингушский кавалерийский полк.

До конца 1942 года полк этот отлично дрался на южных подступах к Сталинграду. В сражениях у Котельниково, Чилеково, Садовой, у озера Цаца и в ряде других мест полк понес большие потери. Получать дальнейшее пополнение из Чечено-Ингушетии 255-й полк не мог – враг стоял уже у берегов Терека. Остатки полка были влиты в другие кавалерийские части.

Других формирований частей из вайнахов, за исключением еще одного кавдивизиона добровольцев, за все время войны не производилось. Кавдивизион этот стоял в Армавире и с боями отступил к Моздоку.

По припискам Берии и других палачей в феврале 1944 года Чечено-Ингушская АССР была упразднена, а народ переселен в Среднюю Азию. Мотив: за слабое участие в войне с фашистами...

Это было вопиющей неправдой! Чечено-ингушский народ принял в войне не меньшее участие, чем другие братские народы.

Приведем беспристрастное свидетельство бывшего секретаря Чечено-Ингушского обкома ВКП(б) в годы войны В.И. Филькина. Вот что пишет он в своей книге «Чечено-Ингушская партийная организация в годы Великой Отечественной войны Советского Союза»:

«В связи с наличием этих фактов в марте 1942 года по настоянию Берии призыв в Красную Армию военнообязанных чеченцев и ингушей был прекращен. Это было серьезной ошибкой, ибо дезертиры и их пособники вовсе не отражали действительного настроения чечено-ингушского народа. В августе 1942 года, когда немецко-фашистские войска вторглись в пределы Северного Кавказа, обком ВКП(б) и Совнарком ЧИАССР обратились в правительство Союза ССР и ЦК ВКП(б) с просьбой о разрешении провести добровольную мобилизацию чеченцев и ингушей в Красную Армию. Просьба была удовлетворена».

Дальше говорится, что добровольные мобилизации проводились после того трижды, и дали они тысячи добровольцев.

В мае 1943 года обком ВКП(б) подводил итоги проведенной добровольной мобилизации. В решении записано следующее:

«Проведенный с разрешения ЦК ВКП(б) в период февраль-март 1943 года призыв добровольцев (третий призыв. – Х.О.) чеченцев и ингушей в Красную Армию сопровождается проявлением подлинного советского патриотизма. В результате пройденной огромной партийно-политической работы партийная организация республики добилась значительного подъема политической активности трудящихся масс, еще больше объединила вокруг себя кадры советских патриотов, активистов, особенно патриотов-стариков, в результате чего призыв добровольцев в Красную Армию, безусловно, явился показателем готовности чечено-ингушского народа выполнить свой долг перед Советской Отчизной, против немецко-фашистских захватчиков».

Но, может быть, эти формирования были мизерны по отношению к общему числу чечено-ингушского населения республики? На этот счет В.И. Филькин пишет: «По неполным данным в период войны (не считая призванных до начала войны) было призвано и мобилизовано в действующую армию более 18 500 лучших сынов чечено-ингушского народа». Две трети из них состояли из добровольцев.

В кадровых частях к началу войны было не менее 9000 человек, что составляло ко всему чечено-ингушскому населению два процента.

Перед войной с фашистской Германией контингенты военнообязанных привлекались в армию без всяких льгот, полностью, (брали даже учителей). Это было вполне понятно.

В мире, а также у границ Советского Союза, происходили события огромной политической важности: нападение японских милитаристов на дружественную нам Монгольскую Народную Республику (Халхин-Гол), финская кампания, оккупация Польши фашистской Германией. Под угрозой оккупации фашистами были и прибалтийцы: Литва, Латвия, Эстония. В это же время в состав Союза вошли Западная Украина и Западная Белоруссия, захваченные панской Польшей в 1920 году.

Все эти важные политические события потребовали держать под ружьем все призванные контингенты.

Таким образом, в предвоенные два года и в течение Великой Отечественной войны чечено-ингушский народ послал на защиту Отчизны 27500 человек, что составляло более 6 процентов от всего населения. Несмотря на это, вайнахи были переселены в Среднюю Азию якобы за слабое участие в Великой Отечественной войне.

XX съезд партии исправил вопиющие нарушения ленинской национальной политики, допущенные

Сталиным и Берией. Народ был возвращен на свою исконную родину. Однако отрывки взглядов того времени нередко проявляется и сейчас. Не всегда такие высказывания делаются сознательно и по злой воле: в головах иных еще не выветрился гипноз периода культа. Такое неверное толкование, умаляющее роль чеченцев и ингушей в борьбе с гитлеровцами, оскорбительно для памяти тех, кто отдал свою жизнь за нашу Отчизну. Болезненно неприятны они и для живых, особенно для участников войны. В 1965 году в августовском номере журнала «Октябрь» была напечатана, с позволения сказать, повесть Андрея Губина «Созвездие Ярлыги». Нет необходимости останавливаться на деталях этого черносотенного, клеветнического пасквиля на чечено-ингушский народ. В свое время это «творение» вызвало взрыв возмущения нашей общественности. В редакцию «Октября» полетели сотни негодующих писем. Повесть обсуждалась в Союзе писателей РСФСР с представителями чечено-ингушской писательской организации. Было констатировано, что печатать повесть не следовало. Однако автору еще раз удалось издать пасквиль отдельной книжкой. Что же вызвало такое горячее негодование чечено-ингушской общественности?

А. Губин пишет в повести, что чеченцы подарили приехавшему на Кавказ Гитлеру великолепного арабского скакуна с дорогим седлом, украшенным золотом. Это был прямой выпад, направленный на очернение честного имени народа. В период культа личности такая клевета была бы принята с благодарностью, ибо она «оправдывала» бы в глазах народов Советского Союза жестокий акт выселения чечено-ингушского народа. Но как могли чеченцы передать Гитлеру коня, если территория Чечено-Ингушетии фашистами ни на один час не занималась? Не могли же чеченцы подарить Гитлеру коня, переправив его через линию фронта на самолете? Вся повесть полна клеветнических измышлений по отношению к чеченцам. По Губину, они не только не сражались за Родину, но даже объявили против Советской власти священную войну – газават.

И кровь защитников Брестской крепости, принявших на себя первый удар и погибших безвестными героями, горит от такой клеветы.

Еще маленький факт. Год назад в Грозном в одном из институтов проходило студенческое собрание. В президиуме сидели руководители института. На собрании выступил генерал запаса, человек видный и всеми уважаемый.

Вот что он сказал:

– Смотрите. У чеченцев и ингушей всего четыре Героя Советского Союза. А у народа соседней республики их 35 человек, хотя их меньше, чем чеченцев. Из этого вы можете заключить, как воевали чеченцы и ингуши.

В зале прозвучал смех. Прикрыв руками рты, смеялись и в президиуме.

Конечно, генерал все не имел в мыслях обидеть кого бы то ни было. Однако студенческая масса из слов генерала могла сделать совсем неправильное заключение об участии чеченцев и ингушей в Великой Отечественной войне.

Несомненно, генерал знал, что с марта 1942 года чеченцы и ингуши были лишены конституционного права призываться в армию и защищать Родину. Генерал, несомненно, знал и то, что половина численности чеченцев и ингушей, участвовавших в Великой Отечественной войне, состояла из добровольцев. Знал он также и то, что после февраля 1944 года, то есть после переселения народа, воины чечено-ингушской национальности были отозваны из действующей армии.

А награды за боевые отличия воинам-чеченцам и ингушам в этих условиях давали очень и очень скупно. Генерал в своем выступлении об этом ничего не сказал.

Чечено-ингушская молодежь, слыша такие высказывания, задает вопросы, полные горечи:

– Неужели наши отцы и старшие братья так плохо дрались с фашистами? Почему о наших героях мало пишут?

Да. Многие герои, беззаветно дравшиеся за честь и независимость нашей Родины и положившие за нее свои жизни, безвестны или забываются. О них вспоминают только товарищи по оружию при случайных встречах.

Но никто не должен быть забыт! Ничто не должно остаться в тени забвения. На примерах погибших и живых героев войны мы воспитываем новые поколения людей.

Еще до выхода из печати книги «Брестская крепость» нами было послано С.С. Смирнову письмо с просьбой приехать в Чечено-Ингушетию, чтобы поговорить с оставшимися в живых защитниками Брестской крепости. Мы просили его отметить в своей книге и их участие – сынов Чечено-Ингушетии в этой великой эпопее. Мы писали С.С. Смирнову, что в Брестской крепости погибло шестнадцать воинов из нашего села Старые Атаги. Двое вырвались из окруженной крепости живыми.

Отступали. В бою у Ельца оба были ранены. Одного из них в палатке госпиталя убила фашистская авиабомба. И только один вернулся с войны. Но С.С. Смирнов и не отозвался.

Мы высоко ценим книгу С.С. Смирнова «Брестская крепость», слава о которой прогремела по всему миру. Но почему же в ней нет и намека на участие в героической обороне крепости воинов из нашего края? А их было немало. Брестской твердыне присвоили наименование «крепость-герой». Чеченцы и ингуши для этого тоже отдали свои жизни.

В музее обороны Брестской крепости нам пришлось видеть обгорелые, почти полностью превратившиеся в пепел комсомольские документы Даши Эдельханова. Самого комсомольца постигла трагическая судьба – видно, он сожжен в одном из казематов огнеметом. После коротких розысков нами было установлено, что отец Даши Эдельханова проживает в селе Гвардейском Чечено-Ингушской АССР. Здесь же живут несколько участников защиты Брестской крепости, которые призывались в армию вместе с Дашой и служили вместе с ним. У Эдельхана Девлетгиреева, отца Даши, было два сына. Оба они погибли: Даша в Брестской крепости, а Эду – у линии Маннергейма. О трагической судьбе Даши отец узнал только теперь, через 25 лет.

Задачу по розыску участников обороны Брестской крепости и описание их боевой деятельности мы ограничиваем рамками Чечено-Ингушетии.

Никаких довоенных архивов в Бресте не сохранилось. Крепость в течение 3-х с лишним лет находилась в руках фашистов. Нет твердо обоснованных списков рядового и сержантского состава полков и частей, стоявших там перед войной. В музее обороны имеются лишь списки офицерского состава, составленные по документам Наркомата Оборона СССР.

Поэтому наша задача усложняется. Точно определить участников защиты Бреста из нашей республики, выявить, кто, когда и где погиб, кто в каком полку служил – трудно, и нам приходится выяснять эти данные путем перекрестного опроса.

Те из защитников, кто остался в живых и смог выйти из окруженной врагами крепости в первые два дня обороны, сумели догнать отступающие на восток части Красной Армии. Во все последующие дни, когда делались попытки выхода из окруженной крепости, вырвавшиеся даже без ранений почти неизбежно попадали в гитлеровский плен. А из плена возвращались немногие. И очень часто прошедшие через фашистский плен встречали обидное недоверие, а порой испытывали явные несправедливости. Чеченцы и ингуши, вернувшиеся из фашистского плена, уже в силу сложившегося недоверия, культивируемого к переселенному народу, прямо попадали в специальные лагеря для длительной «проверки». И с этой дискриминацией покончил XX съезд партии.

Игнорировать свидетельства побывавших в плену нельзя. Только к данным их нужно относиться все же с известной осторожностью и вдумчивостью.

В архивах районных и городских военкоматов Чечено-Ингушетии нам удалось найти лишь несколько списков бойцов, призванных в Красную Армию в октябре 1939 и феврале 1940 года. В списках, обнаруженных в архивах Малгобекского и Надтеречного военкоматов, военнообязанные были направлены прямо в распоряжение командиров стрелковых полков, входивших в гарнизон Брестской крепости. В дальнейшем по опросу живых участников обороны нам приходилось проследить судьбы воинов, числившихся в военкоматских списках, узнавать, откуда они, их родственники, кем они работали до армии, разыскивать их письма и снятые в Бресте фотографии.

Жена одного из участников обороны Бреста говорила:

– Вы знаете, они, побывавшие в Брестской крепости, настоящие сумасшедшие. Соберутся двое: ничего не слышат, ничего не видят, не едят, не спят и все говорят, говорят о Бресте. А сядут есть – ложку мимо рта несут!

Большую помощь оказывают в установлении имен и фамилий погибших участников обороны местные сельские Советы в Чечено-Ингушетии. Они подтверждают или опровергают факт нахождения на службе того или иного односельчанина в Брестском гарнизоне, оберегают от поспешных выводов и заключений по тому или другому лицу.

По военкоматским сведениям, перед войной призывники из Чечено-Ингушетии отдельными группами направлялись в Западный особый военный округ. Иногда полки, куда были направлены призывники, дислоцировались недалеко от Бреста, но не входили в его гарнизон. Случалось, что военнообязанные, направленные в другие полки, оказывались все же в частях Брестского гарнизона, например, некоторые бойцы 222-го и 487-го стрелковых полков.

При установлении имен и фамилий участников обороны или погибших в крепости случалась путаница: живые указывали на некоторые фамилии бойцов как на погибших в крепости, а в военкоматских списках значилось, что при отправке из Чечено-Ингушетии они были направлены не в крепость, а в другие полки Брестской области.

Некоторое разъяснение дала книга генерал-полковника Л. Сандалова «Пережитое», где он сообщает, что молодых красноармейцев из полков, расположенных в Брестской области, для скорейшего обучения посылали в старые кадровые полки, стоявшие в крепости. Каждую осень и весну 1939-1940 годов, а также в марте 1941 года эшелонами, следовавшими в Брестскую область, направлялись из Чечено-Ингушетии новые призывники. Грузились они на станциях Гудермес, Грозный, Назрань, Наурская.

* * *

В крепости Брест было расположено пять стрелковых полков: 333-й, 125-й, 84-й полки 6-й Орловской Краснознаменной дивизии и 455-й и 44-й стрелковые полки 42-й дивизии. Вместе с некоторыми другими стрелковыми (например, 459-м стрелковым полком 42-й дивизии, стоявшим в районе с. Жабинка), артиллерийскими, саперными частями и частями специальной службы эти полки

составляли 28-й стрелковый корпус, штаб которого находился в городе Бресте.

Из состава стрелковых полков ежемесячно по одному или два батальона выводились на работы по сооружению оборонительных укреплений вдоль государственной границы по правому берегу реки Западный Буг. Выводили батальоны к границе в полном боевом снаряжении: с пулеметами, автоматами, минометами. Проработав месяц-полтора, батальоны возвращались в крепость. Заступившие вместо них другие батальоны продолжали работу.

Наше командование, однако, знало, что в современных условиях при высокоразвитой военной, в частности артиллерийской технике и особенно военной авиации, старая Брестская крепость вовсе не представляет собой могучего опорного пункта.

Если двухметровые кирпичные внешние стены оборонительной казармы и представляли некоторую преграду даже мощному огню тяжелой артиллерии, то со стороны кровли, крытой простым листовым железом, крепость была совсем беззащитна против бомбовых ударов авиации.

По плану командования 4-й армии в случае боевой тревоги все части гарнизона, за исключением одного стрелкового батальона и одного артиллерийского дивизиона, должны были немедленно покинуть крепость и занять назначенные им участки обороны по государственной границе. Таким образом, роль крепости сводилась к тому, что она служила казармой для пяти расквартированных там стрелковых полков и частей различных родов оружия. С другой стороны, в крепости были сосредоточены сравнительно небольшие склады вещевого, провиантского довольствия и боеприпасов.

БРЕСТСКАЯ КРЕПОСТЬ ПЕРЕД НАПАДЕНИЕМ ГИТЛЕРОВСКОЙ ГЕРМАНИИ

Все существовавшие до войны здания, казармы, склады, казематы, различные фортификационные сооружения, церковь, здание Белого дворца в Брестской крепости были построены еще в 1833-42 годы. Как передовой форпост у западных границ Российской империи Брестская крепость была основана еще на заре становления русского государства – в XI веке.

Важное значение крепости-городка в прошлом придавало то, что он лежит на скрещении оживленного Днепровско-Бугского торгового водного пути и прямой сухопутной дороги, связывающей центры Польского государства с Москвой. В то же время крепость сооружена на месте, имевшем большое военное значение. Почему? На востоке и на юго-востоке от Бреста на многие сотни километров тянутся непроходимые болота, трясины, лесные чащобы Полесья. Такие же чащобы тянутся и в Беловежьи на севере от Бреста. Болота и трясины Полесья как бы делили западные районы России на две части: северную и южную.

При любой попытке вторжения неприятельских сил в пределы государства Российского с запада театр войны делился этими болотами на северную и южную части. Брест же являлся связующим звеном для русских сил и клином для неприятельских в случае их вторжения. И Брест расположен на месте, где болота кончаются, а их южная и северная части сходятся.

Сердце крепости – Цитадель – построена на продолговато-овальном островке, образуемом развилкой рукавов реки Мухавец при их впадении в реку Западный Буг. По всей кромке острова, отступая от крутого берега рукавов реки Мухавец и реки Западный Буг метров на пять-шесть, тянется двухэтажная оборонительная казарма, опоясывающая весь остров. Уровень острова местами на 4-5 метров выше, чем противоположные берега реки Буг и рукавов Мухавца, так что Цитадель расположена на несколько господствующем над местностью плато.

Казармы, опоясывающие остров, кроме того что служили жильем для войск, являлись одним из важнейших фортификационных сооружений, служивших целям оборонительного боя.

Общая длина оборонительной казармы 1800 метров. Построена она из отлично обожженного красного кирпича. Толщина наружных стен от 1,5 до 2-х метров. Стены, обращенные во двор Цитадели, имеют несколько меньшую толщину: 1-1,5 метра. По фасадной стене имеется множество бойниц, амбразур, широких боевых окон и проемов, рассчитанных для ведения из них, в случае нужды, и артиллерийского боя, правда, для орудий малого калибра. Такие же бойницы, амбразуры и боевые проемы имеются в стенах, обращенных вовнутрь двора. Оборонительная казарма разделена на множество отсеков. Для размещения личного состава полков гарнизона, для хранения провианта, амуниции, снаряжения и различной военной техники в крепости имелось до пятисот казематов и подвалов, часто связанных между собой подземными ходами и переходами.

Подобно тому, как легкие человека со всех сторон закрывают в грудной клетке сердце, так три прилегающих укрепления прикрывают Цитадель – средоточие крепости.

С севера к ней примыкает Кобринское укрепление. По территории оно почти втрое больше, чем площадь, занятая Цитаделью. Все три укрепления – Кобринское, Волыньское и Тираспольское, обведены искусственными водными преградами, так что фактически и их можно рассматривать как форты, лежащие на островках.

Вся северная сторона Кобринского укрепления, обращенная к городу Брест (находится тут же в двух-трех километрах), обведена высоким валом, достигающим метров восемь высоты. Вал имеет

несколько остроугольных выступов-бастионов, дававших возможность, в случае штурма укрепления, вести по неприятелю наряду с фронтальным и фланговый огонь. По внешнему периметру вал огражден глубокой водной преградой, сооруженной искусственно. С восточной стороны обводной канал сообщается с р. Мухавец, с западной – с Бугом.

С юга Цитадель прикрывается Волынским укреплением, тоже обведенным валом с ломаными углами и водной преградой. По площади Волынское укрепление почти равно Цитадели, и оно также является островком, образованным с севера рекой и рукавами Мухавца, с запада и юго-востока – искусственной водной преградой.

С западной стороны Цитадель прикрывает третий островок – Тираспольское укрепление. Он образован рекой Западный Буг и небольшим, ответвившимся от него рукавом, причем государственная граница Советского Союза, проходящая посреди течения реки Буг, в том месте идет по ответвившемуся рукаву до его впадения в основное русло Буга. Тираспольское укрепление также обведено валом, от которого в 20-ти метрах по траверсу лежит территория Польши, которая в описываемый предвоенный период была занята фашистской Германией.

Все три укрепления имеют назначение оградить Цитадель от непосредственного, ближнего боя. Не только в наше время, но даже к концу XIX века свое важное оборонное значение крепость Брест потеряла. Рост дальности артиллерии заставил военно-инженерное управление царской армии окружить Цитадель описанными выше укреплениями, а затем вынести вперед на 7-8 километров пояс железобетонных фортов с мощной артиллерией, средствами ведения скорострельного артиллерийского и ближнего ружейно-пулеметного боя.

И все же, несмотря на эту реорганизацию, в Первую мировую войну крепость не смогла послужить сколько-нибудь внушительным оборонительным сооружением. Накануне Первой мировой войны модернизацией крепости занимался известный военный инженер Д.М. Карбышев. Начало Великой Отечественной войны застало генерал-лейтенанта Д.М. Карбышева на западной границе. Попавший раненым в плен генерал, как известно, был замучен фашистами. Посмертно ему присвоено звание Героя Советского Союза.

В ходе Первой мировой войны крепость оказалась обойденной с юга и с севера. Царская армия вынуждена была оставить крепость без боя, взорвав при этом некоторые фортификационные сооружения.

Понимая, что серьезного оборонного значения крепость уже не имеет, царский генералитет использовал ее (уже в то время) как базу формирования воинских частей, как место обучения молодых солдат и временного их расквартирования. Здесь же размещались многочисленные провиантские, вещевые базы и склады боеприпасов. Нужно иметь в виду и то, что к началу Первой мировой войны крепость была не на государственной границе, а значительно восточней.

Перед немецко-фашистским нападением кроме оборонительной казармы во дворе Цитадели имелось несколько отдельно расположенных зданий. К числу их относились: здание казармы 333-го полка, здание 9-й погранзаставы 17-го погранотряда, клуб (бывшая церковь), столовая начсостава, здание инженерного управления и другие подсобные сооружения. Так называемый Белый дворец, в котором в 1918 году происходили переговоры с германскими империалистами по заключению Брестского мира, в 1941 году еще существовал, но в сентябре 1939 года немцами был сильно поврежден. На территории Кобринского укрепления располагались до 15 отдельных комсоставских домов. На запад от них, вблизи «подковообразного» форта с подземными казематами, находились казармы 125-го стрелкового полка.

В восточной части этого укрепления имелся тоже «подковообразный» форт с казематами, уходящими вглубь насыпного вала. Здесь находились казармы 393-го отдельного зенитно-артиллерийского дивизиона, конюшни транспортной роты 333-го стрелкового полка и различные военно-хозяйственные сооружения.

На территории Волынского укрепления находился военный госпиталь военно-окружного значения.

На территории Тираспольского укрепления, вплотную примыкая к границе, имелись крайне неудачно расквартированные тыловые подразделения: хлебопекарня, окружная школа шоферов, транспортная рота 17-го погранотряда.

Из Цитадели в примыкающие укрепления было четверо ворот: так называемые Трехарочные или Брестские ворота, Холмские, Тираспольские и Белостокские.

На юго-восточной стороне Цитадели находились замечательные в архитектурном отношении Холмские ворота, выходившие на территорию Волынского укрепления. В метрах полутораста к западу от них имелись вторые ворота – Тираспольские, выходившие на территорию укрепления того же наименования.

В свою очередь из Кобринского укрепления за пределы крепостной зоны вели Северные ворота (расположены в 150 метрах на север от Трехарочных). Северные ворота проходили одним тоннелем через толщину земляного вала. На восточной стороне, через такой же вал, выводили Восточные Ворота. На западе, недалеко от казарм 125-го полка, имелись Северо-западные ворота.

Над Тираспольскими воротами высилась стройная четырехгранная башня, разрушенная во время боев. От Тираспольских ворот на территорию укрепления через р. Буг пролегал мост. От Холмских

ворот к Волынскому укреплению через рукав Мухавца был переброшен другой мост. Перед самым нападением фашистской Германии в крепости располагались 5 стрелковых батальонов 6-й дивизии (по 2 батальона 333-го и 125-го стрелковых полков и 1 батальон 84-го стрелкового полка) и 2 батальона 42-й стрелковой дивизии (по одному батальону 44-го и 455-го стрелковых полков), подразделения 33-го инженерного полка, сформировавшегося на базе 140-го инженерного батальона, подразделения 37-го отдельного батальона связи и 132-го отдельного батальона внутренних войск НКВД. Здесь же находились полковые школы трех полков. Несколько стрелковых батальонов вместе с отдельными саперными частями обеих дивизий находились на постройке оборонительных сооружений. Часть батальонов была выведена в летние лагеря или на полигоны для проведения учебно-показательных стрельб.

6-я стрелковая дивизия была создана еще в 1918 году в Петрограде и участвовала во время гражданской войны во многих боях. За боевые заслуги в гражданской войне дивизия была награждена орденом Красного Знамени, и ей было присвоено название Орловской.

42-я стрелковая дивизия была сформирована в конце зимы 1940 года и участвовала в боях с белофинами. Среди рядового и командного состава дивизии было много воинов, награжденных орденами и медалями за мужество и отвагу, проявленные в боях.

Кроме того в крепости находились входившие в 6-ю дивизию 98-й отдельный противотанковый артиллерийский дивизион, 31-й автобатальон, 75-й отдельный разведбатальон и 393-й зенитно-артиллерийский дивизион, входивший в 42-ю дивизию. За несколько дней до начала войны в крепость прибыли лица приписного состава. Многие из этих подразделений и спецслужб, такие как школа шоферов, хлебопекарня, не должны были находиться в зоне легкой досягаемости артогня и тем более ближнего боя.

131-й артиллерийский полк 6-й стрелковой дивизии был размещен с артпарками за зоной крепости, около стыка западного угла Кобринского укрепления с рекой Буг. Таким образом, только узкая полоса зеркала реки отделяла место размещения артполка от вражеской территории. Конечно, размещение это было вызвано отсутствием других казарменных помещений в районе Бреста. И командование полка и дивизии понимало неправильность такого размещения, но рассчитывали в ближайшее время перевести полк на постоянное расквартирование. Около половины личного состава 131-го полка в момент нападения гитлеровцев находилось в лагерях, в нескольких километрах от зимних квартир. Красная Армия заняла Брест-Литовск в сентябре 1939 года, когда Западная Белоруссия воссоединилась с Советским Союзом. До этого в течение 19 лет крепость занимали войска буржуазной Польши. Оборонительные сооружения, построенные Польшей Пилсудского, были обращены на восток, против Советского Союза.

Как только воссоединенные западные области Белоруссии и Украины вошли в состав нашей Родины, по всей западной границе начались усиленные работы по возведению фортификационных сооружений. Они в значительной степени усилили нашу обороноспособность. Оборонные сооружения, блиндажи, доты, дзоты, железобетонные опорные форты вдоль границы строились в течение всего 1940 года и половины 1941 года, но они далеко не были закончены. Даже готовые из них не все были заняты надлежащим образом вооруженными гарнизонами, способными вести боевые действия в современных условиях. Скудность войск в крепости и не совсем удачное их размещение объяснялись, прежде всего, отсутствием в районе Бреста другого казарменного фонда. Доты 62 УР (укрепрайона) имели свои гарнизоны.

При существовавшей пропускной способности ворот и мостов, выводящих из крепости в случае боевой тревоги, чтобы вывести весь 28-й стрелковый корпус потребовалось бы до десяти часов времени.

Весной 1941 года командир 28-го стрелкового корпуса генерал-майор В.С. Попов просил командующего Западным особым военным округом генерала армии Д.Г. Павлова разрешить вывести из крепости в летние лагеря всю 6-ю дивизию, оставив в Цитадели 42-ю дивизию в составе двух полностью укомплектованных полков – 44-го и 455-го.

Командир корпуса с полным основанием опасался, что в случае внезапного начала войны крепость может оказаться ловушкой для многочисленного гарнизона. Командующий на это согласия не дал. Как было сказано, в планах Западного особого военного округа на случай войны предусматривалось оставить в крепости один стрелковый батальон и один артдивизион.

Это была нелицеприятная оценка оборонного значения крепости в современных условиях. Роль Брестской крепости сводилась к роли большого дота, не имевшего не только стратегического, но даже оперативно-тактического значения.

Поэтому по первому сигналу боевой тревоги все стрелковые, артиллерийские, саперные части и специальные службы должны были немедленно покинуть стены крепости и занять положенные им районы сосредоточения.

Однако в плане не предусматривалась возможность внезапного нападения и немедленного окружения крепости. Сопоставлением данных донесений штабов полков и дивизий, 28-го стрелкового корпуса и отдельных свидетельств командиров частей установлено, что в ночь перед войной в крепости находилось примерно семь-восемь тысяч человек бойцов и командиров всех родов войск.

Считается, что приблизительно половина из них до полного окружения крепости неприятелем тем или иным способом – организованно группами или даже одиночно – успели выйти до ее окружения. В том, что командир 28-го корпуса генерал-майор В.С. Попов все же держал более половины батальонов за пределами крепости, сказалась прозорливость комкора.

Спустя несколько дней после начала войны комкор В.С. Попов докладывал командующему 4-й армии генерал-майору А.А. Коробкову:

«Из находившихся в крепости 5 батальонов 6-й стрелковой дивизии и 4-х батальонов 42-й стрелковой дивизии выведено из крепости предположительно 50 процентов личного состава».

Однако нужно иметь в виду, что особенно много бойцов погибло в первые часы войны, до момента, когда гарнизон организовал оборону. Тем величественней выглядит подвиг красноармейцев бессмертного гарнизона.

Против трех с половиной тысяч бойцов (считая бойцов и прочих служб: шоферов, пекарей, музыкантов, приписников, бойцов разведбатальона, пограничников и т. д.), находившихся в крепости, яростно наступала полнокровная 45-я немецкая пехотная дивизия. С правого и левого флангов крепость охватили 31-я и 34-я немецкие дивизии. Натиск трех дивизий в направлении главного удара группы фашистских армий «Центр» поддерживала с воздуха армада 2-го немецкого воздушного флота. Уж конечно в первые часы войны немецко-фашистские стервятники не жалели авиабомб, хотя у воздушного флота были и другие важные задачи. 12-й армейский корпус, поставивший целью захват крепости с ходу, поддерживала артиллерия танковой группы генерала Гудериана.

По некоторым данным, основанным на подсчете частей, участвовавших в брестских боях, в первые дни Брестскую крепость громили двести стволов разнокалиберных орудий и минометов.

Много месяцев спустя, когда хваленая 45-я дивизия была уничтожена, в руки советского командования попали штабные документы.

24 июня 1941 года командир 45-й немецкой дивизии сообщал высшему командованию, что в крепости его дивизией были полностью уничтожены 6-я и 42-я стрелковые дивизии. Это было явной ложью. В крепости оборонялись не «две дивизии Красной Армии», а отдельные части, численностью до семи батальонов .

* * *

Следует остановиться на вопросах готовности нашей страны к войне перед фашистской агрессией. Еще 18 сентября 1940 года Нарком обороны С.К. Тимошенко и начальник генштаба РККА К.А.

Мерецков представили в ЦК ВКП(б) и СНК СССР документ: «Соображения об основах стратегического развертывания Вооруженных Сил Советского Союза на западе и востоке на 1940 и 1941 годы». План этот был рассмотрен, уточнен и 14 октября, после доработки, принят.

В предвидении войны Советское правительство предусматривало увеличение ВВС страны и доведение количества боевых самолетов к концу 1941 года до 18000. Уже в первой половине 1941 года было создано 2650 боевых самолетов новых конструкций. На вооружение были приняты новые виды артиллерии. Было создано свыше 600 тяжелых танков КВ и 1225 лучших в мире средних танков Т-34. Разрабатывались первые установки реактивной артиллерии.

13 января 1941 года состоялось заседание Главного Военного Совета с присутствием членов Политбюро ЦК ВКП(б) во главе с И.В. Сталиным.

С сентября 1939 года по июнь 1941 года было создано 125 новых дивизий, шло формирование 29 механизированных корпусов, 27 арtpолков и 25 новых авиационных дивизий .

Весной 1941 года Генеральным Штабом под руководством начштаба Г.К. Жукова был окончательно разработан план обороны границ нашего государства на случай внезапного нападения врага. Наши Вооруженные Силы должны были встретить врага во всей боевой готовности. По всей западной границе усиленно строилась цепь надежных оборонительных сооружений, расширялась сеть аэродромов в западных областях, проводились удобные дороги для действий моторизованных армий. Дивизии и корпуса приграничных военных округов передислоцировались ближе к западным рубежам страны. Форсировано шла организационная перестройка армии. Важнейшей мерой реорганизации армии было создание крупных мотомеханизированных и танковых частей и соединений, вплоть до организации отдельных танковых корпусов и армий. Шло перевооружение армии и флота новыми, по последнему слову техники средствами ведения боя. Это техническое перевооружение наших Вооруженных Сил начато было еще с тридцатых годов.

В 23 часа 45 минут 21 июня военным советам западных военных округов Наркомом Обороны была послана Директива, предупреждающая о возможности нападения гитлеровской Германии:

«Задача наших войск – не поддаваться ни на какие провокационные действия, могущие вызвать крупные осложнения. Одновременно войскам Ленинградского, Прибалтийского, Западного, Киевского и Одесского военных округов быть в полной боевой готовности и встретить возможный внезапный удар немцев или их союзников».

В восьмом часу утра в Западном особом военном округе была получена телеграмма, дававшая директивы о дальнейших действиях уже после нападения агрессора:

«Войскам всеми силами и средствами обрушиться на вражеские силы и уничтожить их в районах, где они нарушили советскую границу. Впредь до особого распоряжения наземным войскам границу не

переходить».

Большую роль сыграли допущенные просчеты в оценке возможного времени нападения на нас гитлеровской Германии и связанные с этим упущения в подготовке к отражению первых ударов. Вместе с сателлитами Германия бросила против Советского Союза 190 дивизий. Армия вторжения насчитывала 5500 тысяч солдат и офицеров, 3712 танков, 47260 орудий и минометов, 4950 самолетов.

Этот внезапный страшный удар Красная Армия выдержала, но выдержала ценой невероятных жертв и усилий.

БИТВА ЗА КРЕПОСТЬ

Вечер 21 июня 1941 года был необыкновенно жаркий, тихий и душный. Багряное солнце утонуло в расплавленном золоте, а закат еще горел ярко-алым заревом. На небе – ни облачка. В воздухе – ни дуновения.

На площадке вблизи артпарка, где в чинном безмолвии вытянулись ряды расчехленных орудий, красноармейцы в футболках, а то и оголенные до пояса, играют в волейбол.

Строго, торжественно прошла церемония смены караулов. Чеканным шагом разводящие провели часовых на посты.

У коновязей ряды хорошо упитанных лошадей с глухим хрупом жуют овес. Негодующее ржанье чем-то недовольных коней. Строгий окрик дневального. Кони... успокаиваются.

Издали с Кобринского укрепления доносятся серебристые звуки баяна. На глухой стене казармы растянут белый экран. Тесно усевшись на скамьях, красноармейцы ждут сеанса. Те, которым скамей не хватило, прилегли прямо на землю.

За неделю бойцы крепко устали. Беспеременно шли строевые занятия, проводились долгие полевые марши, учебные стрельбы. Знакомились с материальной частью новой техники, занимались сборкой и разборкой оружия. Завтра день заслуженного отдыха. Можно всласть выспаться. Можно, и даже нужно, написать домой письмо. А потом сходить к земляку, который служит в другом полку, тут же в крепости. Повидать его в будние дни некогда... А может быть удастся выпросить увольнительную в город? Вместе с товарищем... Город же рядом... И тогда утром будет одна работа: вычистить сапоги так, чтобы можно было поглядеть в них как в зеркало, подшить белоснежно-чистый новый подворотничок, начистить до блеска пуговицы и поясную бляху.

Самое удобное – просить у старшины увольнительную, чтобы сфотографироваться. Эту просьбу старшины всей Красной Армии всегда удовлетворяют.

И когда мечта осуществится и увольнительная получена, бойцы идут по аккуратным, чистым улицам Бреста. Идут чинно, подтянуто, четко соблюдая «ногу».

Все встречные девушки в городе Бресте необыкновенно красивы!

Удастся бойцу перекинуться с девушкой двумя-тремя словами, ответит она ему с ласково смеющимися глазами, и красноармеец надолго счастлив. Он живет сладостной мечтой снова встретиться с пленившей его красавицей.

Завтра воскресенье. Средние и старшие командиры ушли в город или на Кобринское укрепление, где в начсоставских домах живут их семьи.

...Кончился сеанс. Красноармейцы разошлись по казармам. Душно... Тишина...

Пограничники приносили тревожные вести. Что-то необычно за Бугом. Все ночи слышно неумолчное гудение и гул моторов. Слышен тяжелый лязг железа. Нет-нет вспыхнут и погаснут огоньки. Без сомнения – танки это...

– Тат та-та, тат та-та, ти-та-та-а, – протяжно и печально пропела труба горниста, и звуки ее, невидимыми крылами облетев древние стены и валы, растаяли вдали.

Печальна и торжественна вечерняя зорька. Отбой...

Тысячи людей улеглись. Старая крепость на Буге объята сном...

* * *

Восток чуть-чуть посветлел. Понемногу гасли звезды на летнем небе. И при первых признаках занимающейся утренней зари часовые, стоявшие на башнях Холмских и Тираспольских ворот, на валах у Восточного форта, пограничники-часовые, сидевшие в кустах на берегу Буга и неусыпно смотревшие за реку, заметили вдруг что-то необычное: с запада, растянувшись по всему горизонту, двигалась сплошная линия какого-то света с вкрапленными красными и зелеными звездочками. И донесся неясный грохочущий гул, словно где-то там, на Польской земле, разразилась невиданной силы гроза.

Но через минуту стало ясно. Все вокруг заполнилось страшным ревом, гулом и рокотом. Чтобы быть услышанным, рядом стоящему подчас приходилось кричать во все горло.

Над сонной крепостью тучи бомбардировщиков закрыли небо.

На здания казарм, артпарк, на стоянку машин автобата, на коновязи, складские помещения обрушился шквал авиабомб. С холодящим душу визгливым ревом летели вниз бочки с горячей

нефтью.

И в ту же минуту, совсем с близкого расстояния, из-за Буга потрясающе загрохотали сотни орудийных и минометных стволов. Крепость засыпало несметным числом снарядов всех калибров, мин и гранат. Гаубицы, тяжелые мортиры по крутой траектории беспрерывно низвергали на двор Цитадели мощные фугасные снаряды.

Взлетали ввысь земля, кирпич, камни, куски рваного железа. Казалось, само небо разорвалось и рассыпалось на громадные, железногрохочущие куски. Война!!!

Готовя вероломное нападение, гитлеровцы заранее тщательно рассчитали расстояние до целей для артиллерийской стрельбы. Орудийные снаряды с первых же выстрелов залетали в окна казарм, прямо поражая спящих на койках красноармейцев. В первые минуты раздетые, разутые люди, оглушенные подающими взрывами и громом, в полном ослеплении и растерянности, не понимая, что происходит, выскакивали во двор, сразу попадали под губительный артиллерийский, минометный и авиабомбовый огонь.

Командиров, которые сразу навели бы порядок и начали организацию отпора врагу, по случаю воскресенья в крепости было мало. Руководили красноармейцами младшие командиры. Особую роль играли коммунисты. То там, то здесь слышались крики:

– Коммунисты, комсомольцы – ко мне!

Повсюду через пять-десять минут сумятица начала проходить.

Не только младшие командиры, но и рядовые красноармейцы брали на себя командование. То здесь, то там слышались резкие, как выстрелы, команды:

– В ружье!.. Группа, слушай мою команду!..

– Станови-ись!

– Шагом марш!

– За мной, бего-ом!

– Куда тебя черт несет! Становись!

Бойцы забежали в казармы, с лихорадочной поспешностью хватали с пирамид винтовки, доставали боеприпасы и по указанию командиров или по требованию обстановки занимали удобные позиции. Чаще же их разводили по местам коммунисты, взявшие на себя руководство.

Первые – самые яростные, смертельные схватки, позже доходившие до штыкового боя, – начали пограничники на территории Тираспольского и Волынского укреплений. Пограничники бились до последнего патрона, до последней гранаты. На большинстве постов они погибли до единого. Другие гибли от артогна прямо в казармах, где они отдыхали после смены. Под натиском сильнейшего противника оставшиеся в живых пограничники, забрав раненых, отступали на территорию Цитадели через Тираспольские ворота.

Однако Волынское и Тираспольское укрепления не были брошены. На Тираспольском в первые же часы боев образовались ведущие круговую оборону три узла: участок обороны старшего лейтенанта А.С. Черного, сражающаяся группа старшего лейтенанта коммуниста Ф.М. Мельникова, бойцы из транспортной роты и пограничники. Они вели бой из своих казарм. Образовалась обороняющаяся группа пограничников и на Волынском укреплении.

Обходя возникшие узлы обороны, гитлеровцы стали скапливаться для прорыва в Цитадель через мост в Тираспольские ворота.

Одновременно с узлами сопротивления, образовавшимися в Тираспольском и других укреплениях, стали складываться узлы и в Цитадели: в казарме 933-го стрелкового полка – под руководством лейтенанта А.Е. Потапова, в здании 17-го погранотряда – под командованием лейтенанта А.М. Кижеватова.

На территории Волынского укрепления других сооружений, кроме корпусов госпиталя, не было. К полудню 22 июня врагу удалось захватить укрепление. Здания госпиталей к тому времени были уже почти разрушены артиллерийским огнем. Ворвавшийся враг расправился с больными и ранеными воинами, находившимися в госпитале. Заместитель начальника госпиталя по политчасти батальонный комиссар А.С. Богатеев вооружил медперсонал и ходячих больных и организовал отпор врагу. А.С. Богатеев и его товарищи погибли в первой же схватке с врагом. Женский медицинский персонал госпиталя гитлеровцы использовали в качестве живого щита, выставив его впереди себя во время своей атаки Цитадели. Мужественные женщины кричали:

– Товарищи красноармейцы! Бейте гадов! Не обращайтесь на нас внимания!

Видя неудачу своей затеи, фашисты перестреляли медицинский персонал тут же у моста, что вел в Холмские ворота.

После первых двух часов непрерывной артиллерийской и авиационной бомбардировки, начавшейся в 4 часа 15 минут утра по московскому времени, большая часть крепости с внешней стороны была обойдена противником.

Засевший вокруг внешних стен Цитадели противник повел по бойницам и амбразурам усиленный ружейно-пулеметный огонь. Такой же ожесточенный бой велся и за захват Кобринского укрепления. За первый день враг предпринял против Цитадели восемь безуспешных атак. Ураганный артиллерийский обстрел и авиабомбежка продолжались дотемна. Таков был ход событий в первый

день.

* * *

Передовые части 45-й немецкой пехотной дивизии, на которую и была возложена задача взятия крепости, имея во флангах 31-ю и 34-ю пехотные дивизии, охватывающие крепость с запада и востока, начали стремительный штурм Цитадели через Тираспольское укрепление. Форсировав рукав Буга, огибавший валы этого укрепления, и обойдя образовавшиеся здесь узлы сопротивления, 3-й батальон 135-го полка 45-й немецкой дивизии, оставляя за собой десятки убитых и раненых, захватил мост через Буг, смял защитников, ворвался в Тираспольские ворота, одновременно бросился к Холмским воротам и, обойдя горящее здание пограничной заставы, занял во дворе здание клуба и находившуюся рядом с ним комсоставскую столовую. Гитлеровцы получили возможность из клуба (бывшей церкви) вести ружейно-пулеметный обстрел большинства зданий во дворе Цитадели. Остальные батальоны 135-го полка, а также другие подразделения дивизии должны были поддержать действия ворвавшегося 3-го батальона.

Но дальнейшее продвижение подразделений 45-й дивизии в Цитадель через Тираспольские ворота было приостановлено.

Третий немецкий батальон в полной уверенности, что Цитадель окончательно им захвачена, не дожидаясь подмоги и оставив в церкви несколько пулеметчиков и автоматчиков, кинулся к главным Трехарочным воротам. Часть отсеков вблизи ворот гитлеровцами уже была занята.

Но тут случилось для упоенных успехами немцев совсем неожиданное...

В отсеках оборонительной казармы по обе стороны от Холмских ворот размещался батальон 84-го стрелкового полка. Здесь образовался сильный узел обороны, который защищал ворота и мост, ведущий в Цитадель с Волынского укрепления.

Недавно назначенный в 84-й полк заместитель по политчасти полковой комиссар Е.М. Фомин, не получивший еще квартиры в комсоставских домах, в ночь на 22 июня находился в казарме батальона. Он немедленно взял на себя руководство боевыми действиями стрелкового батальона своего полка и оставшимися в крепости другими подразделениями. По приказу Е.М. Фомина красноармейцы пошли в первую атаку против гитлеровцев, хозяйничавших в районе расположения 84-го полка у Холмских ворот и здания инженерного управления, которую поддержали все подразделения, находившиеся в Цитадели.

Стремительным броском бойцы взяли прорвавшуюся в крепость группу 3-го немецкого батальона в штыки. Помощь им оказали бойцы из других частей. Ни в одной завоеванной стране гитлеровских солдат в штыки не брали. А тут пришлось попробовать их острие...

Гитлеровцы в панике побежали обратно к Тираспольским воротам. Но мост уже контролировался бойцами 333-го стрелкового полка и 9-й погранзаставы. Гитлеровцы кинулись обратно в церковь. Здесь остатки 3-го батальона были полностью блокированы. Запертые гитлеровцы отчаянно звали по радио о помощи. Но 45-я немецкая дивизия не смогла выполнить приказ о занятии крепости в первый же день. Не смогла она и помочь своим заблокированным солдатам.

В Брестской крепости советские воины были окружены немцами. Внутри же крепости наши воины блокировали немцев в церкви. В свою очередь окруженные в церкви гитлеровцы в верхнем этаже церковного притвора держали заблокированными несколько человек – насмерть стоявших красноармейцев. Они погибли. Но до единого были уничтожены и гитлеровцы, запертые в церкви. Оборону Цитадели в районе Трехарочных ворот вели бойцы 455-го стрелкового полка, а также бойцы других частей. Защиту западной стороны Цитадели у Белостокских ворот держали бойцы 44-го стрелкового полка.

На Кобринском укреплении переправленные через Буг на резиновых лодках гитлеровцы захватили западные валы. Отсюда они вели усиленный ружейно-пулеметный и автоматный огонь по казармам 125-го полка, расположенным тут же, непрерывно подвергая их артобстрелу и воздушной бомбардировке. Закрепившись на западных валах, гитлеровцы стали контролировать Белостокские ворота Цитадели. Под фланговым огнем держали они и выход Трехарочных ворот и мост через водную преграду перед ними.

Район Северных и Восточных ворот Кобринского укрепления в первые же часы боев удалось очистить от гитлеровцев, перебравшихся сюда через водную преграду. Но немцы прочно и плотно заняли берег водной преграды за Северными валами.

Командир 44-го стрелкового полка майор П.М. Гаврилов в первые же минуты, когда на крепость были сброшены фашистские бомбы, побежал к Цитадели, где у Белостокских ворот был расположен его полк. Но входы в Цитадель немцы усиленно бомбили и держали под непрерывным пулеметно-автоматным огнем. Пробраться в Цитадель майор П.М. Гаврилов не смог. Тогда он немедленно организовал отряд в 300 человек из бойцов разных частей и полков, оказавшихся здесь, в Кобринском укреплении. Отряд обосновался в казематах Восточного форта, и майор Гаврилов повел защиту форта по всем уставным требованиям.

Вблизи Восточных ворот оборону с валов вели бойцы 98-го отдельного противотанкового дивизиона. Северо-западную часть Кобринского укрепления энергично защищали красноармейцы, ведя огонь прямо из окон своих казарм, а также из «подковообразного форта», расположенного недалеко. После

частичного разрушения казарм авиацией и артиллерийским огнем бойцы продолжали биться в некоторых оставшихся целыми комсоставских домах и здании 125-го полка.

В ходе дальнейших боев остатки групп 125-го полка также влились в отряд майора П.М. Гаврилова и продолжали борьбу, имея базой Восточный форт.

Так образовались основные узлы героической обороны Брестской крепости. В первый же день, к моменту штыкового разгрома батальона немцев, двор Цитадели представлял ужасную картину: горели склады, дома, автомашины, зарядные ящики. В парке виднелись разбитые пушки, пылала земля вокруг сброшенных немцами бочек с горючим. По всей территории Цитадели валялись сотни трупов немецких солдат и наших красноармейцев. По двору с ржанием носились десятки лошадей, взбесившихся от ранений, боли, от запаха крови, от огня и дыма. У коновязей лежали десятки убитых и бились раненые лошади. Над крепостью нависла зловещая красно-бурая кирпичная пыль, высоко поднятая попадавшими в стены снарядами.

* * *

Первой задачей командование 45-й немецкой дивизии ставило поражение живой силы, размещенной в крепости. И весь огонь был сосредоточен на казармы, дома комсостава, на места водных преград, на выходы из крепости.

Генералитетом вермахта было запланировано нанести внезапный сильный удар по спящим красноармейцам гарнизона крепости, ошеломить, смять и парализовать у них всякую волю к сопротивлению.

Группа армий «Центр», наступавшая с запада, состояла из 50 дивизий и 2 моторизованных бригад. Из них 29 дивизий и 3 артиллерийские бригады были развернуты в полосе фронта в 150 километров... Вместе с ними двигалась огромная танковая группа генерала Гудериана. Вся эта махина людей и машин, сосредоточенная на небольшом отрезке фронта, поддерживалась армадой 2-го немецкого воздушного флота, которая, хотя и имела прямую задачу в первые же часы уничтожить советский воздушный флот на аэродромах, большое количество своего бомбового груза обрушила на крепость. Брест стоял на пути главного удара гитлеровцев. Против каждого красного бойца в районе Бреста стояло по три-четыре немецких солдата. Уничтожив противостоящую 4-й немецкой армии нашу 4-ю армию, немецкое командование имело намерение открыть беспрепятственную дорогу на Минск – Смоленск и дальше на Москву, разбивая по мере продвижения на восток новые и новые резервы Красной Армии.

Из-под Бреста начальник штаба 4-й немецкой армии генерал Блюментритт посылал в главный штаб немецкого вермахта донесение о занятии крепости Брест 24 июня.

Потом подтверждал, что крепость занята окончательно 27 июня. А затем, опасаясь гнева Гитлера, сведения о сражающейся еще крепости он стал скрывать.

В своей книге «Пережитое» Л.М. Сандалов приводит отзыв генерала Блюментритта, опубликованный в английской военно-исторической печати:

«Начальная битва в июне 1941 года впервые показала нам Красную Армию в бою. Наши потери доходили до 50 процентов. ОГПУ (по-видимому, имеются в виду пограничники) и женский батальон (очевидно, жены начсостава) защищали старую крепость Брест до последнего, несмотря на тяжелейшие бомбежки и обстрел из крупнокалиберных орудий. Там мы узнали, что значит сражаться по русскому способу...».

Приведем еще одно свидетельство матерого фашиста, виднейшего гитлеровского шпиона, в свое время похитившего по заданию фюрера «дуче» Муссолини – Отто Скорцени:

«Русские в центральной крепости города продолжали оказывать отчаянное сопротивление. Мы захватили все внешние оборонительные сооружения, но мне приходилось пробираться ползком, ибо вражеские снайперы били без промаха. Русские отвергли все предложения о капитуляции и прекращении бесполезного сопротивления. Несколько попыток подкрасться к крепости и завладеть ею штурмом закончились неудачей. Мертвые солдаты в серо-зеленых мундирах, усеявшие пространство перед крепостью, были красноречивым тому свидетельством... Русские сражались до последней минуты и до последнего человека...» .

Надо отдать справедливость, этот фашист, питающий к нашей стране черную ненависть, дал объективную оценку сражавшейся крепости и ее защитников.

И, наконец, еще одно свидетельство:

«...Американские военные идеологи в статье, опубликованной министерством обороны США в 1950 году, пишут, что «никогда нельзя сказать о советском солдате, как он будет себя вести в той или иной обстановке». В качестве примера они приводят Брестскую крепость:

«Подвал в центре Брест-Литовской крепости удерживался в течение многих дней, выдерживая наступление целой немецкой дивизии при очень сильной огневой поддержке» .

Здесь имеется в виду подвал под казармой 333-го полка.

* * *

Боевые действия в Брестской крепости продолжались с неослабевающей силой. Орудийно-минометный обстрел крепости не прекращался с ранней зари до наступления темноты.

В первые два дня боями была охвачена практически вся крепость. Но постепенно отдельные узлы

обороны очищали от противника ближайший свой район, узлы сливались и завязывали между собой связи, уславливались о взаимодействии. К вечеру 24 июня неприятель был отброшен во многих пунктах. В результате этого стало возможным собрать коммунистов, командиров и руководителей сражающихся групп со всей крепости. Совещания проходили в одном из отсеков оборонительной казармы, вблизи Трехарочных ворот. Было принято решение о совместной защите крепости под единым командованием. Командиром назначили капитана И.Н. Зубачева, а заместителем по политической части – Е.М. Фомина. На этом совещании был составлен приказ № 1 по гарнизону сражающейся крепости. Документ этот был найден спустя долгое время после окончания войны при расчистке развалин. Хранится он в Музее Брестской крепости.

Очень условно оборону крепости можно разбить на три периода:

22-24 июня – время изолированной друг от друга обороны крепости отдельными узлами;

24-27 июня – время, когда отдельные группы сражались под более или менее ощутимым единым командованием;

28 июня – 12 июля – время, когда борющиеся группы постепенно теряли связи и гибли под нап

* * *

Очнулся я через три недели в госпитале, размещившемся в Тамбовской психиатрической лечебнице. Я помню, как сидел в окопчике, но что случилось со мною после, не знаю. По-видимому, взрыв снаряда, упавшего близко, выбросил меня из окопа. На голове и на плечах были незначительные царапины. Дня через три в госпитале я вновь впал в беспамятство и спустя две недели очнулся уже в Куйбышевской лечебнице «Томашев колокол».

Являлась ли моя болезнь следствием первой контузии, полученной в Брестской крепости, или в последний день моей фронтовой жизни – не знаю.

В Куйбышеве меня известили о присвоении мне звания младшего лейтенанта. Здесь же я получил жалованье за несколько месяцев.

В первых числах сентября меня отправили в Грозный в тыловую часть. Через два месяца я снова попросился на фронт. Но из города Георгиевска врачебная комиссия вернула меня опять в Грозный, признав непригодным к службе.

– Вот вся моя фронтовая жизнь и служба в Красной Армии.

Я поблагодарил Бейтемирова.

ПРОРЫВ

ШАБУЕВ АБДУЛКАХИР

Селение Минеральное Надтеречного района ЧИАССР. Год рождения 1920-й. Беспартийный. Работает механизатором в совхозе. В Бресте служил рядовым в 333-м стрелковом полку.

Уважаемый писатель! Прошу прощения за то, что долго не отвечал на ваши письма. Я по профессии комбайнер и тракторист. После окончания уборки зерновых у себя в районе я был отправлен в Асмолинскую область и долго пробыл там.

Вы просите меня написать воспоминания о своем участии в защите Брестской крепости от немецко-фашистских агрессоров. Грамотей я совсем небольшой. Напишу, как сумею. Потом при встрече расскажу о том, что не сумел изложить в письме.

Первые дни войны настолько незабываемы, что каждый раз, рассказывая о Брестской защите, прихожу в волнение.

Отвечу сначала по вашему вопроснику. Призван в Красную Армию я был в начале октября 1940 года.

15 октября эшелон с призывниками направили на запад. Из вашей республики ехало до сотни новобранцев. По пути в больших городах часть людей высаживали.

Прибыл наш эшелон на станцию Брест 1 ноября 1940 года. Здесь людей окончательно распределили по частям. Из числа ехавших со мной из Чечено-Ингушетии в Брестскую крепость попали 30 человек, и их распределили по стрелковым полкам гарнизона. Я попал в 333-й полк. В этом полку, а также и в других, из нашей республики было много красноармейцев, служивших еще с прошлого года.

Некоторых командиров помню по фамилиям: полковник Матвеев – командир 333-го стрелкового полка, капитан Гайфулин – командир батальона, младший лейтенант Денисов – командир взвода ПТО, в котором я служил.

Война застала меня и моих однополчан в казарме 333-го полка, расположенной в центральной части крепости. В этом здании я находился до ночи на 25 июня.

Полк наш отбивал беспрерывные атаки вражеских солдат, а также танков, стремившихся захватить Цитадель.

Что могли им противопоставить бойцы гарнизона? Мы защищались винтовками, пулеметами, автоматами и ручными гранатами. Вся наша артиллерия, стоявшая около здания бывшей гарнизонной церкви, а также за казармами 333-го полка, была в первые же минуты нападения фашистов разбита авиабомбами немецких бомбардировщиков, стаями налетавших на крепость.

У нашего взвода противотанковой обороны были четыре прекрасных пушки, но они были сразу разбиты. А надо сказать, что наш полк, как и другие стрелковые полки, в этот момент в крепости был не в полном составе: часть рот находилась вне крепости в летних лагерях.

В течение первого же дня боев верхние этажи нашей казармы пришлось покинуть, так как немецкие снаряды били в окна. Все защитники спустились в общий подвал под зданием и повели оборону оттуда. Подвал имел много окон, выходящих во все стороны двора крепости. Это позволяло вести огонь в любом направлении. Фундамент же казармы был сложен из крепчайшего гранита.

Немцы много раз атаковали крепость, стремясь занять ее внутреннюю часть – Цитадель. Но каждый раз наши бросались в контратаку и отбрасывали их назад.

Около одного из угловых окон подвала скопилось человек двадцать чеченцев из нашего 333-го полка. (В полку земляков из нашей республики было больше сотни.)

Из числа их помню ныне живого Мовлида Юсаева из Кень-Юрта. На второй день, кажется, его ранили, и он лежал в той части подвала, где укладывали раненых.

Там же находился Хожа Бетризов (Гериханов) из села Братское. Он был пулеметчиком, я слышал, что он погиб там же, в крепости. Кроме того, из находившихся в подвале помню Элима Эльмурзаева из с. Толстой-Юрт. Элим тоже был пулеметчиком и погиб в ночь на 25 июня, когда мы пошли на прорыв кольца вражеского окружения у Кобринских ворот. С ним погиб и ингуш-пулеметчик Магомед Озаев.

В субботу 21 июня из моих знакомых земляков Надтеречного района в крепости были Домби Байсуркаев (Мекень-Юрт), Усам Усманович Дзугаев (Минеральное), Адам Джаутханов (с. Надтеречное).

Все они служили в 44-м стрелковом полку и, несомненно, погибли в крепости.

В 44-м полку служил еще мой односельчанин Ирисхан Исраилов (Минеральное). О нем я слышал, что из окруженной крепости он сумел вырваться и погиб уже в ходе войны. Знал я по службе в 333-м полку Ахмата Хасиева (Братское). За день до боя его определили на пост у склада, находившегося за зоной крепости. Он остался жив, живет в Братском.

В отдельном разведбатальоне служил младший лейтенант Айнди Лалаев (Толстой-Юрт). Он погиб в крепости в первый день войны. На другом фронте Великой Отечественной войны погиб брат Айнди Лалаева – Зайнди, а второй брат, Рамзан Лалаев, вернулся с войны в звании старшего сержанта.

Из других участников обороны, моих Надтеречных земляков, находившихся в крепости в первый день войны, знаю Нажмудина Тукаева (с. Мекень-Юрт), служил он в 44-м полку, Адеса Ахтаевича Денисултанова (с. Надтеречное, 44-й полк), Дуту Мусаева (с. Гвардейское), Мутуша Духигова (с. Знаменское), Хумаида Аблушева (с. Надтеречное), Халида Азамова (с. Надтеречное) и Османа Сатуева (с. Надтеречное).

Последний доводился мне родственником. С Денисултановым, Духиговым и Мусаевым я ехал в Брест в одном эшелоне.

Судьба их сложилась так. Усман Сатуев вырвался из крепости через неделю после начала боев. В Брестской области в Высоковском районе он больше года был партизаном, попал в руки фашистов, и они его в лесу расстреляли. Мать его Нода живет в Братском и получает пенсию. Тукаев, Денисултанов, Мусаев, Духигов, по-видимому, погибли в крепости.

Из упомянутых бойцов Тукаев, Аблушев и Азамов прибыли в Брест весной 1941 года из города Речицы (из состава 487-го стрелкового полка. – Х.О.), Х. Азамов жив. Аблушев умер несколько лет назад.

Боевыми действиями 333-го полка руководил старший лейтенант А.Е. Потапов. Помогал ему лейтенант, фамилию которого я не помню.

Главная задача бойцов нашего полка заключалась в том, чтобы не пропустить врагов вовнутрь крепости через Тираспольские ворота, находившиеся рядом с нашей казармой.

Но часть немцев в крепость все-таки прорвалась и заняла здание бывшей церкви. Оттуда они вели круговой обстрел. Потом этим фашистам бойцы начисто отрезали обратную дорогу. И они защищались из церкви, уже со всех сторон окруженные нашими. Но и сама крепость была окружена фашистами.

По боевой тревоге все стрелковые полки должны были выйти из крепости и занять отведенные им районы обороны около границы. Но надо сказать прямо: нападение мы проспали.

Выйти из крепости в самом начале нападения фашистов успели только некоторые части. Крепость была надежной во время прошлых войн. А в наше время, когда самолеты и артиллерия могли подвергнуть огню любую точку в ней, защищать осажденную крепость было делом не простым.

Убедившись, что выручки извне не получим, старший лейтенант А.Е. Потапов ночью 24 июня (на 25-е) повел некоторую часть оставшихся в живых бойцов 333-го полка на прорыв. Это было сделано строго по желанию бойцов. Говорю повел часть, потому что много бойцов нашего полка сражались и в других местах крепости.

Прорываться решили через Кобринские ворота, причем добираться до них из Цитадели тоже пришлось с боем. У Кобринских ворот с разных частей нас собралось до 300 человек. Командование прорывом взял на себя старший лейтенант А.Е. Потапов. Отряд разбили на три части. В одной части были пулеметчики с ручными пулеметами и автоматчики. Остальные две группы под прикрытием пулеметного огня должны были пробиться через кольцо окружения.

Здесь погибло много чеченцев и ингушей 333-го полка, фамилии их я не помню. Из 300 человек вырвалось нас из крепости человек 70. Остальные большей частью полегли у ворот. Небольшая же часть отступила к Восточному форту. Но это я уже знаю из разговоров бойцов, которых встречал гораздо позже. Что случилось со старшим лейтенантом Потаповым, командовавшим прорывом, не знаю.

До рассвета мы шли по дремучим лесам Брестской области на восток. И страшно сказать: прошли мы за ночь 85 километров!

Это было очень много для нас – измученных, оборванных, голодных. Я очень благодарен двум лейтенантам, которые гнали и гнали нас, не давая ни минуты отдыха. Но несмотря на страшную усталость, мы шли и шли, имея целью добраться до частей Красной Армии.

Через четыре дня в районе Бобруйска наша группа догнала части Красной Армии. В первых числах июля 1941 года в бою в самом городе Бобруйске меня ранило. Отправили в г. Могилев, в госпиталь. Здесь я встретил старшего лейтенанта Сайд-Ахмада Бейтемирова из с. Элистанжи Веденского района. Он служил в конной разведке нашего 333-го полка.

Бейтемиров в госпитале передал мне, что все горцы из Итум-Калинского района, которые с ним были призваны в армию и служили в 8-й роте нашего полка, погибли до единого. Об этом ему передали однополчане.

В Могилеве мне сделали операцию, вытащили осколки мины. Вскоре меня повезли в Тамбов. Пролежал там немного.

После выздоровления сразу же направили на фронт под Смоленск. В крепости я учился на артиллериста. Знал хорошо пушки 45 и 76-миллиметровые. Знаком был и с зенитной артиллерией. Здесь я стал сражаться с авиацией врага в составе 693-го отдельного артиллерийского зенитного дивизиона.

В начале октября 1941 года наша дивизия расколотила 44-ю эсэсовскую немецкую дивизию в районе города Ельня.

Это, как мне помнится, был первый город, отбитый нами у немцев с начала войны. Наш дивизион в этих боях сбил 27 вражеских самолетов. Но кроме того наша зенитная артиллерия действовала, когда нужно было, и как противотанковая. Уничтожил наш дивизион 12 немецких танков.

С середины августа по 13 ноября 1941 года мне пришлось участвовать в ожесточенных боях под городами Ельня, Вязьма, Гжатск, Можайск и Серпухов.

13 ноября 1941 года меня тяжело ранило и контузило. Из армии освободили по чистой и направили домой в Чечено-Ингушетию.

В Казахстане во времена выселения я несколько лет работал в шахтах Караганды.

Работой и жизнью своей доволен, но приступы головных болей – следствие контузии – часто дают о себе знать. Женат, имею пятерых детей. Скоро сына отправлю в армию. Пускай послужит.

ПО БОЕВОЙ ТРЕВОГЕ БЕДРИЦКИЙ ПЕТР СЕМЕНОВИЧ

Грозный. Год рождения 1920-й. Беспартийный. Образование: инженер-технолог нефти. Работает на Грозненском нефтеперерабатывающем заводе им. В.И. Ленина. В Бресте служил в 44-м стрелковом полку.

В Красную Армию призвали в октябре 1940 года. Взяли меня с III курса нефтяного техникума. 13 октября погрузили нас в эшелон, идущий на запад. Из Грозного ехало очень много призывников, главным образом чеченцев. По пути часть людей высаживали для направления к месту предстоящей службы.

Из Барановичей нас привезли в местечко Пружаны, километрах в 80-ти северо-восточней Бреста. Здесь в селе Кошары нас, земляков из Чечено-Ингушетии, вместе с другими новобранцами включили в состав 44-го стрелкового полка 42-й дивизии. Полк этот прибыл туда совсем недавно с финской границы, где он участвовал в боях. Среди командиров и красноармейцев было много награжденных медалями и орденами Советского Союза. Было это даже несколько необычно.

Командиром полка был майор Гаврилов Петр Михайлович, ныне прославленный герой Бреста, удостоенный за оборону крепости звания Героя Советского Союза.

В январе мы, новички, приняли присягу, а в середине марта 1941 года полк перевели в крепость Брест. Расквартировали нас в северо-западной части оборонительной казармы Цитадели, выходящей на западный угол Кобринского укрепления. Здесь же недалеко от нас, около арочных ворот, в оборонительных казармах размещался другой полк нашей дивизии – 455-й.

Зачислили меня во взвод связи 44-го полка, и в нем я прослужил до самой войны.

Из других призывников-земляков помню я Салиха Абдрахманова, который был призван одновременно со мной из того же нефтяного техникума, где учился и я. Он находился в крепости до дня фашистского нападения и, по-видимому, погиб в Цитадели в первые дни войны.

Кроме того, в крепости служили и другие наши земляки: Абдулла Сабирович Байбеков, Александр Дмитриевич Кренделев, Николай Иванович Зацепин и другие. Все они, за исключением Зацепина,

вернулись с войны и работают в нашем городе. Вероломное нападение фашистов началось в 4 часа 15 минут утра 22 июня. Враги буквально засыпали крепость снарядами и бомбами. Бойцы в одном белье выбегали из казарм во двор и попадали под губительный вражеский огонь.

Командиры подразделений в субботний вечер ушли к семьям на Кобринское укрепление или в город, и в первые часы красноармейцами некому было руководить. Но потом бойцы начали сами организовывать оборону, доставать оружие, боеприпасы и вести сражение.

В расположении нашего полка нашелся неизвестный мне лейтенант. Возможно, он был даже не нашего полка. Он хорошо понял опасность пребывания в крепости.

Лейтенант немедленно выстроил всех оказавшихся у нашей казармы бойцов, человек около ста. Но многие из нас не были даже вооружены винтовками.

Недолго раздумывая, он скомандовал:

– За мной! Бего-ом марш!

Помню, я даже был недоволен: зачем гонит, когда можно идти скорым шагом. А он все время кричал: «Живее, живее!»

Бегом прошли мы Трехарочные ворота, бегом пробежали и Северные ворота.

А уже по дороге к городу нас встретил пулеметно-автоматный огонь врага. По-видимому, это были самые первые цепочки немецких автоматчиков, бравших крепость в кольцо. По команде лейтенанта мы дружно ударили по вражеской цепи из винтовок и прорвались к окраине города.

Наша группа оказалось удачливой. И это благодаря лейтенанту.

Оказалось, что через какие-нибудь десять минут немцы сосредоточили у Брестских и Северных ворот страшный артиллерийский и минометный огонь. Ни войти, ни выйти из крепости уже было невозможно.

Однако лейтенант убедился, что на условленное место сбора из-за плотного огня фашистов пройти невозможно. Ни пулеметов, ни автоматов у нас не было. Были только винтовки с 5-7 обоймами патронов.

Лейтенант немедленно принял решение отвести нашу группу в лес (благо лесов в Белоруссии много) и, не отходя далеко от шоссе, идти на Жабинку и город Кобрин. До Жабинки от Бреста было километров двадцать с лишним.

Впереди в районе Жабинки шел сильный бой: слышалась непрерывающаяся ни на секунду орудийная и пулеметная стрельба. Когда, пробираясь лесом, подошли поближе к Жабинке, мы увидели, что вся шоссе была запружена фашистскими войсками и техникой.

Нечего было и думать, чтобы пробиться через густую цепь немецких войск. Лейтенант решил идти лесом дальше, к Кобрину. Несколько раз натыкались на немцев, прорывались из окружения и шли дальше. Во время стычек мы теряли людей. Раненых тащили на руках. Напрягали все силы, чтобы догнать уходящую на восток нашу армию. Но ночными маршами, да еще по лесу, сделать это было трудно. Многие отставали.

Через три дня нас осталось человек тридцать. Лейтенант приказал рассредоточиться группами в 3-4 человека. Я пошел с тремя. В одном месте дошли до редколесья. Решили перейти на другую сторону шоссе и напоролась на немцев. Нас обстреляли, но преследовать в лесу не стали. Оказалось, что здесь начинались непроходимые Пинские болота. Пришлось идти по самому их краю.

Иногда попадались белорусские хуторки, но принять нас на ночь люди боялись, да и сами мы не хотели подводить их.

Белорусы давали нам куски хлеба и вареную картошку. На пятый день в местечке Давид-Городок белорусы нас накормили и приняли на ночевку. Страшно утомленные, мы все заснули крепким сном.

Разбудили нас немцы. Грубыми толчками сапог они подняли нас и повели в плен. Сначала я находился в лагере для военнопленных в Демблине, возле Варшавы. Затем меня отправили в Германию в распределительный лагерь. Кормили там ужасно. От истощения и голода умирали десятками.

На третью неделю из лагеря выбрали человек сорок наиболее крепких и привезли в сельскохозяйственное имение. В число их попал и я. Дали нам французское обмундирование с нашитыми на куртке, брюках и кепке буквами «СУ» – Совет Унион.

Питание было лучше, свой рацион мы пополняли ворованной картошкой, брюквой или морковью. Люди несколько окрепли.

Название деревни не помню, но находилась она около исконной польской границы. Мысль бежать из плена никогда не покидала меня.

Однажды привезли пленного поляка. Я сразу понял, что человек он решительный и ему можно предложить бежать. А с двумя нашими пленными у меня был уговор: бежать при первой же возможности в Польшу. С поляком договорились. В поле охраняли нас крепко. Охранники-немцы боялись угодить на фронт.

Стали копить хлебные пайки, пряча под матрасы. Назначили бежать в пятницу. В субботу в бараках устраивали повальный обыск. На наше несчастье, обыск на этот раз устроили в четверг. Нас четверых засадили сначала в концлагерь, чтобы судить. Но потом неожиданно повезли в Норвегию, в лагерь со строжайшим режимом.

В этом лагере я пробыл до конца войны. Как только фашистская Германия капитулировала, меня в числе других советских военнопленных перевели в город Торнхейм. Английский пароход доставил нас в Осло.

Вскоре за нами прибыл наш пароход. Всех военнопленных одели в форму советских солдат и привезли в Ленинград.

Служил я после этого в городе Мурманске год. В 1946 году демобилизовали, и я вернулся в Грозный. Здесь меня сразу приняли в свой нефтяной техникум.

Только не было со мной Салиха Абдурахманова. Он пал у стен крепости-героя Бреста.

В 1948 году я окончил нефтяной техникум, с тех пор работаю сменным инженером Грозненского нефтеперерабатывающего завода им. В.И. Ленина.

ДВЕНАДЦАТЬ ДНЕЙ МАЛАЕВ АЛДАМ

Селение Кень-Юрт Надтеречного района ЧИАССР. Год рождения 1920-й. Беспартийный. В Бресте служил в 333-м полку рядовым.

Осенью 1940 года я прибыл в Брестскую крепость. Зачислили меня в стрелковый взвод полковой школы 333-го стрелкового полка.

Полком перед войной командовал подполковник Матвеев, высокого роста, статный командир, считавшийся среди командиров гарнизона очень образованным человеком.

Школу нашу возглавлял славный капитан Джиджишвили, а стрелковый взвод, в котором был я, – лейтенант Наганов Алексей Федорович. Помню еще одного – младшего лейтенанта Литвинова. Он командовал минометным взводом. Ему же было поручено ведение политических занятий с курсантами школы.

Ко мне он относился очень хорошо. Хотя он командовал минометным взводом, а я был в стрелковом, младший лейтенант давал мне разные поручения. Иногда, когда у него не было времени, он поручал мне ведение политических занятий с курсантами. Я этим очень гордился, так как был беспартийный. Но партийная работа в полку была поставлена высоко. Нас часто приглашали на открытые партийные собрания.

Помощником командира стрелкового взвода был старший сержант сверхсрочной службы Беличенко. Другой старший сержант – Попов – был старшиной школы. Из других своих сослуживцев помню еще младшего лейтенанта Чантуридзе, курсанта Кравченко из Переславля, Шимкина, Бабушкина и Удилова – все трое с Урала (впрочем, последний, кажется, был из Калининской области).

В Брестской крепости было много чеченцев и ингушей. Со мной в одном эшелоне ехали Али Устарханов и Мовлид Юсаев, оба мои односельчане. Юсаев живет в родном селе, а Устарханов погиб в Бресте. Ехали со мной еще Юнус Юсупович Саидов из Аду-Юрта и Элим Эльмурзаев из Толстой-Юрта. Первый пропал без вести, второй был убит у главных ворот Брестской крепости, когда большая группа красноармейцев делала прорыв из окружения. Элим был пулеметчиком.

Еще задолго до моего приезда в Брест там служили и другие мои земляки по району. Ахмат Хасиев (из с. Братское, жив), сержант Айнди Лалаев (с. Толстой-Юрт, убит в первый день войны в Цитадели), старший сержант Мамаи (Магомед) Узуев (из с. Итум-Кала, убит в первый день войны в Цитадели). В артполку служил Ваха Хусиев.

В конной разведке служили с Лалаевым его друзья Рагозин и Рожков. Оба с Урала или из Калининской области.

До войны в крепости служил Назарбек Уциев (из Итум-Кали, ныне подполковник, кавалер многих орденов. Работает начальником одного из стройтрестов в городе Грозном). Но в момент нападения фашистов на крепость лейтенанта Уциева в Брестском гарнизоне не было. Чеченцы, служившие здесь до меня и знавшие Назарбека Уциева, говорили, что он поймал в крепости немецкого шпиона, одетого в советскую военную форму, за что и был награжден орденом. Служил Уциев в погранвойсках.

Перечислю всех земляков, служивших в Брестской крепости в 333-м и других полках: Сулейманов Магомед (с. Кень-Юрт), Байсуркаев Домби (с. Мекень-Юрт), Бетризов Хожа (с. Братское), Хасиев Ахмат (с. Братское), Мусаев Дуту (с. Гвардейское), Самбиев Канта (с. Мекень-Юрт), Серсултанов Тагир (с. Гвардейское), Ташаев Салман (с. Мекень-Юрт), Закриев Саид (х. Конева), Исраилов Ирисхан (с. Минеральное), Шабуев Абдулкахир (с. Минеральное), Сатуев Усман (с. Надтеречное), Ималиев Халид (с. Верхний Наур).

Все они – мои земляки по Надтеречному району. Живым из них вышел из окруженной крепости Шабуев, вернулись домой не находившиеся в зоне крепости Хасиев и Закриев. Остальные погибли или пропали без вести. Знал я по Бресту также Али Гайтукаева из Ишхой-Юрта Гудермесского района. Он вернулся с войны и ныне работает в своем селе учителем.

Канун войны и первый ее день всем запомнился крепко. Перед самым нападением гитлеровцев наш взвод находился в летнем лагере в 15-ти километрах южнее Бреста, в расположении танковой

дивизии, стоявшей там. Из селения Шали я знал Саид-Магомета Хюзиева и Мовсара Ганукаева. Оба они, как мне говорили, убиты в крепости в первые два дня.

21 июня я ходил в крепость к зубному врачу. Это была очень милостивая, приветливая женщина, – жена одного из командиров среднего состава (по-видимому, Н.М. Контровская. – Х. О.).

Она выдернула мне зуб, а второй обещала удалить в понедельник, 23 июня.

Из-за испорченного зуба моя судьба сложилась так, что двенадцать дней пришлось биться с фашистами в крепости, откуда попал в плен и пробыл там всю войну.

Остался я на воскресенье в казарме своей школы. Вечером прямо на стене казармы близ Трехарочных ворот показывали кинокартину «Руслан и Людмила». После сеанса я вернулся в казарму, побрел в красном уголке на пианино и после полуночи лег спать.

Разбудила меня страшная бомбежка, и я понял, что началась война. Соскочив с верхней койки, я бегом выбежал наружу. Во дворе перед казармой в сумятице стояла толпа растерянных красноармейцев.

Появился старший лейтенант Потапов и сразу стал наводить порядок. По его приказанию бойцы укрылись в подвале здания казармы 333-го полка. В окна верхних этажей били снаряды. Старший лейтенант организовал бой. Самое удивительное было то, что из некоторых отсеков оборонительных казарм по нам вели автоматный огонь. Как оказалось позже, это стреляли немецкие диверсанты, проникшие в крепость за день до войны.

Почти сразу после нападения штурмовой батальон немецких солдат через Тираспольские ворота прорвался во двор Цитадели. Гитлеровцы захватили здание гарнизонного клуба (бывшая церковь). Оттуда они вели обстрел многих зданий Цитадели. Пытались они прорваться и к главным воротам, но оттуда их погнали штыками. Тем временем бойцы нашего полка отрезали им обратную дорогу к своим. Тираспольские ворота, через которые они проникли в Цитадель, были вновь захвачены нами. Запертая группа немцев была вскоре уничтожена прямо в церкви.

Немцы, захватившие Тираспольское укрепление, в этот день много раз поднимались в атаку, чтобы еще раз прорваться в Цитадель. Я потерял счет атакам. Каждую из них наши дружно отбивали. Из защитников, сидевших в подвале 333-го полка, помню Хожу Бетризова, Дуту Мусаева, Магомета Сулейманова, Канту Самбиева, Мовлида Юсаева. Но кроме них там было человек тридцать чеченцев. По-видимому, все сидевшие в подвале погибли. По крайней мере, знаю, что из находившихся там вернулся только Мовлид Юсаев, мой односельчанин, и Ахмат Хасиев из с. Братское.

Сидели чеченцы и ингуши у двух окон, находившихся на стороне казармы 333-го полка, обращенной к Тираспольским воротам. По ночам и по утрам из верхнего этажа оборонительных казарм кто-то перекрикивался с нами. Он подбадривал нас, сообщал, кто убит в соседних отсеках казарм и просил тех, кто останется живым, передать родным весть о гибели их человека. Но разве имена запомнишь? Глубокой ночью из разных отсеков подвала нашей казармы доносилось торжественное пение на чеченском языке. В других отсеках громко пели отходную молитву «ясин». Люди готовились к смертному бою. Много я слышал раньше о мужестве и храбрости, но тут впервые воочию увидел, насколько могуч, непоколебим и спокоен советский человек перед лицом смерти, когда он защищает свое Отечество.

Все первые десять дней крепость оказывала немцам яростное сопротивление. Каждый день люди гибли сотнями.

Всех мучила ужасная жажда, хотя крепость была окружена со всех сторон водой. Достать ее можно было только рискуя жизнью. Мучил голод. Но самое страшное было другое – все труднее и труднее стало доставать боеприпасы. За ними приходилось добираться по ночам ползком.

Один за другим немцы подавляли очаги сопротивления.

Иногда группы наших бойцов делали попытки вырваться из крепости. Оставшиеся бойцы 333-го полка перешли в здание оборонительной казармы.

Примерно со 2 июля организованного сопротивления и взаимодействия у борющихся групп не было.

Долго думал я, как вырваться из окруженной крепости. Решил, что легче уйти двоим или троим.

Договорился с другом Айнди Лалаева сержантом Рогозиным и одним из чеченцев Шатойского района. Фамилию его не помню.

Условились, что после полуночи с 3-го на 4-е июля мы пролезем от наружной стены оборонительной казармы до реки Мухавец, пониже Тираспольского моста, и поплывем по Бугу вниз. Миновав крепость, в удобном месте мы должны вылезти на берег в 250-300 метрах от крепости.

Я, как родившийся на берегу Терека, плавал как рыба. Хорошо плавал и Рогозин. В последний момент шатойский чеченец делать с нами попытку прорыва отказался: плавал он, оказалось, плохо.

Мы с Рогозиным поплыли. Первым делом я окнулся в воду с головой и выпил воды за все 12 дней!

Вылезли мы на берег ниже крепости и начали двигаться на восток. Через несколько дней при переходе автомагистрали мы наткнулись на немецкую автоколонну, стоявшую в лесу, и попали в плен. Недели две спустя в лагере Демблин на польской территории мы встретили того самого чеченца-горца, что не пожелал с нами плыть. Оказалось, что он сделал попытку проползти мост р. Мухавец изнутри крепости. Немцы прошли его автоматной очередью. Прожил он в лагере еще с неделю... Из Демблина меня повезли в Германию. Там я находился в разных лагерях. Что я там вытерпел,

трудно описать. Освободился из лагерей в 1945 году.

ДО БЕРЛИНА НЕ ДОХОДИЛ ХАСИЕВ АХМАТ

Селение Братское Надтеречного района ЧИАССР. Год рождения 1930-й. Образование – начальная школа. Беспартийный. Рабочий совхоза. В Брестской крепости служил рядовым в 333-м полку. Снайпер.

Уважаемый писатель! Пишу ответ на ваше письмо. Сам я грамотен не крепко, помогала мне дочка моя – Малика.

Прошло уже более четверти века, как я был призван в Красную Армию. Многое из памяти улетело, многих людей позабыл, но день начала войны помню ясно.

Призвали меня в армию в октябре 1940 года. По приезде в Брестскую крепость определили в 333-й стрелковый полк, 3-й батальон, 7-ю роту, 2-й взвод. Полком командовал полковник Матвеев.

Командиром моей 7-й роты был старший лейтенант Бокерия, грузин по национальности. Взводным у меня был младший лейтенант Исаев, родом из Москвы. Зиму я провел в казармах 333-го полка. Вели усиленные занятия по боевой и строевой подготовке, а через день проводили политзанятия.

Жили мы полностью занятые армейской жизнью. По субботам или воскресеньям в казармах нашего полка часто устраивались вечера горских танцев, на которые ходили даже командиры с женами. В полках, стоявших в Бресте, было много наших земляков – чеченцев и ингушей. Особенно много их было в нашем 333-м и 125-м полках.

Из чеченцев, служивших со мной в одном полку, помню некоторых, главным образом красноармейцев из Надтеречного района: Гериханов Хожа (Бетризов) (с. Братское), Мусаев Дута (с. Гвардейское), Шабубев Абдулкахир (с. Минеральное), Эдиев Хаважи (с. Братское), Гайрханов Ахмат (с. Братское), Халадов Хусейн (Хамидов) (с. Калаус), Усманов (имени не помню, из с. Али-Юрт), (последние четверо служили в другом полку), Эдельханов Даша (с. Гвардейское), Байсуркаев Домби (с. Мекень-Юрт), Мунаев (Мидаев) Муса (с. Знаменское), Денисултанов Адес (с. Надтеречное), Духигов Мутуш (с. Знаменское), Асхабов Алахи (с. Знаменское).

Все они за день до фашистского нападения были в крепости. За исключением Абдулкахира Шабубева, который вырвался из осажденной крепости, никто из перечисленных живым из крепости не вышел. Я спрашивал о них у очень многих красноармейцев, отступавших на восток.

С гордостью могу сказать, что чечено-ингушские воины наряду с воинами других народов грудью встретили захватчиков.

Почему я остался живым? Это было чистой случайностью. За день до нападения на крепость мой комвзвода взял группу красноармейцев, в том числе и меня, на охрану складов боеприпасов, которые находились в четырех километрах от города Бреста в сторону местечка Жабинка.

Помню, стоял со мной на посту красноармеец Базлов из Ярославской области. Стояли мы с ним, когда в крепости и городе Бресте уже седьмой час кипел бой.

В 11 часов утра к нам пришли саперы – рвать склады. Враг был уже в 5-7 километрах от нас. Незадолго до того, как складские помещения стали взлетать на воздух, к нашей группе прибежала жена комвзвода Исаева.

Никогда эту молодую красивую женщину я не забуду. Младший лейтенант накинулся на нее:

– Почему ты не уехала с эвакуируемыми?

– А почему я должна была уехать? Я буду там, где ты.

Муж кричал, грозил, требовал немедленно уехать с другими. Жена говорила одно:

– Никуда я не пойду. Будем вместе бить врага. Будем и отступать вместе. Дай мне лучше винтовку и патроны.

Муж сплюнул и сказал:

– Ну и ладно! Вместе, так вместе. И эта женщина шла с нашим взводом как простой боец, мужественно участвовала в боях и переносила все трудности отступления.

Некоторые красноармейцы, служившие в Брестской крепости, погибли вне крепости, например боец Магомед Лабазанов из Итум-Кали. В Цитадели в день начала войны он не был, а погиб в самом городе Бресте. Он тоже служил в нашем полку.

В 131-м артиллерийском полку служил сержант Хусейн из Аду-Юрт (Газгородок). Он был убит в первый день войны около местечка Жабинка.

В полку, расквартированном возле главных Трехарочных ворот (по-видимому, 455-й полк. – Х.О.), служил Гикало Микаевич Еваев из Серноводска (из рода Хюрко). С ним был другой его односельчанин – Нурадди Кагерманов. Оба они погибли, защищая главные ворота от гитлеровцев, пытавшихся захватить их.

Сведения о судьбе того или иного товарища разными путями доходили до нас.

В своей роте по стрельбе я занимал первое место. От командира полка Матвеева имел несколько благодарностей. Отступал с сильно поредевшими полками 6-й дивизии. Шли мы на Гомель. Я был

выделен в группу снайперов 333-го полка. Дали мне винтовку с оптическим прицелом, мечту чеченца. Сколько перебил врагов из этой винтовки, не считал. Во всяком случае, немало. Под городом Невелем я был ранен пулей в голову и одновременно осколок снаряда попал мне в ребро. Очень долго пролежал в госпитале в Калининне. После выздоровления был демобилизован. До Берлина не доходил.

В 455-М СТРЕЛКОВОМ ГАЙТУКАЕВ АЛИ ДАКАЕВИЧ

Селение Ишхой-Юрт Гудермесского района ЧИАССР. Год рождения 1920-й. Беспартийный. Образование – окончил педучилище. Работает в родном селе учителем начальных классов. В Брестской крепости служил в 455-м стрелковом полку рядовым.

В защите крепости сам я не участвовал.

В ночь с 12 на 13 октября 1940 года меня с небольшой группой призывников на станции Гудермес погрузили в воинский поезд, следовавший на запад. Через десяток дней наш эшелон прибыл в местечко Картуз-Береза, расположенное между Брест-Литовском и Барановичами.

Прибывших из Чечено-Ингушетии зачислили в состав стоящего здесь 455-го полка 42-й дивизии. Этот полк недавно прибыл с финской границы. Во время финской кампании он принимал участие в боях. Командовал полком майор Бондарев. Потом его перевели в Краснодар и командиром назначили майора Лицита.

Я попал в 8-ю роту 3-го батальона. Нашей 8-й ротой командовал младший лейтенант Антонюк из Гайсинского района УССР. Он назначил меня ротным писарем, чем приехавшие со мной чеченцы немало гордились.

В марте 1941 года 42-ю дивизию перевели в Брестскую крепость. 8-ю роту оставили в Картуз-Березе охранять полковое имущество. 5 мая 1941 года направили в Брест еще три взвода нашей роты. В Картуз-Березе из нашей роты остался только пулеметный взвод.

В восьмую роту попали все земляки из моего Гудермесского района: Кадиев Хумайд (с. Ишхой-Юрт), Висингиреев Абдулла (с. Ишхой-Юрт), Дутуев Алади (с. Ишхой-Юрт), Ибрагимов Зайнди (с. Кошкельды), Таузарханов Вита (с. Кошкельды), Махмудов Джунайд (с. Суворов-Юрт), Тамаев Алауди (с. Энгель-Юрт), Эсбулатов Мадарсолта (с. Азамат-Юрт), Саламов Алауди (с. Ойсунгур), Бакриев Магомед (Гудермес), Шамилев Харон (Гудермес), Асхабов (Масаев) Зайнди (Гудермес), Абдурахманов Шамсу (с. Аллерой), Элибаев Абдулхан (с. Турту-хутор).

Из этих четырнадцати человек живым из крепости вышел только Алауди Саламов. Во время войны служил он в войсках НКВД. Умер после войны в Казахстане.

По словам Алауди Саламова, восьмая рота дралась у главных Брестских ворот, и все упомянутые выше бойцы полегли здесь.

Из других земляков я знал Гикало Еваева и Нурадди Кагерманова. Оба они из Серноводска. Служили в 455-м полку и тоже погибли в крепости. Знал я также чеченцев-аккинцев Мовлида Идрисова и Темирсолта Яширова, шалинцев Мовсара Ганукаева, Хюзиева (имени не помню), игрока на дечиг-пондаре Элибека Магомадова из с. Дуба-Юрт.

Большими друзьями моими были казаки Петр Савельевич Балюков из ст. Нестеровской и Дмитрий Логинович Орлов из ст. Троицкой. Балюков Петр пал смертью храбрых за пулеметом. Дмитрий Орлов, будучи несколько раз раненным, попал в плен. После войны вернулся, служил в Абакане в должности замполита роты. Умер он дома в ст. Троицкой в 1947 году.

Еще за два месяца до войны фашистские самолеты стали ежедневно нарушать нашу границу и летать над крепостью. Сначала они летали очень высоко. Потом фашистские летчики совсем обнаглели. Летали так низко, что можно было камень докинуть.

21 июня над крепостью пролетел немецкий самолет-разведчик. Потом сделал круг, чуть не задев крыльями верхушку башни над Тираспольскими воротами. Оба летчика выглядывали вниз.

И раньше красноармейцы выражали недовольство этими нахальными облетами. А тут один из немецких летчиков свесился вниз и погрозил нам кулаком.

Петр Балюков подскочил тут же к стоявшему командиру роты Антонюку и, подняв винтовку, закричал: – Товарищ командир! Да что это такое? Совесьть совсем потеряли! Разрешите садануть?

– Я тебе садану! Я тебе голову оторву!.. Нельзя! Не видишь? Этот летчик такой же дурак, как и ты!

Вечером 21 июня показывали кинокартину, кажется, «Амангельды». Экраном была стена казармы. Из нашей роты на демонстрации картины почти никого не было, так как накануне она была в карауле.

Я вернулся с сеанса и сел писать письма. Дежурил по роте сержант. Он попросил меня разбудить его, если кто-нибудь будет идти, и прилег.

Казарма наша помещалась в подвальном помещении со сводчатым потолком, окон в помещении совсем не было. День и ночь в нем горел электросвет.

Главные Брестские ворота были от нас рядом. Бойцы располагались на обоих этажах казарм, а некоторые жили в подвальных помещениях.

Написав письма, я тоже прилег, не решившись разбудить сладко спавшего сержанта.

Проснулся я от какого-то сильного гула. Выскочил во двор.

Откуда-то с грозным грохотом падали и рвались снаряды, налетали тучи самолетов, сбрасывали бомбы. К небу поднимались облака черно-багрового дыма. На плацу в первые минуты растерянно метались бойцы. Было ясно: началась война...

Как писарь роты, я знал: по первому сигналу боевой тревоги все части должны были немедленно выступить из крепости и собираться в городе, чтобы на положенном месте вести боевые действия.

Я побежал к Трехарочным воротам искать кого-нибудь из комсостава нашего полка. Встретил лейтенанта, командира из другой роты. Фамилию его не помню.

– Товарищ лейтенант! Старшего лейтенанта Антоюка нет. Что нам делать?

– Беги к своей роте и передай мое приказание: всем немедленно выходить из крепости и собираться в Бресте.

– Есть! – сказал я и бросился к людям своей роты. Но потом вспомнил:

– Товарищ лейтенант. Я писарь восьмой роты. Что делать с ротными документами?

– Забирай! – крикнул он мне.

Я побежал к роте. У казармы была каша из бойцов всех рот и команд. Я передал приказание лейтенанта и забежал в ротную канцелярию. Выбил ногой дверцу шкафа, собрал папки с самыми важными документами, сложил в кумачовую материю, которой был покрыт стол, и побежал догонять отступающих. Из крепости я вышел вовремя. Минут через двадцать после того, как я вместе с покинувшими зону перешел мост через водную преграду, ни выйти, ни войти в крепость уже было невозможно. Перед всеми выходами из Цитадели, а также у Северных ворот висел плотный заградительный огонь немецких пушек и минометов.

Из бойцов 455-го полка, находившихся в крепости, вышла значительная часть людей. Это я заметил на месте сбора.

Но одно было хорошо. Часть батальона была в летних лагерях, и благодаря этому полк сохранился как отдельная воинская часть. Партийная организация сразу же позаботилась и вынесла знамя полка. Кроме нашей 8-й роты в крепости были и другие роты нашего полка.

Тех бойцов, что вышли из крепости, выделили в арьергард, и отступили мы из Бреста в сторону Жабинки, непрерывно ведя перестрелку с головными частями немцев и сдерживая их напор.

Враги бесперебойно бомбили штабы, склады, расположения воинских частей, находившиеся в городе Бресте.

Раньше мне часто приходилось бывать в здании штаба нашего корпуса (28-го корпуса. – Х. О.), в который входили 6-я и 42-я дивизии. Часов в 10 утра 22 июня, когда мы проходили мимо, оно уже частично стояло в развалинах и горело. Мы отступали на Жабинку. Командиры на ходу приводили в порядок перемешавшиеся группы, взводы, роты разных полков. А нас, отступающих по шоссе, время от времени сверху бомбили немецкие бомбардировщики. Эта тяжелая полоса в жизни нашей Красной Армии известна. Мы вынуждены были отступать.

Но ни одному бойцу даже в голову не приходила мысль, что отныне народ будет жить под немцем.

Это было бы также трудно представить, как если бы вдруг стало светить черное-черное солнце!

Двигаясь в направлении Барановичей, мы несколько раз попадали в окружение. Но каждый раз с боями вырывались и шли дальше.

Я боялся, что ротные документы попадут в руки немцев. Узел с бумагами я приспособил на спине.

Папки, может быть, весили не больше десяти килограммов, но осточертели они мне до смерти.

– Что несешь? – спросил меня новый командир сводной роты, в которую я входил.

– Документы 8-й роты 3-го батальона нашего полка, – ответил я.

– А где же рота?

– По-видимому, погибла в Брестской крепости, товарищ лейтенант, – ответил я. – Из нашей роты успели выйти немногие.

– Ну, зачем тебе эти бумаги! Для немцев бережешь? Пойди разложи там в сторонке костер и сожги!

– Есть сжечь! – я готов был расцеловать командира. Ведь нес я их почти до Барановичей. Километров двести.

Отойдя от привала, где мы отдыхали, шагов тридцать, я разложил костер и положил папки в огонь.

Поверх бумаг наложил поленьев и отошел к своему взводу.

И удивительное дело! Откуда ни возьмись, налетел немецкий самолет, сбросил на нас несколько бомб. Нам они не причинили никакого вреда. Но вот одна попала в полуметре от разложенного мной костра и разметала родную канцелярию в пыль. Бывает же такое!

3 августа 1941 года около села Кардымовка, не доходя десяти километров до Днепра, я попал в плен. Долго находился в Польше в пересыльном лагере на острове Мазовец.

Наконец, меня повезли в Германию. Оттуда попал во Францию. Там я жил в городе Кастрец. Из Франции меня перевезли на работу в Данию. Здесь по окончании войны в мае 1945 года я освободился.

ПОБЕГ ИЗ ПЛЕНА ЮСАЕВ МОВЛИД

Селение Кень-Юрт Грозненского района ЧИАССР. Год рождения 1920-й. Образование – четыре класса начальной школы. Беспартийный. Рабочий совхоза. В Брестской крепости служил в 333-м полку сержантом.

В Красную Армию меня призвали в начале октября 1940 года. 12 октября с эшелонном призывников меня направили на запад. Из Чечено-Ингушетии со станции Наурская ехало нас 58 человек. Прибыли мы в Брест в двадцатых числах октября, и сразу всех распределили по полкам, которые там стояли. Я попал в 333-й стрелковый полк 6-й дивизии. В Бресте мы застали много своих земляков.

Из служивших со мной в одном полку помню своих односельчан Амхада Малаева и Магомета Джамалдинова. Из села Минеральное помню Ирисхана Исраилова, из Толстой-Юрта – Элима Эльмурзаева. Все эти бойцы, за исключением Малаева, погибли в крепости в первые дни войны.

Малаев живет в Грозном. Элим Эльмурзаев погиб в числе многих бойцов при попытке прорваться из крепости. Затем я помню младшего лейтенанта Айндина Лалаева из села Толстой-Юрт. Он служил в конной разведке помощником командира взвода. Был замечательным наездником-джигитом. В Брестской крепости в разных полках служило человек двести чеченцев и ингушей.

Из конной разведки помню еще замечательного кавалериста Магомета Гелаева, всегда бравшего на конноспортивных состязаниях первые призы. Никогда никакой физкультурой он не занимался, потому что происходил из глухого горного села Итум-калинского района.

С первого дня прибытия в Брест меня определили в полковую школу. Обучали в ней пулеметному, минометному делу. По окончании школы минометчиков я попросился в артиллерию, потому что пушка, как чеченцы говорят, «мать ружья». И в дальнейшем эти знания мне очень пригодились.

На заре 22 июня я проснулся от ужасного грохота. Спросонья мне показалось, что рухнула крыша казармы. Потом грохот новых взрывов. В соседних спальнях помещениях рвались снаряды... Война!.. В наших спальнях всегда горел свет. Сейчас его не было. Спросонья люди металась в потемках, кричали что-то. Кому-то приказывали, кого-то звали, ругали крепкими словами, кто-то страшно стонал... Война!..

Схватив свою одежду, я сбежал вниз по лестнице. Выскочил во двор. Перед казармой столпились бойцы.

Какие-то сержанты и младшие лейтенанты наводили порядок, строили красноармейцев.

Я звал к себе земляков, чтобы в эту минуту быть вместе.

По своему разумению в то время я был еще совсем мальчик. Откликнулся на мой зов только один. Был он, кажется, из Гудермеса.

– Пойдем за оружием! – закричал он мне, пересиливая крики и грохот, и потащил в помещение первого этажа чужой роты.

Из пирамиды мы схватили по винтовке, набрали полные карманы и пилотки патронов. Когда мы вышли, со двора все сбегали в подвал нашего казарменного здания. Спустились и мы.

Сводчатые стены подвалов были настолько крепки, что здесь никакие снаряды или авиабомбы не были страшны. Во всех отсеках подвала было полно красноармейцев. Руководил здесь какой-то лейтенант по фамилии Потапов.

Много лет прошло с тех пор, а я помню этого человека. С полным спокойствием, поразившим меня, он разбивал бойцов на деления, боевые группы, выставлял наружные посты, распределял бойцов у окон подвала.

В глубине подвала он отвел отделение для раненых, разместил женщин и детей, которые в этот грозный час очутились здесь совсем не к месту.

Лейтенант выделил наряд санитаров, чтобы они втаскивали в подвал раненых, лежащих вокруг казарменного здания.

Спокойные распоряжения лейтенанта вселили в среду только что метавшихся в растерянности людей бодрость и самообладание.

Во дворе Цитадели, ни на минуту не прекращаясь, гремели взрывы, трещали пулеметы, винтовки и автоматы.

Часам к восьми утра через западные ворота в крепость ворвалось несколько рот фашистских автоматчиков. Они открыли по нам и по пограничникам, размещавшимся в здании напротив, сильный огонь. Тут же успели захватить здание клуба и офицерской столовой.

Здание клуба когда-то было церковью. Имело оно множество окон на верхнем этаже. Шайтан его знает, почему эту церковь строили с таким множеством окон. Может быть, чтобы молитвы скорее достигали неба. Засевшие в церкви немцы стреляли в любую сторону двора. Потом они пытались занять изнутри крепости Брестские ворота. Но бойцы 84-го и 455-го полков с нашей помощью штыками откинули их назад в церковное здание. А 333-й полк отрезал им обратную дорогу за Буг к своим. Через два дня всех фашистов, засевших в церкви, истребили начисто.

Все атаки, которые немцы предпринимали на Цитадель, мы успешно отбивали.

Но надо сказать, что наше положение с первого же дня было тяжелым. Ведь крепость была окружена тройным кольцом врагов. С нами в подвале были жены командиров с детьми. Что делать с ними? Особенно болела душа за детей. Кричать они уже не имели сил. Они были голодны и жалобно просили воду.

Кое-какую еду красноармейцы им приносили. Но воды не было. Ее доставали в фляжках, закинутых в воду с берега на шнуре. Часто смельчака, рискнувшего добраться до воды, настигала автоматная очередь фашистов, лежавших в двух десятках шагов на другом берегу реки.

Дни и ночи слились в какой-то кошмарный сон. Раненых клали в отделении подвала прямо на пол. Они метались в жару, стонали, кричали и просили пить.

В южной стороне подвала у двух окон скопилось нас человек тридцать ингушей и чеченцев. Многие из чеченцев по-русски совсем не говорили, и это заставляло их держаться вместе, как всегда держатся вместе глухонемые.

Из бывших там почти никого не помню, прошло ведь четверть века. Помню только Хожу Бетризова из Братского, Абдулкахира Шабуева из Минерального. Только один Шабуев остался из них в живых и вернулся домой.

Около этих двух подвальных окон при мне убило человек пять чеченцев. Фамилии их тоже не помню. Все они были убиты пулями, попавшими в голову. Их оттаскивали в темный угол.

Время от времени по приказанию лейтенанта Потапова или второго лейтенанта, фамилию которого не помню, бойцов из подвала выводили к западным воротам, и мы отбивали упорные атаки фашистов, стремившихся прорваться снова в Цитадель.

Сражения с врагом, наседавшим на крепость со всех сторон, немного затихали только ночью.

Во время одной из таких атак я был ранен осколком снаряда и контужен. Очнулся в подвале, куда едва проникал свет, кругом лежали раненые и умершие от ран.

На какой день обороны меня ранило, сколько пролежал без сознания, не помню. Поэтому не могу сказать, сколько дней после начала войны я пробыл в крепости.

Время от времени я впадал в забытие и пил, пил без конца снившуюся воду, потом сознание возвращалось. О наступившем дне узнавал по гулу сражения, а если он затихал, значит, во дворе была ночь.

Сквозь прерывающееся сознание я слышал беспрерывно доносившееся из угла подвала чеченское пение.

Ужасно хотелось пить! Грезился Терек, на берегу которого я вырос. Я влезал в реку и пил, пил, но она не утоляла горячей жажды. Вода была невесомая, легкая, как вата...

Рана моя была легкой. Она затянута корочкой. Я пытался встать, но кружилась голова и тошнило.

Все реже заходили в подвал, где мы лежали. Принесут раненого и уйдут. В первое время за ранеными ухаживали женщины: жены командиров, военнослужащие, госпитальные сестры. Но их отправили в плен.

А однажды послышались потрясающей силы взрывы...

– Фашисты!.. Фашисты!.. Выходи, кто может! – закричал красноармеец, заглянув в наше отделение, и сейчас же бросился назад.

Из подвала выходили людские тени. Выходили на слепяще-яркий свет. А в подвале одиночные выстрелы, автоматные очереди...

Добивали оставшихся раненых. Тех, кто не мог идти. Кто знает, может быть их удел был лучше, чем наш?

Чеченская пословица говорит: «Обреченный на смерть раненый пусть до утра не доживет».

И нас, толпу качающихся как тростинки раненых и истощенных, фашистские солдаты повели на запад.

Перешли по мосту через Буг. Заставили лежать на земле. Один из раненых не выдержал. Попросил разрешения напиться воды из еле заметного ручейка, протекавшего тут же. Конвоир разрешил. Раненый проковылял к ручейку, прилег и долго, не отрываясь, пил. Потом оторвался от воды и поднял голову.

– Тринке! – крикнул конвоир, улыбаясь и показывая рукой, что надо пить еще. Раненый тоже улыбнулся, провел рукой по шее и показал, что он утолил жажду.

– Тринке! – крикнул конвоир. Раненый сделал движение, намереваясь подняться. И тут конвоир дал по нему короткую очередь. Раненый свалился в воду. Другие конвоиры засмеялись.

Палач-конвоир спрашивал нас еще о чем-то. Вероятно, спрашивал, кто еще хочет пить.

К вечеру нас погрузили в кузова машин и вскоре привезли в лагерь военнопленных. Собственно, это было простое поле, огороженное колючей проволокой.

Сколько тысяч солдатских жизней унес этот проклятый из проклятых лагерей за два месяца моего пребывания в нем? Оттуда меня повезли во Францию. Здесь я попал в лагерь для военнопленных, находившийся в маленьком французском городке близ германской границы. Некоторое время мне поручали ухаживать за лошадьми, а потом стали гонять на тяжелые земляные работы. К нам, советским военнопленным с буквами «СУ», нашитыми на лагерной одежде, немцы относились особенно плохо. В лагере было много русских, поляков, югославов, чехов и немного французов и

англичан. Пробыл я в этом лагере месяцев десять.

Однажды к нам в лагерь пришли немецкие офицеры и отобрали из нас человек сорок, большей частью французов. Но было в числе отобранных и несколько человек советских, в их числе и я. Всех отобранных посадили в вагоны с лошадьми немецкого артполка, перебрасываемого на Восточный фронт. Мы должны были безотлучно находиться при лошадях и ухаживать за ними. Эшелон наш, как я думаю, прибыл в Харьковскую область, и нас выгрузили.

Уже в первые часы после прибытия на Украину был слышен отдаленный орудийный гул, доносившийся с востока.

Слушал я звуки боя, как музыку. И с первой минуты, как ступил ногой на землю Родины, стал думать, как сбежать?

Должен сказать одно. Еще когда ехал во Францию, я задумал играть роль тронутого умом, дурачка. Эту роль, видно, я играл хорошо. Два-три месяца надо мной немцы потешались и играли злые шутки. Я невозмутимо переносил их и вел себя как заправский дурачок.

Потом они поверили, что я и в самом деле тронутый от рождения. Может быть поэтому немцы взяли меня в прифронтовую полосу, а потом и на передний край.

Дня через два-три после продолжительного боя мне придали военнопленного по фамилии, кажется, Свистунов и приказали под вечер ехать на участок, где недавно разыгрался бой, и свозить на дорогах собранные там в кучи трупы немецких солдат. Надо сказать, немцы своих солдат хоронили обязательно и не в общей могиле.

С этим товарищем, тоже оказавшимся артиллеристом, мы почти всю ночь свозили начавшие разлагаться фашистские трупы. Ту же работу нам поручили и на вторую ночь. По дороге спросил Свистунова:

– Браток, тебе не надоело фашистскую дохлятину возить?

– Спрашиваешь! Разве приятно падаль нюхать?

– Давай бежать. Я высмотрел берег. Переплыть речку – и мы у своих.

Договорились. Рейса два с мертвецами сделали «по-честному». А потом, не доехав до кучки мертвецов, бросили лошадь и ползком подались к реке.

До берега добирались, может быть, целый час. Ползком спустились к берегу и тихо вошли в воду. И тут немцы нас окликнули. Мы окунулись в воду с головой и поплыли. По воде полоснули из автоматов. Стрельбу подняли и с нашего берега. В небе повисли немецкие осветительные ракеты.

Когда немцы нас заметили, уже было поздно. Мы выбрались на свой берег. Свистунова и меня задержали и повели к начальнику. Мы объяснили, кто такие и как бежали. В эту же ночь от немцев перебежали еще четыре солдата. Два дня шел, как положено, допрос. Оба мы говорили чистую правду, а правда – не кустарник, мысли не путаются. Обоих направили в 77-й дивизионный артполк. Полк очень нуждался в артиллеристах, и нас сразу же определили к делу.

В составе этого полка я участвовал в освобождении Одессы, Варшавы и во взятии Берлина.

В ДОТЕ

ХУЦУРУЕВ АБУСАИД

Селение Аллерой Шалинского района ЧИАССР. Год рождения 1919-й. Беспартийный. Работает на железной дороге чернорабочим. Служил в 84-м полку рядовым.

В армию меня призвали 7 февраля 1940 года из с. Баба-Юрт Хасав-Юртовского района Дагестанской АССР, где я работал в колхозе. Уехали мы через два дня эшелонном, следовавшим прямо в Брестскую крепость. В одном вагоне со мной были кумыки Минкаил из Янги-Юрта, Дзиу Ахаев из Хаммамат-Юрта, Вибулатов из Баба-Юрта и чеченец Герейхан Магомедов из Адиль-Отара Хасав-Юртовского района.

По прибытии в Брест меня зачислили в 84-й полк. Помню только взвод и отделение: был я в 5-м взводе, 5-м отделении.

Взводом командовал лейтенант Алексеев, а отделением – старший сержант Курдосов.

Весь 1940 год наш батальон работал на оборонительных сооружениях на границе. Проходили также строевую, боевую и политическую подготовку.

В 1941 году нашу роту перевели на оборонный объект, находившийся в восьми километрах к югу от крепости. Место это находилось на берегу р. Буг. На другой стороне реки лежала Польша, занятая немецко-фашистскими войсками.

Здесь меня включили в пулеметный расчет, и я начал учиться стрельбе из этого славного оружия.

В пулеметный расчет наш входили: Пушкин (1-й номер), Никитин, Володя (фамилию не знаю), Лазарев, рядовой Алексеев, Ларионов и я. Эти солдаты были, как мне помнится, из Смоленской области. Что с ними случилось после начала войны, не знаю.

За несколько дней до нападения немцев наш 5-й взвод и подразделения рыли на границе глубокий противотанковый ров. После завтрака проводились политзанятия. Красноармейцы видели, что за Бугом происходило оживленное передвижение фашистских войск.

В субботу 21 июня я расположился для сна в брезентовой палатке у самого берега реки Западный Буг. В четыре часа утра мы были разбужены ужасающим грохотом. Сотнями рвались снаряды, бомбы, мины. И это было так страшно, что казалось, будто раскололось небо и сыплются осколки.

Над крепостью стояло огненное зарево от непрерывных взрывов. На берегу Буга творилось невообразимое: заглушая стоны и крики раненых, раздавались команды, но кто и кем командовал – в этой кутерьме разобрать было трудно.

При первом крике «в ружье» я схватил первую попавшуюся в руки винтовку, патроны и ринулся к реке. Каждый красноармеец ложился у берега, занимал позицию и по своему разумению стрелял через Буг, куда придется.

Когда у тебя в руках винтовка, и она стреляет, страх исчезает. Исчез он и у меня.

Наш берег немцы непрерывно обстреливали из минометов, пулеметов, винтовок.

Отступив в сторону крепости, группа солдат, в числе которых был и я, дошла до железобетонного дота, немного недостроенного. Мы укрылись в нем. Ни у кого не было сомнений, что часа через два к нам подойдут на помощь наши и немцев откинут за Буг подальше.

В самом начале в дот заскочили два лейтенанта, дали нашей группе приказание держаться в доте до подхода помощи и ушли.

Немцы на резиновых лодках продолжали массой переплывать на правый берег Буга. Они бросали в наш дот гранаты, закидывали минами, стремясь попасть в бойницу. Время от времени на толстой броневой плите, которой был закрыт дот, рвались снаряды. Дот наш держался. Мы берегли патроны и стреляли из бойниц навERNЯКА.

Несколько гранат и мина взорвались внутри дота. Половина защитников была убита, других ранило.

Ранен в спину, голову и ногу был и я. У меня и сейчас сидят в теле пять осколков мины. Те осколки, что в голове и спине, не причиняют мне беспокойства. А осколок, сидящий у коленной чашечки правой ноги, сделал меня хромым.

Раны ныли, но я вел бой из винтовки. Иначе нельзя было. Осталось нас в доте трое русских, один узбек, один даргинец из Дагестана и я.

Счет дням мы потеряли. Двое тяжелораненых умерли раньше. Стояли жаркие дни. Правда, дня от ночи мы не отличали. Жили твердой надеждой, что вот-вот подойдет помощь.

И в крепости, которая с одной стороны через бойницу была видна, непрерывно, день и ночь шел бой. О еде мы думали мало, но страшно мучила жажда.

Сколько пробыли в доте, мне трудно сказать. Возможно неделю, а может быть два-три дня. Время тянулось как в тумане. Немцы окружали нас со всех сторон, не часто постреливали, но и выглянуть из дота не давали. Они могли разрушить дот, но почему-то откладывали.

В зоне, доступной для обстрела из дота, пощады немцам не давали и мы.

Рана моя была на спине на самом неудобном для перевязки месте. Поэтому я ее просто прикрывал сложенной вчетверо рубашкой. Но в рану попал песок. Под сплошной струпной коростой она нагноилась так, что я сам чувствовал смрад, исходивший от спины. Даргинец, имени которого я, к сожалению, не помню, взялся вычистить и перевязать ее. Прежде всего, он содрал со спины засохшую корку. По возможности очистил рану от песка, но воды для промывки не было.

Убитых в доте мы сложили в углу. Даргинец снял с одного рубаху, разрезал на полосы и перевязал мне спину. И я сразу почувствовал облегчение.

Над кровлей нашего дота высилась песчаная насыпь, метра два высотой. В один из дней нашего пребывания в доте над нами раздался страшный взрыв. Мы все были оглушены и попадали на землю. Вероятно, фашисты добрались до дота и незаметно заложили на железобетонную плиту взрывчатку, а может быть, на нас сбросили тяжелую авиабомбу.

Кровлю разбило, разметало бетонные осколки, но железные прутья не дали плите рухнуть в дот. И удивительное дело: ни один из нас шестерых не получил ни царапины.

Перед нами предстала теперь другая опасность. Песок, лежавший на кровле курганчиком, начал осыпаться в дот. Когда-то в Чечне в помещениях для горячих серных ванн я видел песочные часы. Песок осыпался в дот неотвратимо, равномерно, непрерывно, как в песочных часах.

Немцы подошли к дыре, проделанной взрывом, о чем-то погалдели и ушли. Один из них, видно для очистки совести, бросил в дот ручную гранату, но она не причинила нам вреда.

Стали совещаться. Мы умирали от жажды. Лица у всех были худые, изможденные, грязные. Сейчас мы уже чувствовали голод. Надежды на скорое освобождение из дота нашими войсками не осталось. Со стороны Жабинки в первые дни доносился гул частых орудийных выстрелов. Потом их не стало слышно. А рядом с нами крепость гремела от ружейно-пулеметной стрельбы, от взрывов мин, гранат, авиабомб, от непрерывной орудийной пальбы.

Все мы решили ночью уходить на восток. Задача наша облегчалась тем, что леса совсем близко подходили к городу Бресту.

В два часа ночи мы шестеро, составлявшие гарнизон дота, вышли и пошли к лесу. Задолго до рассвета добрались до гущи. Уж и напились мы воды из луж.

Утром встретились с поляком. Дом его стоял у опушки леса. Попросили хлеба. Поляк вынес целую буханку хлеба и полведра молока.

Хлеб мы разделили поровну, поели, запили молоком и, поблагодарив хозяина, спросили, как он посоветует нам идти.

От него мы узнали, что немецкие войска дошли уже до Минска. Посоветовал нам бросить бесполезное оружие и двигаться по лесу, разделившись по одному. Мы разделились.

Но вайнахское отношение к оружию?.. Как бросить новенький, цвета воронова крыла автомат, который я взял в доте у убитого нашего товарища? И притом, когда враг видит, что у тебя в руках оружие, он во много раз трусливее...

Я пошел с автоматом. Потом стал на него опираться. Потом поволок. А нести его не было сил.

Сидевший в коленной чашечке осколок причинял сильную боль, и я еле ковылял по тропам, ведущим на восток. Ел крапиву, корни лопуха.

На шестой день, как мы покинули дот, я ощутил сильный озноб, тошноту и слабость. Видно, был болен. Я отошел от дорожки в сторону, выбрал место, где трава была погуще, и заснул. Может быть, я и не спал. Вдруг меня толкнули в бок чем-то тупым. Надо мной стоял немец с автоматом и толкал носком сапога. Что-то приказывал.

И мир я видел смутно, как через мокрое оконное стекло. Немец кричал, бил меня по лицу ногами, требуя от меня чего-то. Я насилу поднялся. На дороге стоял грузовик. Толкая прикладом, немец повел меня к машине.

Около нее я обессилел и упал. Мой конвоир и второй немец взяли меня за руки и ноги, раскачали и с хохотом бросили в машину. В машине лежали еще несколько красноармейцев, но они не были ранены.

Сначала привезли нас во временный лагерь у самого берега Буга, недалеко от места, где я воевал. От здоровых красноармейцев меня отделили и поместили в конюшне, служившей для военнопленных госпиталем. Здесь мне пришлось встретиться с двумя ранеными чеченцами. Одного звали Зелимхан.

Сам он был родом из с. Чечен-Аул. Второго звали Алаудин Тумаев. Родом он был из с. Энгеной.

С их слов я узнал, что оба они были в числе защитников Бреста, и ранило их в крепости. Пленены были они на восьмой или девятый день после начала войны, но взяли их не вместе.

Зелимхан был ранен легко – сквозное ранение ладони руки. У Тумаева рана была тяжелая, с раздроблением кости ноги. Вероятно Алаудин Тумаев там, во временном лагере военнопленных, и умер, так как рана уже гноилась и нога сильно распухла.

Через три дня всех нас из конюшни перевели в лагерь «А», находившийся на польской территории в километрах двадцати от крепости Брест (Бяла-Подляска? – Х.О.). Это было ужасное место – пустое поле, огороженное колючей проволокой. Красноармейцы умирали здесь как мухи.

Давали нам раз в день вареную бурду из брюквы и кусочек чего-то странного, именуемого хлебом. От этой пищи желудки сразу заболели и вздувались, крепкие, здоровые люди быстро превращались в какие-то скелеты и умирали массами.

Многие пытались из этого лагеря бежать, но уйти удавалось очень редко. Беглецов накрывал огонь немецких автоматов, и всех убитых фашисты обязательно привозили к воротам лагеря. Этим они хотели в головы военнопленных вбить мысль, что бежать отсюда невозможно.

Мне дали номер военнопленного – 420-21. Пробыл я здесь до зимы. Потом перевезли в другой.

Говорили, что этот лагерь располагался недалеко от Варшавы.

Весь первый год пребывания в этих двух лагерях я болел, но каким-то чудом выжил, хотя даже крепкие, здоровые люди здесь редко выдерживали три-четыре месяца. Через год после начала войны меня повезли в Германию.

Оттуда я попал в Данию и работал на полевых работах до Победы над Германией.

После войны больше года служил в советских войсках около Иркутска. К семье, находящейся в Казахстане, я вернулся в 1947 году.

В 84-м полку, в котором я служил, чеченцев и ингушей было совсем немного. Но в других полках, стоявших там, их было много.

Надо сказать, что наш батальон большей частью находился на границе и сооружал военные объекты. Поэтому наших земляков, служивших в крепости в других полках, по именам не помню. Казармы 84-го полка находились в крепости возле ворот с башнями (Холмские ворота. – Х.О.).

В немецко-фашистском плену мне пришлось долгое время быть в лагере с одним аккинцем из Хасав-Юрта по имени Балта Амиров. Не берусь судить, правду ли он говорил или нет. Не знаю также, вернулся ли он из плена. Но история, которую он мне рассказал, интересная.

Балта Амиров, по его словам, служил танкистом. И действительно, лицо, руки и плечи его были в шрамах от ожогов, словно ему кожу железным скребком стерли.

Пришлось ему где-то за Днепром с немецкими танкистам выдержать яростный бой. Вели бой наши два танка Т-34 с семью танками немцев. Амиров говорил, что наша пушка, которой вооружены танки, намного лучше фашистских. А немецкие танки в сравнении с Т-34 он ни во что не ставил.

После долгого боя три немецких танка загорелись, два был подбиты и вышли из боя. Один из наших танков также был подбит и горел, как костер. Против двух немецких оставался один Т-34, водителем которого был Балта. Экипаж танка Балты продолжал вести бой.

Но неожиданно немецкий снаряд угодил в малозащищенную часть и взорвался, пробив отверстие в

обшивке танка. Из экипажа танка в живых остался один Балта, но и он был сильно оглушен и контужен.

Что делать? Продолжать бой одному? Но ведь два совершенно целых немецких танка уничтожат его очень быстро...

И Балта решил пойти на хитрость: на выстрелы не отвечать, притвориться, что весь экипаж Т-34 уничтожен. Один из немецких танков дал выстрел. Т-34 не отвечал и стоял без движения. Второй выстрел. Молчание.

Подбежали несколько немецких автоматчиков. На радостях дали по броне несколько очередей из автоматов, помахали руками и что-то закричали своим. Танк Т-34 окружили со всех сторон и стали осматривать. Подняли галдеж.

Немецкий танк подъехал к «Т-34». Из башни немецкой машины вылезли танкисты, внимательно осмотрели захваченный трофей и решили взять его на буксир и отвезти в свое расположение.

И только немецкие танкисты, прикрепив буксир к «Т-34», успели влезть в свой танк, сидевший наготове Амиров нажал на стартер! С самой большой скоростью поволок вражеский танк в наше расположение. Немецкие танкисты настолько обалдели от неожиданности, что даже не пробовали на ходу выстрелить в буксирующей их танк.

По прибытии в расположение нашей танковой бригады экипажу немецкого танка предложили выходить из машины. Когда немецкие танкисты спустились на землю, Балта хитро прижмурил глаз, указал на свой Т-34 и, подняв большой палец, спросил:

– Якши?

Немцы отвернулись, а Балта засмеялся.

За этот бой Балта Амиров был представлен к званию Героя Советского Союза. Но через месяц в новом тяжелом бою танк Балты Амирова был подбит и загорелся. Балта успел вылезть из машины, но попал в плен. Дальнейшую судьбу его я не знаю.

ЖАЖДА

БАЙБЕКОВ АБДУЛЛА САБИРОВИЧ

Грозный. Год рождения 1920-й. Беспартийный. Образование – неполная средняя школа. Работает в железнодорожном депо. В Брестской крепости был в 44-м стрелковом полку сержантом, командиром пулеметного расчета. Умер в 1985 году.

– Прежде чем рассказать о Брестской крепости, я хочу показать один документ, – начал Абдулла Сабирович и полез в сундук. Порывшись, он достал пачку писем и вынул из середины ее пожелтевший от времени листок.

– Вот прочитайте, – Абдулла Сабирович протянул мне бумагу. Это было удостоверение, написанное на бланке, изготовленном в типографии. Слева четко выделялась круглая печать «Штаб 44-го стрелкового полка». В удостоверении было написано: «Товарищ Байбеков Абдулла Сабирович действительно состоит «.....» октября 1940 года на действительной военной службе в кадрах РККА в должности курсанта полковой школы, а потому он и члены его семьи имеют право на все виды льгот...».

Следовали подписи замначштаба полка капитана Ширяева, техника-интенданта 2-го ранга Русских.

Показав реликвию, Байбеков продолжал:

– Призвали меня в Красную Армию осенью 1940 года. В ночь с 12 на 13 октября призывников из Чечено-Ингушетии погрузили в воинский эшелон, следовавший на запад из Баку.

Из Чечено-Ингушетии нас было человек двести, большей частью чеченцы. Со мной в вагоне их было 33 человека. В городе Барановичи почти половину эшелона направили на Белосток.

Остальных 22 октября привезли на станцию Брест.

Оставив часть людей здесь, эшелон направили дальше в городок Пружаны, километрах в 80 от крепости. Здесь нас разместили в военном городке Кошарка. Всех прибывших с эшеленом включили в состав 44-го стрелкового полка, который стоял здесь.

Незадолго до нашего приезда этот полк прибыл сюда с финской границы, где он принимал участие в боях с белофиннами. В полку были командиры и бойцы, отличившиеся в боях мужеством и храбростью и награжденные боевыми орденами и медалями.

Мы, новички, должны были заменить кадровиков, отслуживших свой срок и отпускаемых по домам.

Восемнадцать дней в военном городке нас продержали в карантине, после чего всех вновь прибывших определили в 3-ю роту 44-го полка. Обновилась она наполовину. Из Чечено-Ингушетии в ней было 70 человек. Командиром роты был лейтенант Белоусов.

В полку организовали школу, состоявшую из трех взводов: стрелкового, пулеметного и минометного.

Определяли в школу, главным образом, красноармейцев, имевших семилетнее образование.

Я попросился в пулеметный взвод. Командир батальона, старший лейтенант Бытко разрешил. Потом он стал и начальником школы. Это был боевой командир. За боевые заслуги он был награжден орденом Красной Звезды. В пулеметном взводе мы, главным образом, изучали пулемет «Максим», но

знакомили нас с автоматическим оружием и других систем, не исключая и иностранные.

Освоил я пулеметное дело хорошо.

В пулеметном взводе со мной были и чеченцы – человек пятнадцать. В минометном взводе был один, а в стрелковом и вовсе их не было.

Из тех, кто был со мной, хорошо помню Гайрханова, Али (или Султана) Магомедова. Затем помню Ваху, фамилию которого не помню. Не помню я также, из каких они были сел. Гайрханов, Магомедов и большинство из тех, кто учился в пулеметном взводе, в дни защиты Бреста погибли за пулеметами. Вместе со мной в одном эшелоне ехал грозненец Николай Иванович Зацепин, он тоже погиб в самой крепости. Чеченец Ваха вырвался из окруженной крепости вместе со мной, но дальнейшую его судьбу я не знаю.

Но я забежал вперед. 31 декабря 1940 года нас всех, прибывших в октябре, привели к присяге. В марте 1941 года я и другие бойцы кончили курс обучения в полковой школе. Наш стрелковый полк пешим строем прошел от Пружан до Брестской крепости. 15 марта полк прибыл в крепость, и нас расположили в оборонительной казарме в северо-западной части Цитадели. Рядом с нами размещался другой полк нашей 42-й дивизии – 455-й стрелковый. В крепости стояли еще полки 333-й, 84-й и 125-й. Были еще артиллерийские, зенитная, танковая и саперная части. Однако не все они размещались в зоне крепости.

Командиром полка у нас был участник гражданской войны, майор Гаврилов Петр Михайлович. Он был уже в то время заслуженным командиром. Сейчас он Герой Советского Союза, живет в Краснодаре. С первых дней прибытия полка в Брестскую крепость нас усиленно обучали военному строю и как вести бой в полевых условиях. Большое внимание обращалось и на политическую подготовку воинов. В крепости и за ее пределами нас знакомили с оборонными вооружениями, фортами, дотами и т.д. В дни перед войной в крепости из нашего полка оставался один батальон для несения караульной службы. Кроме того, здесь оставались полковые школы и такие мелкие подразделения, как школа шоферов и другие.

В субботу 21 июня 1941 года наш взвод заступил на дежурство по полку. Несли мы караульную службу. Самый дальний пост был «пост фуражный», где находились сено и концентраты для коней. На дежурстве со мной были мои земляки: Николай Зацепин (родители живут в г. Грозном по ул. Рабочей, д. 33), Магомедов Али, Ваха и Гайрханов. Последний умел замечательно стрелять из винтовки, так как сам был охотником. Из других земляков, служивших в нашем взводе, помню Петра Михайловича Бедрицкого (живет в Грозном, работает инженером). Он был взят в армию из нефтяного техникума. С ним же в армию взяли студента Салиха Абдрахманова. Его я хорошо знал, так как он мой соплеменник – казанский татарин.

Караулы сменились в половине четвертого. А в четыре часа утра вся крепость была разбужена ужасным орудийным и минометным обстрелом. Небо чернело от налетавших бомбардировщиков и сотен сбрасываемых бомб.

Во дворе Цитадели немцы крушили здания, бомбили автомашины, пушки, зарядные ящики, убивали лошадей, стоявших у коновязей. Вспыхнули громадные пожарища. Все горело, что могло гореть. Над крепостью стоял оглушительный гул. Выбегавших во двор красноармейцев тут же настигала смерть. Все это даже вспомнить страшно.

Вскоре красноармейцы начали приходить в себя и, не ожидая прибытия командиров, стали оказывать немцам отчаянное сопротивление. Каждый дрался там, где его застала война.

С 4 до 6 часов утра артиллерийский, минометный, ружейно-автоматный обстрел и авиабомбежка крепости продолжались с неослабевающей силой без перерыва. Шум боя слился в один сплошной грохот.

В 6 часов утра артиллерийские залпы поутихли, но автоматнo-пулеметно-ружейная стрельба поднялась с новой силой. Немцы через Тираспольские ворота пошли в атаку на крепость. Главный бой в это время шел с 333-м полком и бойцами 17-го погранотряда. В 8 часов утра на короткое время установилось затишье в артобстреле. Я со своим пулеметным расчетом, состоящим из Николая Зацепина, Вахи, Али Магомедова, Гайрханова, пристроился на верхнем этаже казармы, недалеко от западных ворот Цитадели (Белостокских ворот. – Х.О.).

По соседству с нами пристроился со своим расчетом пулеметчик-ингуш. Ни имени, ни фамилии его не помню. Западные ворота находились от нас слева, а наш 44-й полк размещался в оборонительной казарме справа. Противник рвался к нам в ворота через мост, проложенный через правый рукав Мухавца.

Широкое окно, возле которого я установил свой пулемет «Максим», пришлось забаррикадировать несколькими мешками с сахаром.

Часов в 9 или 10 утра начались атаки немцев, стремившихся перебежать мост, проникнуть в ворота и сходу занять Цитадель. Наш расчет и расчет пулеметчика-ингуша успешно отбивали эти атаки с самого начала. Немцы перешли к другому маневру. У самого настила моста, подбираясь ползком, скопилось человек 50-60 их автоматчиков. По команде они разом хлынули на довольно узкий мост. Я выпустил по ним почти всю ленту. Гремел и пулемет соседнего расчета. Ни один из перебежавших мост назад не вернулся. Стремившихся спрятаться в мертвом пространстве меткими выстрелами из

винтовок добивали Гайрханов и Ваха. Уже в первый день они уложили свыше десятка фашистов, а в последующие дни и счет потеряли.

Немцы открыли по нашему окну беспорядочную стрельбу из автоматов и пулеметов. Деревья, росшие на берегу Мухавца, не мешали. По нашей огневой точке дали с десятков орудийных выстрелов. Видно, дым, стелившийся над всей крепостью, укрывал нас. Снаряды не принесли нам вреда. Немцев, лежавших на противоположном берегу Мухавца, мы видели довольно хорошо.

Вся крепость превратилась в множество самостоятельно обороняющихся крепостей. Такой крепостью была и наша пулеметная точка. Только за ночь на третий день между огневыми точками и узлами сопротивления стали устанавливаться связи и взаимодействие.

Наше положение было трудным. От пылающих зданий исходили жар и чад. Все мы умирали от жажды. Мы видели воду в десяти метрах от себя, и это было особенно мучительно. К тому же мы были голодны. По неосторожности мы съели много сахара и вскоре жажда начала томить так, что нам казалось, будто все внутри горит огнем.

К дыму и жару, душившим нас, на третий день прибавился смрад начавших разлагаться конских и людских трупов.

На третий день мучений от жажды дошло до того, что люди стали впадать в обморочное состояние. Решили бросить жребий: кому вечером, рискуя жизнью, выйти из окон в нижнем этаже на кромку берега, проползти по ней 5-6 метров, спуститься до реки, набрать воды и вернуться. Всю предыдущую ночь над берегом висели немецкие осветительные ракеты. Нас зорко стерегли, чтобы замучить жаждой и заставить сдаться.

Я, Зацепин, Ваха, Гайрханов и красноармеец из моего расчета (был с нами и пятый) бросили жребий. Он выпал на меня. Я отнесся к этому спокойно, так как и без того все время думал о том, что мне нужно идти за водой и что, может быть, этот день последний в моей жизни.

А с предпостыя у Белостокских ворот, где мой пулемет положил десятки фашистских разбойников, еще с утра доносились нудные стоны и мольбы раненого немца, лежавшего, по-видимому, с перебитыми ногами:

– Вассер... вассер...

Я встрепенулся.

«А что, если сейчас попробовать пойти за водой? Ведь риск что ночью, что днем почти одинаковый».

Я решил ползком добраться до этого немца. Взял брезентовое ведро, спустился на первый этаж, вылез из окна и подполз к раненому немцу. Показывая раненому на ведро, я жестами объяснил, что пойду за водой и напою его. Только пусть крикнет лежащим на противоположном берегу немцам, чтобы в меня не стреляли. Немец сразу понял, приподнялся на локте и что-то стал кричать... Потом обратился ко мне и, взмахнув в сторону реки, что-то сказал.

Я снял с немца каску, взял свое ведро и пошел по откосу вниз. Сердце колотилось у меня в груди, как у птички, попавшей в западню. С другого берега на меня смотрели десятки фашистских глаз.

А раненый немец сверху продолжал кричать, чтобы меня не трогали. Прежде всего, я зачерпнул в каску воды и напился так, что дышать стало трудно. Потом набрал воды в брезентовое ведро и каску, поднялся на кромку берега и вдосталь напоил немца.

До стены казармы от немца было метров пять. И это расстояние надо было пройти с ведром воды! И надо влезть в окно!

Я подсел к немцу, раненному, по-видимому, мной же, и осмотрел рану. Была, вероятно, раздроблена бедренная кость. Достал я из сумки немца индивидуальный пакет и кое-как перевязал рану. Немец благодарил. Потом долил в его каску воды, поставил ее около головы. Потом махнул ему рукой, давая знать, что ухожу. Неторопливо подошел к зияющему в широкой стене оконному проему. Никто не стрелял в меня.

Расчет встретил мое возвращение криками ликования. Все напились, долили воды в кожух водного охлаждения пулемета. Оставшуюся воду, почти полведра, снесли бойцам соседнего расчета, где первым номером был ингуш.

Теперь можно было воевать.

На третий день боев в крепости образовался штаб обороны. Руководил ими капитан Зубачев. Полковой комиссар Фомин был заместителем командира сводной боевой группы по политчасти. В оборону, которую вела наша группа, нового это не принесло. Мы продолжали обороняться, как и раньше. Но то, что кто-то руководит нами, вселяло бодрость.

Стали кончатся патроны. Это было самое страшное. На этой точке наш расчет пробыл дня четыре.

На третий день погиб Николай Зацепин, потом осколком снаряда убило моего отличного стрелка Гайрханова. Это было на четвертый день войны.

Погиб почти весь расчет пулеметчика-ингуша. Погиб мой земляк – казанский татарин Салих Абдрахманов.

По приказанию лейтенанта, руководившего защитой северо-западной части Цитадели, мы с Вахой несколько раз переносили пулеметную точку. В расчете моем уже были новые люди, кроме Вахи. В первое время мы все жили надеждой, что скоро к нам на помощь подоспеет Красная Армия.

Радиосвязи с дивизией или корпусом у нас не было. Отдельные группы бойцов по ночам делали

попытки вырваться из окруженной крепости. Это удавалось немногим, при прорыве гибло много людей.

Немцы установили в разных местах крепости громкоговорители и предлагали нам сдаться, прекратить бесполезное сопротивление. Во время таких передач немцы прекращали огонь и, зная это, все мы с лихорадочной поспешностью делали то, что требовалось сделать во дворе, например, перетаскивали из складов патроны и гранаты.

После того, как кончалась передача, немцы давали еще полчаса или час времени, в течение которого мы должны были пойти к ним на поклон с белым флагом. Потом на крепость обрушивался ураганный огонь из всех пушек, гаубиц, мортир и минометов.

Помнится еще, что на третий день боя над крепостью на довольно большой высоте появился наш самолет с красными звездами на крыльях. Появление его вызвало всеобщее ликование. Летчик сделал над крепостью два круга и улетел обратно на восток. Это был единственный самолет, который мы видели после первого дня войны.

Из нашего батальона (первого), стоявшего в Бресте в момент фашистского нападения, уцелело очень мало бойцов. К 29 июня гитлеровцам удалось подавить некоторые огневые точки и узлы сопротивления.

Сопротивлявшиеся точки снова теряли связь между собой. Штаб обороны по сведениям, доходившим до нашей огневой точки, погиб при бомбежке.

К концу июня в крепости оставались еще отдельные группы бойцов, укрывавшиеся в казематах и подвалах. Время от времени мы выбирались из укрытий, вели против фашистов короткий, но губительный огонь и исчезали.

Вид наш был ужасный. Мы были похожи на скелеты. Одежда на нас висела тряпками. Сами мы заросли бородами, были грязны, глаза были мутными от бессонных ночей и дней.

Мы потеряли надежду живыми вырваться из крепости, а потому дорого продавали жизнь. Самая ужасная судьба была у многочисленных раненых, лежавших во многих подвалах. Они умирали от жажды, голода, от гнояного воспаления ран и заражения крови.

Мне и группе в десять человек красноармейцев, в числе которых был и Ваха, удалось уйти из крепости. Группа наша благополучно добралась до леса, и мы пошли на восток, выбирая трудные лесные дороги. Во время этого похода наша группа соединялась с другими, попадала под обстрел немцев, расходилась по два человека. Вскоре я потерял Ваху.

15 сентября с тремя товарищами я дошел до Ельни. Здесь был с фашистами большой бой. Усталые, голодные, продрогшие, мы все четверо забрались в стог соломы и заснули.

И нас схватили немцы. Раза два мне удалось уходить из лагерей сосредоточения пленных. Снова ловили. И наконец, отправили в Германию. Жизнь в немецких лагерях для военнопленных – сплошная душегубка. О них много рассказано.

Вернула меня на родину Великая Победа советского народа.

ПЕРЕЖИТОЕ

КРЕНДЕЛЕВ АЛЕКСАНДР ДМИТРИЕВИЧ

Грозный. Год рождения 1917-й. Образование – неполное среднее. Беспартийный. Работает в ремонтно-механическом цехе Грозненского нефтеперерабатывающего завода. Служил в 44-м стрелковом полку ротным поваром.

Перед самой войной с белофиннами я служил в Ленинграде в 112-м запасном полку, в хозяйственном взводе.

Часто думают, что повар в роте – лицо маловажное, дескать, какой из повара вояка. И скажут о нем: «Не служил, а окопался на ротной кухне». Но это неправда. Хороший повар и винтовкой отлично владеет, и черпаком не хуже орудует...

Конечно, деликатесов я не готовил. На что бойцу какие-то французские блюда, вроде «зебровых пупков в сметане»? Но кормил я красноармейцев сытно. Иначе, какой будет боец, если он заправлен жидко?

В начале 1940 года наш полк влился в состав 42-й дивизии, и дали ему новый номер – 44-й стрелковый. В составе этого полка я участвовал в финской войне. Как закончилась война, месяца два отдыхали. В мае сорокового года наш 44-й полк перебросили в Латвию, а осенью – в Брестскую область. Расположился он в районе городка Пружаны – Картуз-Берега.

Командиром полка у нас был майор Петр Михайлович Гаврилов, Герой Советского Союза, вторым батальоном, в котором служил я, командовал капитан Рыбаков.

Я уже приобрел хороший опыт. Вполне мог бы, как тот царский солдат, из топора сварить вкусную кашу. И сделали меня поэтому старшим поваром. Ладно, старшим так старшим.

В марте сорок первого всю нашу дивизию переместили в Брестскую крепость. Время было тревожное. Всех бойцов, не исключая и бойцов хозяйственного подразделения, усиленно обучали военному делу. Много батальонов было выведено в летние лагеря и на работы по строительству приграничных оборонительных

сооружений.

Вечером 21 июня 1941 года я выдал дежурным поварам продукты и пошел в кино. После полуночи проверил, как идет дело у дежурных поваров, и прилег в каморке. Но приготовить горячий завтрак бойцам ни в тот, ни в последующие дни уже не пришлось.

В четыре часа утра на крепость напали фашисты. Началась страшная авиабомбежка, а вслед за ней враг открыл ураганный артогонь.

Майора Гаврилова в Цитадели не было. Командование нашими ротами, оставшимися в Цитадели, принял на себя какой-то старший лейтенант, фамилию которого я не помню. Хозвзвод вооружили винтовками и несколькими пулеметами. Вместе со стрелками нашего полка мы заняли оборону на северном берегу реки Мухавец, в том месте, где она огибает центральную часть крепости. Нам поставили задачу: не дать фашистам перейти и пробраться в Цитадель.

Два дня мы отбивали яростные атаки врага.

В ночь на 24 июня часть красноармейцев нашего полка по приказанию старшего лейтенанта под огнем фашистов перебросили на Кобринское укрепление и влили в состав групп, которыми командовал майор Гаврилов. Здесь нам пришлось защищать ворота, ведущие из крепости в город, и северную часть Кобринского крепостного вала.

В ночь на 26 июня по приказанию майора Гаврилова была выделена небольшая группа бойцов, в числе которых был и я. Поручили ей доставить из каземата боеприпасы. Это было очень трудным делом. Вход в каземат находился под неусыпным наблюдением неприятеля, и часто наши попытки проникнуть туда кончались гибелью бойцов. Все же выделенная группа за ночь дважды побывала в каземате, доставляя патроны и гранаты.

На следующую ночь группе было приказано взорвать бензосклад, который находился в валу, окружающем Кобринское укрепление. Двое бойцов из нашей группы, служившие в 75-м разведбатальоне, знали, где находился склад.

В два часа ночи бензосклад взлетел в воздух. Но при этом оба бойца, очевидно, погибли.

Уже в первые три-четыре дня нам стало ясно, что помощи сражающейся крепости извне не будет. Но ни один боец не думал сдаваться на милость фашистов. С каждым днем число сражающихся групп уменьшалось. Бойцы узлов сопротивления погибали, но не сдавались.

Первого июля я получил сразу три ранения: прострелили бедра и правую сторону груди. Отвели меня в каземат, где почти без помощи лежали десятки наших раненых.

В одном месте лежали накрытые брезентом тела умерших.

«Ну, – подумал я, когда меня привели в каземат, – тут мне и суждено кончить жизнь». Но я ошибся. В один из дней, кажется, это было второго июля, с громкими торжествующими криками в каземат ворвались фашисты. Наобум дали несколько очередей из автоматов. А потом увидели, что в каземате лежат раненые, и стали сортировать нас, отделяя легко раненых от тяжелых. Делали это просто.

Кричали «ауф», «ауф», и если тяжело раненый не мог встать, его тут же пристреливали. Я с трудом поднялся и, качаясь из стороны в сторону, пошел к выходу.

Отвезли нас на грузовике в какой-то большой дом на окраине города Бреста. Фашисты приспособили его под «госпиталь» для военнопленных, но это, по сути, была «морилка», а не госпиталь. Никаких лекарств, кроме йода и марганцовки, на него не отпускали. Не давали и бинтов.

Но врач Медведев и военфельдшер Александр Куренов были в своем деле героями. С риском для жизни они доставали в городе медикаменты и перевязочные материалы, падая от усталости, день и ночь ухаживали за ранеными. Почти все, кого собрали в госпиталь, были ранены при обороне Бреста, и потому немцы были особенно злы на нас: дорого обошлась им крепость.

Когда не было медикаментов, врачи словами поддерживали в нас бодрость. И их теплые слова крепили наше здоровье лучше всяких таблеток.

Никогда память об этих врачах не померкнет у меня.

У молодого раны заживают быстро. К концу июля я уже мог свободно ходить. Задерживаться в госпитале немцы не давали. Чуть встал на ноги – сразу в сборный лагерь. И меня вместе с другими выздоровевшими перевезли в сборный лагерь Бяла-Подляска на территории Польши, километрах в двадцати от Бреста.

Сюда сгоняли тысячи военнопленных. Ежедневно в Бяла-Подляске умирали от ран, от голода, от истощения, от болезней десятки красноармейцев. Не было дня, чтобы немцы за малейшее нарушение лагерного режима не расстреливали с десятков людей.

И я подумал: на черта такая жизнь. Чем влачить такую жалкую и тяжкую жизнь, лучше сразу помереть. Фашисты смотрели на нас хуже, чем на скотину. Это особенно оскорбляло советского человека.

Решил бежать. Бежать, во что бы то ни стало. Случай вскоре представился. Несколько десятков человек вывели за зону для рытья траншей, где хоронили умерших.

Надо сказать, что охраняли нас не особенно строго. Немцы, видно, считали, что никуда из «завоеванной» ими страны военнопленные не денутся.

Воспользовавшись тем, что конвоиры собрались в кучку, я прополз до кустов и оттуда бросился к ближайшему лесу. День я пробыл в гуще зарослей, а ночью двинулся на восток, в сторону от Бреста.

На вторую ночь я добрался до Буга, переплыл его километрах в пятнадцати пониже крепости и вышел на правый берег. Долго шел по лесу к северу. Очутился я вблизи городка Семятичи. Здесь в районе городка были густые белорусские леса, словно нарочно созданные для партизан.

И движение белорусских партизан началось действительно с первых дней, как враг ступил на нашу землю. Я вступил в отряд имени Пославского (кажется, так его именовали). Партизаны взрывали железнодорожные мосты и дороги, нападали на обозы, рвали проволочную связь, убивали немецких солдат, отставших от своих частей.

Однажды мне пришлось по предложению командира отряда быть в одном из белорусских сел, которое часто посещали немцы, но постоянно там не стояли. В этом селе жил мой приятель-белорус, у которого я всегда останавливался. Выполнив поручение командира, я зашел проведать друга, но его дома не застал. Я собрался уходить, но хозяйка не пустила меня и принялась жарить картошку. Тут же в горнице крутились дети хозяйки: мальчик Васька – подросток лет двенадцати, и девочка Анка. В эти дни мы разгромили немецкий обоз, в котором оказался сахар. От полученного пайка в кармане у меня оставалось с десяток кусков сахара. Я поделил их между детьми. Девочка сразу положила один кусок сахара в рот и начала сосать, а мальчик бережно спрятал свои куски в бумагу и положил в карман.

– Что же ты? Ешь, – сказал я ему.

Но мальчик закачал головой.

– Не...

Вдруг брат с сестрой о чем-то заспорили и выбежали из горницы. Я не понял, что случилось. Однако вскоре вошла хозяйка и причина ссоры выяснилась.

Хозяйка спросила меня:

– Вы дали мальчику сахар?

– Да.

– Напрасно...

– Но почему же? Сейчас нам в отряде дают пайковый.

– Да я не к тому, – сказала хозяйка. – А знаете, почему Васька спрятал сахар?

– Нет.

– Сахар ему нужен, чтобы немцам вредить.

– Как вредить? – с недоумением спросил я.

– А вот так. Узнали мальчишки нашего села, что если в бензиновый бак бросить несколько кусков сахара, то машина не заводится, пока бензин не сменят. Вот мальчишки и запасают сахар. Заметят, что немецкие шоферы зазевались, отвинтят крышку и бросают сахар. Бьются, бьются шоферы, разбирают мотор, а догадаться в чем дело не могут. А мальчишкам это вроде бесплатное кино. Соберутся возле машины и смотрят. А фрицы так и увезут машины на буксире. А если они догадаются? Не жить мальчишкам на свете...

Так впервые я узнал о свойстве бензина, в котором растворен сахар.

В августе 1942 года немцы бросили в наш партизанский район большие силы, поддерживаемые и авиацией. Отряд наш, состоявший из 450 человек, был разбит. Я получил ранение в крестец.

Оставшихся в живых сорок человек пленных собрали в ближайшем белорусском селе.

Немцы предполагали в назидание белорусам повесить нас в самом селе, но, видно, передумали.

Каждому выдали по лопате и предложили копать для себя могилу. Это были ужасные часы.

Некоторые хныкали, другие пели, третьи молча и неторопливо рыли.

Офицер, которому была поручена казнь, кричал что-то и торопил нас. Выстроили наряд автоматчиков. Мысленно я распрощался с жизнью. И вдруг на дороге показалась легковая машина. Какой-то толстый немец привез приказ отменить расстрел.

Нас опять собрали в селе и вскоре отправили поездом в Германию. Говорили, что на нас хотят испытать газы. Удовольствие не из приятных. Привезли в город Ной-Бранденбург. Здесь находился лагерь для военнопленных.

Перед тем как запустить в зону лагеря, нас посадили на земле около лагерной вахты. В это время к лагерю подъехали какие-то штатские немцы. Оказалось, что они будут набирать рабочих.

Как только открыли ворота, огромная толпа лагерников бросилась к вербовщикам. Недолго раздумывая, я смешался с толпой. Часть людей отобрали, а остальных вахтеры ударами палок загнали обратно. В число отобранных попал и я, хотя на мне не было номера военнопленного.

Привезли нас в Пруссию, в какую-то аккуратную немецкую деревню. Работал я у богатого бауэра в кузнице. Хорошо подкормился ворованной картошкой, окреп. Но мысль о побеге не оставляла меня. В марте 1943 года я покинул кузницу. Прошел по польской земле, миновав Белоруссию, добрался до Украины. Путь этот я проделал за пять месяцев. И везде и поляки, и белорусы, и украинцы помогали мне, чем могли. До Киева мне оставалось километров восемьдесят.

И вот в один не очень прекрасный день меня задержали полицаи. Передали в комендатуру. Две недели били меня и пытали где партизаны? Я отрекся, что не знаю и все. Вижу, мне грозит расстрел, решил сказать, что бежал из Ной-Бранденбурга. Привезли обратно. Здесь мне задали крепкую лупцовку палками, посадили в карцер на семь суток, а потом отправили обратно в ту самую

прусскую деревню, откуда я бежал.

Работал я в той же кузнице. Вскоре я оправился от побоев, и снова появилась мысль о побеге. Но сейчас у меня был порядочный опыт. Я знал, что главное – не попадаться немцам, они сейчас же заявляют властям о беглом военнопленном. Что поделаешь? Ярые службисты.

И сбежал я из этой деревни второй раз. Добрался до Варшавы. Проходил через один польский хутор, а там, оказывается, шла облава. И надо же такому случиться! И снова меня отправили в Ной-Бранденбург.

«Ну, теперь мне крышка», – думал я. Но обошлось. Дали по положенному месту двадцать пять палок, посадили на две недели в карцер. И стал я работать под строгим конвоем.

Однажды под осень 1944 года меня с группой военнопленных вывели ремонтировать полотно железной дороги. О побеге я уже не думал. Место по обе стороны полотна было совершенно открытое, безлесое. С западной стороны показался товарный поезд. Конвоиры согнали военнопленных на одну сторону дороги. И вдруг у меня, как молния, мелькнула мысль: а что, если вскочить на поезд на ходу и удрать?

Я нарочно замешкался. Поезд отделил меня от военнопленных и немцев-конвоиров.

Эх, была не была! Я изо всей силы разогнался по ходу поезда, схватился за поручни ступенек вагона и забрался на площадку. Прямо, как в кино. Осторожно заглянул назад, на другую сторону. Ни конвоиры, ни военнопленные не видели моего побега. В куче стоявших у полотна не было заметно никого движения или волнения.

Поезд шел на восток. Хорошо, что это случилось под вечер. Глубокой ночью поезд прибыл на какую-то станцию под Варшавой. Сидеть на тормозной площадке было рискованно.

Как только поезд снизил ход, я соскочил на землю и пошел рядом с облюбованным мной вагоном.

Поезд остановился. Остановился и я.

При свете прожекторной лампы, бросавшей яркие лучи с высокой мачты, я осмотрелся. Станция была забита эшелонами. Мимо проходил рабочий, и внимательно взглянул на меня. Несомненно, это был поляк. И он сразу понял, кто я.

– Куда этот поезд пойдет? – спросил я рабочего.

– Не туда... не в Россию, – отрицательно замахал поляк рукой. – И вообще, пан, уходите со станции. Здесь полно немцев.

Я поблагодарил поляка и стал переходить пути, чтобы подалее уйти со станции. Но, переходя пути под вагоном, я попался.

Снова повезли в Ной-Бранденбург. Снова бросили в надоевший карцер. В этот раз немцы предъявили мне обвинение в побегах и решили судить.

До сих пор почему-то везло мне очень, и беги сходили с рук. Ведь за гораздо меньшие проступки немцы безжалостно расстреливали пленных.

«Ну, – думал я. – Теперь мне верная смерть».

Но ветры уже дули иные.

На фашистское логово грозным валом накатывалась Красная Армия...

Продержав в карцере две недели, отправили меня на работу в имение какого-то прусского помещика. Здесь я проработал, вернее, проволынил до Дня Победы. Очень мало пользы принесли Гитлеру мои руки за три с лишним года моего пребывания в плену.

ПАРТИЗАНЫ

Многим воинам, выбравшимся из окруженной крепости, не удалось преодолеть трудный путь по лесам и болотам и дойти до фронта, который ушел далеко на восток. Другие не имели сил идти, будучи ранеными. Все они оставались тут же, в Белоруссии, чтобы продолжать войну.

Местное население, застигнутое войной врасплох, вынуждено было оставаться на месте. Белорусы, поляки, украинцы, литовцы оказывали отбившимся от своих частей воинам всяческую помощь, а при возможности и приют. В первое время население еще не почувствовало всей тяжести кованого сапога захватчиков, немцы были заняты «молниеносной» войной.

Но очень скоро оставшиеся на оккупированной земле познали злую волю завоевателя, испытали жестокость и беспощадность фашистов.

Сначала партизанили одиночки и мелкие группы. Потом группы сливались в отряды и крупные воинские соединения. Их возглавляли смелые, решительные командиры Красной Армии.

И партизанское движение выросло в грозную силу, с которой не могли уже справиться целые армейские дивизии и корпуса немецко-фашистского вермахта. Вся Белоруссия, часть Прибалтики, лесистая часть Украины пылали кострами массового повстанческого движения.

В воспоминаниях А. Шабуева говорится, что из 487-го стрелкового полка, стоявшего в Речице Гомельской области, часть чеченцев, служивших в этом полку, перевели в полки, стоявшие в Бресте. В 44-й полк, стоявший в Бресте, были переведены Халид Азамов, Хумаид Аблушев, Нажмуддин Тукаев, Хамзат Хонкарханов и другие, многие из которых вернулись домой.

22 июня подразделение 44-го стрелкового полка, в котором служил Хамзат Хонкарханов, находилось вне крепости, в летних лагерях.

После ожесточенного боя в районе между Брестом и Жабинкой и на следующий день у Кобрина подразделение, в котором служил Хонкарханов, отступало вместе с другими частями Красной Армии в направлении Пинск – Лунинец – Гомель.

Здесь часть Х. Хонкарханова попала в окружение, и некоторых бойцов, не успевших уйти в лес, взяли в плен. Несколько дней Хонкарханова с товарищами продержали в пересыльном лагере за проволокой, а потом повезли на запад. Повезли поездом.

Из-за нехватки крытых вагонов часть пленных везли на открытых железнодорожных платформах.

Пленных охраняли немецкие пулеметчики и автоматчики, стоявшие тут же, на краю платформы.

Хамзат решил рискнуть. На одном из перегонов вблизи Варшавы он на полном ходу поезда спрыгнул с платформы, несколько раз перевернулся на земле, но встал без единой царапины. Автоматчики открыли по беглецу огонь, но Х. Хонкарханов ушел невредимым.

Положение Хамзата было нелегким. Он был в чужой стране, где говорили по-польски, а по-русски он знал только несколько слов, связанных с кухней, и строевые команды.

Но поляки отнеслись к нему хорошо. Заменили одежду на крестьянскую, указали, как пройти до первой белорусской деревни.

Добрался он до села Дроздовка. Какой области это село, Хонкарханов не знает. В этом селе горячее участие в его судьбе приняли братья Роман и Константин Домбровские. Они кормили и прятали его в доме, пока он совсем не окреп. Но оставаться «в гостях» долго было нельзя.

Х. Хонкарханов боялся, что рано или поздно его пребывание у Домбровских откроется, и им тогда несдобровать. Он попросил своих новых друзей найти ему оружие. Константин принес ему винтовку – польский карабин и немного патронов.

Горячо поблагодарив гостеприимных хозяев, Х. Хонкарханов ушел в лес, держась направления на восток. Через несколько дней он нашел восемь красноармейцев. Оружие было только у двоих. Бойцы были почти голы, а наступала холодная осень.

С этими двумя вооруженными товарищами Х. Хонкарханов стал устраивать засады у дорог. После удачных нападений на небольшие группы немцев маленький отряд вооружился и оделся. Группа признала Х. Хонкарханова старшим. Но место действия группы было решено оставить и податься дальше на восток, немцам ничего не стоило их уничтожить.

Потом они встретились с другой группой красноармейцев, которых вел лейтенант по фамилии Комаров. Х. Хонкарханов сдал свою группу в подчинение лейтенанта. Отряд насчитывал уже 22 человека. Решили назвать отряд именем Г. Котовского. Партизаны пошли дальше на восток с намерением добраться до Пинских болот.

После перехода реки Буг встретили большой партизанский отряд человек в двести, состоявший в основном из красноармейцев, вышедших из окружения, и белорусских колхозников. Большой отряд разбили на два, по сотне в каждом. Одну сотню дали под команду Комарова. Вторую возглавил лейтенант Баранов. Оба отряда в течение двух лет действовали в районе Пинских болот. Активное участие в боевых действиях принимал Хамзат Хонкарханов, один из оставшихся в живых воинов Брестского гарнизона.

Институт истории партии при ЦК Компартии Белоруссии 27 июня 1966 года за № 4114 выдал ему справку: «Хонкарханов Хамзат числился рядовым партизаном Белоруссии в Великую Отечественную войну с марта 1942 года по июль 1944 года. В бою с немецко-фашистскими захватчиками ранен в ногу. Когда ранен, в архивных данных не указано. Данных о пребывании в партизанах с августа 1941 года не обнаружено.

Архивная справка составлена по материалам партархива.

Зам. директора института С. Почанин».

С освобождением Белоруссии Красной Армией отряд, в который входил Х. Хонкарханов, влился в регулярную воинскую часть. В составе войск 1-го Белорусского фронта Х. Хонкарханов снова прошел путь на Варшаву, но уже в качестве воина освободительной армии. Участвовал в боях за освобождение Варшавы. Здесь Хонкарханов был демобилизован. Сейчас Х. Хонкарханов работает в совхозе в своем родном селе Гвардейском.

* * *

Не пришлось вернуться еще одному из земляков Х. Хонкарханова – участнику защиты Брестской крепости Осману Исмаиловичу Сатуеву.

О.И. Сатуев служил в крепости в 333-м полку (по другим данным – в 44-м). О партизанской деятельности О.И. Сатуева нам рассказал его друг, ныне живущий в Малгобеке, бывший белорусский партизан, ингуш Умар Газиков.

...После шести суток непрерывных боев в Брестской крепости от группы красноармейцев, в числе которых сражался Осман Исмаилович Сатуев, способных к бою людей почти не осталось. Группа вела бой на западной стороне крепости.

В ночь на 29 июня лейтенант, руководивший сражающейся группой, предложил всем способным носить оружие попытаться ночью перебраться через немецкое окружение и идти на соединение с

Красной Армией. Это было почти безнадежное предприятие. Но другого выхода не было. 18 воинов глубокой ночью пошли на прорыв, держась правого берега реки Буг. Немцы встретили их ливнем свинца. Сколько человек пробилось сквозь фашистское окружение, О.И. Сатуев не знал. Вышел он из огня вдвоем с лейтенантом, командиром их группы. О.И. Сатуев был ранен в ногу. Рана была легкая, но чем дальше они шли, тем становилось труднее.

Под вечер они дошли до шоссейной дороги, по которой и в ту, и в другую сторону шли немецкие машины и вихрем пронеслись мотоциклисты. Шоссейку надо было пересечь, чтобы войти в другой густой лесной массив.

И только Сатуев с товарищем стали переходить, как на дороге показался пулей летящий мотоциклист. Дав ему подойти на близкое расстояние, лейтенант полоснул по мотоциклисту очередью из пулемета. Мотоцикл вильнул, фашист влетел в кювет и уткнулся головой в траву. Убитым оказался немецкий офицер, который вез какой-то пакет.

Лейтенант забрал у убитого оружие и все документы.

И. Сатуев сорвал с кителя в первый раз увиденный им немецкий железный крест с белым ободком. Разделавшись с мотоциклистом, лейтенант и О.И. Сатуев ушли в лес.

Утром 30 июня стали держать совет. Лейтенант предлагал идти на соединение с Красной Армией на восток, но О.И. Сатуев возражал. Они находились в двух десятках километров на север от Бреста. Дальше в полусотне километров простирались непроходимые беловежские леса. О них О.И. Сатуев знал, так как он бывал здесь с батальоном по возведению военных сооружений. Можно было там скрыться и как угодно долго вести борьбу.

Но самое главное – рана не давала возможности Осману идти. И они расстались.

Закинув на плечо пулемет и взятый у мотоциклиста автомат, лейтенант ушел. Сатуев неторопливо побрел на север, стараясь держаться подальше от дорог, чтобы не напороться на фашистов. Чтобы было удобнее идти, вырезал себе подобие костыля, на который опирался, а винтовку приладил на спине.

На второй день Осман неожиданно столкнулся с группой красноармейцев из четырех человек.

– Откуда и куда, товарищ? – спросил его старший из группы.

– Из Бреста. А куда и сам не знаю. Иду к Беловежу, где лес погуще. А там видно будет.

– А вы из какой местности? – спросил его второй красноармеец.

– С Кавказа.

– Кавказ большой. А с какой области?

– Из Чечено-Ингушетии...

– Ты чеченец? – обрадовано спросил его красноармеец, по-ингушки.

– О! Ты ингуш? Как фамилия? Откуда?

Сатуев засыпал встречного вопросами. Красноармейца звали Умаром Газиковым. Служил он во 2-м отдельном разведывательном батальоне 49-й стрелковой дивизии, стоявшей северо-западнее Бреста.

49-я дивизия была дислоцирована по правому берегу Буга, на самой границе. Разведбатальон оказал фашистам отчаянное сопротивление, но был разбит. Остатки его рассеялись по ближним лесам. Маленькие группы бойцов медленно, но неуклонно двигались на восток.

И тут два земляка решили судьбу делить пополам. Рана не давала О.И. Сатуеву возможности поспевать за идущими впереди бойцами. У. Газиков остановил красноармейцев и посоветовался с ними. Решили, что им двоим лучше остаться вблизи какой-нибудь белорусской деревушки и переждать, пока рана О.И. Сатуева не заживет.

О.И. Сатуев и У. Газиков отделились от группы и пошли своей дорогой, держа направление на север.

На второй день возле села Долбнево им встретился осетин из города Орджоникидзе – Цаболов Харитон Соломонович. Решили держаться вместе.

Через день им встретился еще один земляк – чеченец Шамиль Гадаев. От истощения и голода он еле держался на ногах. Теперь их было четверо.

Голод – не тетка. Надо зайти в деревню. Но как их примут белорусы? Не навлекут ли они немецкие репрессии на жителей?

Пошли в Долбнево, послав сначала в разведку У. Газикова. Немцев в селе не было. Встретили красноармейцев долбневские белорусы участливо. Надавали хлеба, вареной картошки, молока. Один белорус передал им, что он был в городке Высоко-Литовске и слышал, что немцами занят Минск. Бои идут уже около Смоленска. Догнать столь далеко отодвинувшийся на восток фронт не представлялось возможным.

Все четверо устроили совет – как быть дальше?

Сатуев сказал:

– Зачем нам отступать на восток? Давайте бить фашистов здесь же.

Четверо воинов организовали партизанскую группу. Решили назвать ее именем героя гражданской войны Асланбека Шерипова. Старшим назначили О.И. Сатуева. Было решено жить не в одной деревне, а в разных.

Побывав несколько дней в Долбнево и выяснив обстановку, товарищи разошлись по разным селам,

которые были еще меньше. Немцы были в ближайшем городке Высоко-Литовске, большом селе Березовке и в Семятичах.

Сюда, в лесную глушь, они забирались лишь в случае крайней нужды, так как в густых лесных чащобах чувствовали себя неуютно, неуверенно.

О.И. Сатуев поселился у старушки-белоруски Феклы Гупинец на хуторе, который относился к селу Миневици. У. Газиков старался жить в Долбнево у Василия Алешко, Х.С. Цаболов поселился на хуторе у Василия Захарчука, а Ш. Гадаев нашел приют в Ясиновке

ОТ ИЗДАТЕЛЬСТВА

Художественно-документальная повесть «Брест – орешек огненный» была написана покойным чеченским писателем Халидом Дудаевичем Ошаевым более двадцати лет назад. Им была проведена огромная работа по розыску защитников обороны Брестской крепости и района Бреста. Не закончена эта работа и сейчас. Но время идет, уходят из жизни ветераны Великой Отечественной войны, которые могли бы помочь всем нам уточнить ход событий первых дней войны, имена героев, первыми встретивших вероломный и жестокий удар гитлеровских захватчиков.

В крепости захоронены останки 850 человек, из них известны имена 222-х, которые вынесены на плиты мемориала. Среди них трое уроженцев Чечено-Ингушетии – Лалаев А.А., Узуев М.Я., Абдрахманов С.И.

Научно-методический совет мемориального комплекса «Брестская крепость-герой» признает и утверждает воинов участниками обороны и боев в районе Бреста только при наличии определенных документов: сведений военкоматов или военного билета (красноармейской книжки) самого военнослужащего или двух свидетельских показаний участников обороны крепости и т.д. Из названного Х.Д. Ошаевым числа людей в Музее имеется материал на следующих товарищей, и они признаны участниками обороны Брестской крепости и боев в районе Бреста:

Абдрахманов С.И. – курсант пехотной школы 44-го стрелкового полка.

Байбеков А.С. – сержант 44-го стрелкового полка.

Бедрицкий П.С. – рядовой 44-го стрелкового полка.

Бейтемиров С.-А.М. – рядовой 333-го стрелкового полка.

Бетризов Х.Г. – рядовой 333-го стрелкового полка.

Гайтукаев А.Д. – рядовой 455-го стрелкового полка.

Жуликов П.Г. – Брестское подполье.

Зацепин Н.И. – курсант пехотной школы 44-го стрелкового полка.

Кренделев А.Д. – рядовой 44-го стрелкового полка.

Лалаев А.А. – старший сержант 333-го стрелкового полка.

Малаев А. – рядовой 333-го стрелкового полка.

Масаев (Зайнди Асхабов) – рядовой 455-го стрелкового полка.

Орлов Д.Л. – зам. политрука 455-го стрелкового полка.

Тихомиров Н.И. – лейтенант 333-го стрелкового полка.

Узуев М.Я. – сержант 333-го стрелкового полка.

Хасиев А. – рядовой 333-го стрелкового полка.

Хуцуруев А. – рядовой 84-го стрелкового полка.

Цечоев Х.Д. – рядовой 125-го стрелкового полка.

Шабуев А.К. – рядовой 333-го стрелкового полка.

Эдельханов Д. – 333-й стрелковый полк.

Эдисултанов А.Э. – рядовой 44-го стрелкового полка.

Эльмурзаев А.А. – рядовой 333-го стрелкового полка.

Эльмурзаев Э.А. – рядовой 333-го стрелкового полка.

Эсбулатов М. – рядовой 455-го стрелкового полка.

Юсаев М. – сержант 333-го стрелкового полка.

Многие архивы военного времени пропали, личные документы оставшихся в живых красноармейцев чеченской, ингушской национальностей, высланных со своей родины, не могли сохраниться и при всем желании их владельцев: на новых местах они заменялись на «удостоверения спецпереселенцев».

Поэтому в книге публикуются воспоминания только участников обороны Брестской крепости или материалы только о тех участниках обороны и боев в районе Бреста, фамилии которых утверждены мемориальным комплексом «Брестская крепость-герой» в качестве участников этих событий.

Хотя издательство и не располагает достоверными документами об участии всех названных красноармейцев – наших земляков – в обороне Брестской крепости, в боях в районе Бреста, как не располагает и противоположными сведениями, мы решили дать здесь эти имена с надеждой, что оставшиеся в живых участники тех событий откликнутся и сообщат нам известные сведения о них.

Возможно, среди них окажутся имена тех, кто не подлежит популяризации, нам это неизвестно, так как нет сведений. Но из-за такой ситуации не должны быть преданы забвению остальные. Публикуя список, составленный писателем на основании данных райвоенкоматов, сельсоветов, где имелись военно-учетные столы, свидетельств участников войны, писем и фотографий, случайно сохранившихся у родственников, издательство также надеется, что он послужит ценным материалом для историков, краеведов-следопытов в дальнейшей работе по поиску сведений о тех, о ком память должна быть сохранена в поколениях. Нам кажется, что многие из этих имен обязательно войдут в Книгу Памяти, которая будет издана к 50-летию Победы в Великой Отечественной войне 1941-1945 годов.

Мы также убеждены в том, что такие книги, как «Брест – орешек огненный» Х.Д. Ошаева, отражающие героическое прошлое нашей Родины, рассказывающие о мужестве и героизме советских людей – представителей всех народов нашей страны, необходимы для военно-патриотического и интернационального воспитания поколений, выросших в послевоенное время.

СПИСОК УЧАСТНИКОВ ОБОРОНЫ БРЕСТСКОЙ КРЕПОСТИ И ПРИЛЕГАЮЩЕГО К НЕЙ РАЙОНА, ПРИЗВАННЫХ ИЗ ЧЕЧЕНО-ИНГУШСКОЙ АССР

Годы рождения не приводятся (в основном это были родившиеся в 1917-1921 годах).

1. Абаев Сайпудди (фото)

Сел. Новые Атаги Шалинского р-на. Чеченец. Учитель. Призван в армию в октябре 1939 года. Служил перед войной в крепости Брест. Пропал б/в (сведения с/с).

2. Абдулкадыров Али

Сел. Старые Атаги Грозненского р-на. Чеченец. Участник финской кампании. Перед войной родные получали письма от него из Бреста. Пропал б/в (сведения с/с).

3. Абдулмуслиев Аюб

Сел. Бено-Юрт Надтеречного р-на. Чеченец. В армию призван в феврале 1940 года (свед. Надтеречного райвоенкомата). Служил в 125-м стрелковом полку в 1-й роте рядовым. Пропал б/в.

4. Абдурахманов Косум

Сел. Знаменское Надтеречного р-на. Чеченец. Призван в армию в 1939 году. Полк неизвестен. Пропал б/в (сведения с/с).

5. Абдрахманов Салих (фото)

Гор. Грозный. Казанский татарин. Комсомолец. Студент III курса Грозненского нефтяного техникума. Сохранились письма Салиха из Бреста. По свидетельству Бедрицкого и Байбекова, погиб в крепости. Служил в 44-м стрелковом полку.

6. Абдурахманов Шамсу (фото)

Сел. Аллерой Ножай-Юртовского р-на. Чеченец. В армию призван в 1939 году. Служил в 125-м стрелковом полку рядовым. Последнее письмо получено из Бреста перед самой войной. Пропал б/в (сведения с/с и родных).

7. Абдулхаджиев Джунайд

Сел. Дачу-Барзой Грозненского р-на. Чеченец. Призван Ст. Атагинским РВК осенью 1940 года. Служил в 44-м стрелковом полку рядовым. Пропал б/в (сведения с/с и участников обороны).

8. Аблюшев Хумаид (фото)

Сел. Надтеречное Надтеречного р-на. Чеченец. Полк неизвестен. Из крепости вышел в первый день. Умер дома в с. Надтеречном.

9. Адуев Эльдархан

Сел. Гухой Советского р-на. Чеченец. Призван в армию в феврале 1940 года. Служил рядовым в 333-м стрелковом полку, 4-й роте. Убит в крепости (сведения участника обороны Бейтемирова С. А.).

10. Азамов Халид

Сел. Надтеречное Надтеречного р-на. Чеченец. В армию призван в феврале 1940 года. Жив .

11. Акиев Курейш Усманович

Сел. Верхние Ачалуки Малгобекского р-на. Ингуш. Служил в роте связи 125-го стрелкового полка. Вышел из крепости в первый день боев. Участвовал в бою с захватчиками под Жабинкой. Живет в родном селе.

12. Алиев Махмуд

Сел. Чишки Грозненского р-на. Чеченец. Комсомолец. Пропал б/в (сведения с/с и участника обороны Вахи Хидаева).

13. Алероев Салман Тимаевич (фото)

Сел. Пседах Малгобекского р-на. Чеченец. В армию был призван в феврале 1940 года (сведения Малгобекского РВК). По сведениям в настоящее время проживает в Казахстане. На фото снят с Хашакиевым Абдурахманом из с. Чемульга, погибшим в крепости.

14. Алибулатов Шахабутдин

Сел. Кенхи Советского р-на. Чеченец. С ним в Брестской крепости служили Садимов Анаб и Хасанов Муртазали – двоюродные братья Шахабутдина. Все трое пропали без вести. Салимов Анаб перед войной был дома в отпуске и уехал обратно 11 июня (сведения участника Бейтемирова С.-А., сельсовета и родных Алибулатова). Служил рядовым в 333-м стрелковом полку.

15. Алисултанов Саламбек

Сел. Старые Атаги Грозненского р-на. Чеченец. Комсомолец. Служил в 125-м стрелковом полку в 3-м батальоне рядовым. Погиб в крепости (данные с/с и участника обороны Хайтаева Мусы).

16. Ампукаев Ахмад

Сел. Дуба-Юрт Шалинского р-на. Чеченец. Служил в Брестской крепости в 125-м стрелковом полку рядовым. Пропал б/в (сведения Хидаева Вахи из Дуба-Юрта, с которым Ампукаев служил).

17. Амхадов Майрбек

Сел. Дачу-Барзой Грозненского р-на. Чеченец. Призван в армию в 1940 году Атагинским РВК. Служил в Брестской крепости. Полк неизвестен. Пропал б/в (сведения с/с и родных).

18. Анарчев Василий Федорович

Ст. Вознесенская Малгобекского р-на. Русский. Комсомолец. Призван в армию Малгобекским РВК в феврале 1940 года. Служил в 333-м стрелковом полку в 3-й пулеметной роте. Пропал б/в.

19. Анзоров Зайна (фото)

Сел. Старые Атаги Грозненского р-на. Чеченец. Комсомолец. Служил рядовым в 125-м стрелковом полку. Погиб в крепости (сведения Хайтаева М. и Староатагинского с/с).

20. Арбиев Исраил

Сел. Знаменское Надтеречного р-на. Чеченец. Призван был в армию в октябре 1940 года. Служил сначала в 222-м стрелковом полку, стоявшем на ст. Черемха Брестской области. Арбиев Исраил в составе 222-го полка участвовал в финской кампании. По некоторым данным, служил в 125-м полку. Пропал б/в (сведения Надтеречного РВК и участников обороны).

21. Арсагиреев Хожаммет

Сел. Новые Атаги Шалинского р-на. Чеченец. Служил в 131-м артполку. Пропал б/в (сведения сослуживцев).

22. Арсеноев Магомед Патиевич

Сел. Пседах Малгобекского р-на. Чеченец. По свидетельству родственников, был призван в армию в 1939 году. Перед войной получали от него письма из Бреста. Согласно свидетельству участника обороны Брестской крепости А. Сопикова, изложенном в книге Шахова «На берегах Буга», Арсеноев расстрелян фашистами вблизи села Ореховка Смоленской обл. (см. очерк «Партизаны»).

23. Аскиев Хумаид

Сел. Дуба-Юрт Шалинского р-на. Чеченец. Комсомолец. Служил рядовым в 125-м стрелковом полку. Погиб в крепости (сведения участника обороны Хидаева Бахи и др.).

24. Астемиров Магомет

Сел. Новые Атаги Шалинского р-на. Чеченец. Комсомолец. В армию призван в октябре 1939 года. В каком полку он служил, неизвестно. По свидетельству родственников, Астемиров Магомет, Магомедов Али и Дагуев Абубешир перед самой войной приезжали из Бреста в отпуск. После того, как они вернулись на место службы, началась война. Все трое пропали без вести (сведения с/с и родственников).

25. Асхабов (Масаев) Зайнди (фото)

Гор. Гудермес Гудермесского р-на. Чеченец. Комсомолец. Призван в армию в октябре 1940 года. Служил рядовым в 455-м стрелковом полку. Погиб в крепости (сведения участников обороны Гайтукаева Али, Беловешкина М. Е.).

26. Арсемиков (Ибрагимов) Абдул-Муталиб

Старые Атаги Грозненского р-на. Чеченец. 131-й артполк, 1-я батарея. Пропал б/в (сведения М. Махмадова).

27. Ахаршаев Сираждин

Сел. Мекень-Юрт Надтеречного р-на. Чеченец. Сначала служил в 222-м стрелковом полку, стоявшем на ст. Черемха Брестской обл. Позже перевели Ахаршаева в крепость Брест. Полк неизвестен. Пропал б/в (сведения Надтеречного РВК и участника обороны крепости Закриева Саида из хутора Конева).

28. Ахмадов Алхазур

Сел. Знаменское Надтеречного р-на. Чеченец. Призван в армию в феврале 1940 года. Полк неизвестен. Пропал б/в (сведения участников обороны. Ахмадов числится в списке из 37 человек, направленных Надтеречным РВК в г. Речицу, часть из которых была переведена в Брест).

29. Ахмадов Амхад (фото)

Сел. Энгеной Ножай-Юртовского р-на. Чеченец. Служил в 125-м стрелковом полку. Пропал б/в (сведения с/с).

30. Ахматханов Адам

Сел. Знаменское Надтеречного р-на. Чеченец. Призван в армию 1939 году. Пропал б/в (сведения с/с).

31. Аюбов Али

Сел. Надтеречное Надтеречного р-на. Чеченец. Призван в армию в октябре 1940 года. Сначала служил в 222-м полку в ст. Черемха Брестской области. В каком полку служил в Брестской крепости, неизвестно. На третий день боев участник обороны Закриев Саид встретил Аюбова Али в г. Кобрине в бою. Пропал Аюбов без вести после того, как выбрался из окруженной крепости (сведения Надтеречного РВК, Закриева Саида, Хасиева Ахмата и др.).

32. Аюбов Умар (фото)

Сел. Чишки Грозненского р-на. Чеченец. Комсомолец. Служил в 333-м стрелковом полку. Погиб в крепости (сведения участника обороны Хидаева Вахи). Родители Аюбова получают на сына пенсию.

33. Байбеков Абдулла Сабинович (фото)

Гор. Грозный. Казанский татарин. Призван в армию в октябре 1940 года. Жив. (См. рассказ «Жажда»). Был в плену. Служил в 44-м стрелковом полку сержантом.

34. Байсаров Ахмад Хасанович

Сел. Хакмадой Советского р-на. Чеченец. В армию призван в октябре 1940 года. Служил в 44-м стрелковом полку Пропал б/в (сведения с/с и участника обороны Бейтемирова С. А.).

35. Байгиреев (Хасан?)

Сел. Чири-Юрт Шалинского р-на. Чеченец. Служил в 125-м стрелковом полку. Пропал б/в (сведения сослуживцев).

36. Байсагуров Хуру (фото)

Чеченец-аккинец. Из Хасав-Юртовского района. Родственники в совхозе «Дружба». Служил перед войной в крепости Брест вместе с аккинцами Идрисовым Мовлидом и Яшировым Темирсолтой. Все пропали б/в (сведения родственников).

37. Байсуркаев Домби

Сел. Мекень-Юрт Надтеречного р-на. Чеченец. Сначала был в 222-м стрелковом полку. Потом служил рядовым в 44-м стрелковом полку. Пропал б/в (сведения Надтеречного РВК и участников обороны).

38. Бакриев Магомет

Гор. Гудермес Гудермесского р-на. Чеченец. Призван в октябре 1940 года. Рядовой 455-го стрелкового полка. Погиб в крепости (сведения Гайтукаева А.).

39. Балаев Хусейн Баматович

Гор. Малгобек. Кумык. Служил в 333-м стрелковом полку, куда был направлен РВК в феврале 1940 года. Пропал б/в (сведения родных).

40. Балоев Ногай (фото)

Сел. Пседах Малгобекского р-на. Чеченец. В армии служил вместе с Пешхоевым Вахой Датиевичем, односельчанином. Предположительно служил в 333-м стрелковом полку, так как Ваха был направлен в этот полк Малгобекским РВК. Погиб в крепости. В первый день войны он был в Цитадели (сведения Алероева С).

41. Балюков Петр Савельевич (фото)

Станица Нестеровская Сунженского р-на. Русский. Служил в 455-м стрелковом полку в 8-й роте. Был другом Гайтукаева Али. По словам последнего, Петр Балюков в первый день боев был в крепости. Мать получает пенсию. По данным Центрального Управления по учету потерь солдат и сержантов, Балюков Петр значится пропавшим без вести в декабре 1941 года.

42. Бахмурзиев Хамзат Ютиевич

Сел. Верхние Ачалуки Малгобекского р-на. Ингуш. Служил в 10-м отдельном инженерном батальоне 6-й дивизии. Пропал б/в (сообщение родственников).

43. Бацашев Саид-Ахмат (фото)

Сел. Итум-Кали Советского р-на. Чеченец. Комсомолец. Ушел в армию добровольно в 17 лет. Рядовой 333-го стрелкового полка 3-го батальона 8-й роты. Призван в армию в феврале 1940 года. Погиб в крепости, (сведения участника обороны Бейтемирова С.-А.).

44. Бедрицкий Петр Семенович (фото)

Гор. Грозный. Русский. Призван в армию в октябре 1940 года. Жив. Был в плену. (См. воспоминания «По боевой тревоге»).

45. Бейбулатов Саид-Хасан (фото)

Сел. Новые Атаги Шалинского р-на. Чеченец. Комсомолец, шел в армию добровольно в 1939 году. Служил в 125-м стрелковом полку сержантом во взводе связи в 3-м батальоне. Пропал б/в (сведения с/с, родственников и участников обороны).

46. Бейтемиров Сайд-Ахмат (фото)

Сел. Элистанжи Веденского р-на. Чеченец. (См. очерк «В огненной купели»). Умер в 1970 году в Чечено-Ингушетии.

47. Бекмурзаев Нурди

Сел. Надтеречное Надтеречного р-на. Чеченец. Надтеречным РВК был направлен в 333-й стрелковый полк в феврале 1940 года. Судьба неизвестна.

48. Бектемиров Ваха

Сел. Новые Атаги Шалинского р-на. Чеченец. Служил в 125-м стрелковом полку. Пропал б/в (сведения

сослуживцев).

49. Берсанукаев Абдул-Хамид Ахмадович

Сел. Старые Атаги Грозненского р-на. Чеченец. В каком полку служил – неизвестно. Перед началом войны был в крепости. Пропал б/в (сведения с/с и участника обороны Хайтаева М. Я.).

50. Бетильгиреев Мади (фото)

Сел. Дачу-Барзой Грозненского р-на. Чеченец. Служил в 125-м стрелковом полку. Пропал б/в (сведения с/с и участника обороны Хидаева В.).

51. Бециев Адага

Сел. Итум-Кали Советского р-на. Чеченец. В армию призван в феврале 1940 года. Рядовой 333-го стрелкового полка 3-го батальона 8-й роты. Погиб в крепости (сведения Бейтемирова С.-А.).

52. Борисенко А.П.

Станица Вознесенская Малгобекского р-на. Русский. Направлен был в Брест в 333-й стрелковый полк по наряду Малгобекского РВК. Борисенко А.П. служил в Бресте в канун войны. Судьба неизвестна (сведения односельчан-однополчан).

53. Бородаев Василий Иванович

Станица Вознесенская Малгобекского р-на. Русский. Служил в 333-м стрелковом полку рядовым. Судьба неизвестна.

54. Булгучев Ази Мошкоевич

Сел. Верхние Ачалуки Малгобекского р-на. Ингуш. В армию был призван в феврале 1940 года. Служил в 125-м стрелковом полку рядовым. Погиб в крепости (сведения участников обороны, Назрановского РВК и др.).

55. Булгучев Башир Саадович

Сел. Верхние Ачалуки Малгобекского р-на. Ингуш. Служил в 125-м стрелковом полку рядовым. Погиб в крепости в первый день войны. В армию был призван в феврале 1940 года (сведения родственников).

56. Бурсаков Косум

Сел. Калаус Надтеречного р-на. Чеченец. Служил сначала в 222-м стрелковом полку в ст. Черемха. В крепости, по некоторым данным, служил в 44-м стрелковом полку. Участник обороны Закриев Саид на 3-й день боев встретил Бурсакова около г. Кобрин после того, как он выбрался из окруженной крепости. Погиб Бурсаков, по-видимому, не в крепости (сведения Закриева С. и РВК).

57. Вазаев Гикало

Сел. Братское Надтеречного р-на. Чеченец. Комсомолец. Направлен был в Брест Надтеречным РВК. Служил в одном полку с Пешихоевым Вахой и Коурнукаевым Бакарой предположительно в 333-м стрелковом. Пропал б/в (сведения участников обороны и список РВК).

58. Висингиреев Абдулла (фото)

Сел. Ишхой-Юрт Гудермесского р-на. Чеченец. Комсомолец, Рядовой 455-го стрелкового полка. Погиб в крепости (сведения участника обороны Гайтукаева А. и с/с).

59. Гадаев Лукман (фото)

Сел. Бено-Юрт Надтеречного р-на. Чеченец. Полк неизвестен. Пропал б/в.

60. Гайрханов Ахмат (он же Темирбулатов)

Сел. Братское Надтеречного р-на. Чеченец. Призван в армию в октябре 1940 года. Надтеречным РВК направлен по наряду в Брест. Погиб в крепости (сведения участника обороны Хасиева Д., Надтеречного РВК).

61. Гайтукаев Али (фото)

Сел. Ишхой-Юрт Гудермесского р-на. Чеченец. Служил в 455-м полку. Жив. Работает учителем в родном селе. (См. воспоминания «В 455-м стрелковом»). Был в плену.

62. Ганукаев Мовсар

Сел. Шали Шалинского р-на. Чеченец. Служил в 125-м стрелковом полку. Убит на 3-й день войны, когда полз за боеприпасами (сведения участника обороны).

63. Гасанов Муртазали

Сел. Кенхи Советского р-на. Чеченец. Служил в 44-м стрелковом полку рядовым. Погиб в крепости (сведения участника обороны Бейтемирова С. А.).

64. Гелаев Магомет (фото)

Сел. Гухой Советского р-на. Чеченец. В армию призван в феврале 1940 года. Служил рядовым в 4-й роте 333-го стрелкового полка. Погиб в крепости (сведения участника обороны Бейтемирова С.-А.).

65. Гериханов Хожа (он же Бетризов) (фото)

Сел. Братское Надтеречного р-на. Чеченец. Служил рядовым в 3-м стрелковом полку. Погиб в крепости (сведения участников обороны Хасиева А., Шабуева А. К. и др. Направлен в Брест по наряду Надтеречного РВК).

66. Гончаров И.В.

Станица Вознесенская Малгобекского р-на. Русский. Направлен был в 333-й стрелковый полк в крепость Брест по наряду Малгобекского РВК в феврале 1940 года. Судьба неизвестна.

67. Дагуев Абубешир

Сел. Новые Атаги Шалинского р-на. Чеченец. Комсомолец. Призван в армию осенью 1939 года вместе с Магомедовым Али и Астемировым Магометом. Пропал б/в (сведения с/с и родных).

68. Дадаев Алхазур (Габаев)

Сел. Гойты Урус-Мартановского р-на. Чеченец. Комсомолец, призван в армию из Заводского р-на г. Грозного. Служил в 44-м стрелковом полку. Последнее письмо от 21 июня 1941 года. Пропал б/в (сведения даны Доккой Дадаевым, родным братом, бывшим военным летчиком, капитаном, ныне инженером конторы «Грознефтеразведка»).

69. Дакаев Хамзат

Сел. Надтеречное Надтеречного р-на. Чеченец. В Брест направлен в феврале 1940 года Надтеречным РВК по наряду в числе 24 призывников. Служил в 125-м стрелковом полку. Пропал б/в.

70. Дементьев Михаил Иванович

Гор. Грозный. Русский. Комсомолец. В Брест был направлен по наряду Малгобекского РВК в феврале 1940 года. У сестры Анастасии Ивановны Рябухиной хранится документ о том, что Дементьев М.И. является красноармейцем 333-го стрелкового полка. Последние письма из Бреста Анастасия Ивановна получила перед самой войной. Семья Дементьевых до конца выполнила свой патриотический долг: все мужчины пали за нашу Родину. Дмитрий Иванович погиб, сражаясь за Малгобек, Александр Иванович – в Керчи, Михаил Иванович, по-видимому, сложил голову в огненной крепости Брест.

71. Денисултанов Адес Ахтаевич

Сел. Надтеречное Надтеречного р-на. Чеченец. Служил в 44-м стрелковом полку. Пропал б/в (сведения участников обороны Хасиева А., Шабуева А. К. и др.).

72. Дербок Челемент Юсупович (фото)

Аул Октябрьский Теучежского р-на Адыгейской авт. обл. Адыгеец. Член ВКП(б). Направлен был в 333-й стрелковый полк в Брест Надтеречным РВК в феврале 1940 года. Выбрался из окруженной крепости. Сражался в блокированном Ленинграде. Пропал б/в.

73. Джаммирзаев Амсад (Дозу)

Село Дачу-Барзой Грозненского р-на. Чеченец. Полк, в котором служил Джаммирзаев, неизвестен. Пропал б/в (сведения с/с и участников обороны).

74. Джанхотов Магомет

Сел. Знаменское Надтеречного р-на. Чеченец. Служил в 333-м стрелковом полку. Пропал б/в (сведения участников обороны, данные с/с).

75. Джаутханов Адам

Сел. Мекень-Юрт Надтеречного р-на. Чеченец. Полк неизвестен. Пропал б/в (сведения участников обороны. Наряд Надтеречного РВК от 16.X.1940 года).

76. Джукаев Али (фото)

Сел. Серноводское Сунженского р-на. Чеченец. 455-й стрелковый полк. По свидетельству бывшего санинструктора 9-й роты 455-го полка Пономарева Владимира, проживающего ныне в гор. Фролове Волгоградской области, Али Джукаев погиб в крепости приблизительно на десятый день боев.

77. Джумаев Хамид

Сел. Старые Атаги Грозненского р-на. Чеченец. Служил в 131-м артполку. Пропал б/в (сведения с/с и участника обороны Хайтаева М. Я.).

78. Дзугаев Усам Усманович

Сел. Минеральное Надтеречного р-на. Чеченец. Служил в 44-м стрелковом полку. Пропал б/в (сведения участников обороны Шабуева А. К., Хасиева А. и др. Наряд Надтеречного РВК от 16.X.1940 года).

79. Дикаев Султан (Сангараев)

Сел. Старые Атаги Грозненского р-на. Чеченец. Комсомолец. Полк неизвестен. Погиб в крепости (сведения с/с и участника обороны Хайтаева М.).

80. Досхоев Магомет-Гирей Исламович

Сел. Кескем Малгобекского р-на. Ингуш. Направлен в Брест Малгобекским РВК. Служил в 333-м стрелковом полку. Судьба неизвестна.

81. Догаев Магомет

Сел. Белгатой Шалинского р-на. Чеченец. Рядовой 84-го стрелкового полка. Пропал б/в (сведения Шалинского РВК и Абзаилова Х. А.).

82. Дутуев Алади (фото)

Сел. Ишхой-Юрт Гудермесского р-на. Чеченец. Рядовой 455-го стрелкового полка. Погиб в крепости (сведения участника обороны Гайтукаева А. и с/с).

83. Духигов Мутуш Махдоевич (фото)

Сел. Знаменское Надтеречного р-на. Чеченец. Рядовой 44-го стрелкового полка. Погиб в крепости (сведения участников обороны и наряд РВК).

84. Еваев Гикало Микаевич

- Сел. Серноводское Сунженского р-на. Чеченец. Комсомолец, рядовой 455-го стрелкового полка, 8-я рота. Погиб в крепости (сведения Гайтукаева А.).
85. Жуликов Петр Георгиевич (фото)
Гор. Грозный. Русский. Член ВКП(б). Работал в Брестском подолье. (См. очерк «Несгибаемые»).
86. Жуков Геннадий Александрович
Гор. Грозный. Русский. Фельдшер. Был призван в армию из Надтеречного р-на и направлен в 333-й стрелковый полк в Брест в октябре 1940 года. По прибытии некоторое время служил в местечке Мелешиха в 166-м гаубично-артиллерийском полку. У отца Геннадия, Александра Федоровича, сохранились три письма сына из Бреста и красноармейская справка 166 ГАП. Справка военкомата свидетельствует, что Геннадий Жуков пропал без вести в декабре 1941 года. Второй сын А.Ф. Жукова – Михаил, погиб в 1944 году возле Харькова. Сам Александр Федорович участник трех войн: империалистической, гражданской и второй мировой.
87. Закаев Шарпудди
Сел. Знаменское Надтеречного р-на. Чеченец. Направлен в Брест в 333-й стрелковый полк по наряду РВК от 10.II.1940 года. Погиб в крепости (сведения Надтеречного РВК и участников обороны).
88. Закриев Саид
Хут. Конева Надтеречного р-на. Чеченец. Служил в 235-м отдельном саперном батальоне. Жив.
89. Закриев Шарпудди Джамаллайлович (Мустафинов)
Сел. Старая Сунжа Грозненского р-на. Чеченец. Комсомолец. Помкомвзвода в 3-м батальоне 125-го стрелкового полка. Пропал б/в (сведения с/с и участников обороны Хайтаева М.Я. и др.). Призван из сел. Старые Атаги.
90. Зацепин Николай Иванович (фото)
Гор. Грозный. Русский. В армию призван в октябре 1940 года. Служил в 44-м стрелковом полку. Погиб в крепости (сведения участников обороны Бедрицкого П. С, Байбекова А. С).
91. Зухайраев Эдильхан
Сел. Гвардейское Надтеречного р-на. Чеченец. Полк неизвестен. Пропал б/в (сведения участников обороны).
92. Ибиев Эльдархан
Сел. Гухой Итум-Калинского р-на. Чеченец. Призван в армию в феврале 1940 года. Служил рядовым в 4-й роте 333-го стрелкового полка. Погиб в крепости (сведения Бейтемирова С. Л.).
93. Ибрагимов Абдул-Муталиб Арсеминович
Сел. Старые Атаги Грозненского р-на. Чеченец. Служил в 1-й батарее 131-го артполка 6-й дивизии помощником политрука взвода. Комсомолец. Пропал б/в (сведения Махмадова М.).
94. Ибрагимов Зайнди (Масаев)
Сел. Кошкельды Гудермесского р-на. Чеченец. Служил в 455-м стрелковом полку. Пропал б/в (сведения с/с и участника обороны Гайтукаева А.). По данным помкомвзвода – погиб в крепости.
95. Ибрагимов Осман (фото)
Гор. Малгобек. Ингуш. Служил в 125-м стрелковом полку ефрейтором.
96. Ибрагимов Тапалу
Был направлен Надтеречным РВК в 333-й стрелковый полк в феврале 1940 года. Судьба неизвестна.
97. Идрисов Мовлид (фото)
Гор. Хасав-Юрт. Чеченец-аккинец. Служил в одном полку с Эдельхановым Висанопом. Оба пропали б/в (сведения участников обороны).
98. Имаалиев Халид (фото)
Сел. Верхний Наур Надтеречного р-на. Чеченец. Направлен в крепость Брест Надтеречным РВК в феврале 1940 года. Служил рядовым 1-й роты 1-го батальона 125-го стрелкового полка. Пропал б/в (сведения Надтеречного РВК и участников обороны).
99. Ирисханов Султан
Сел. Братское Надтеречного р-на. Чеченец. Направлен в крепость Брест Надтеречным РВК в октябре 1940 года. Полк неизвестен. Погиб в крепости (сведения участников обороны Хасиева А.).
100. Ирченко Алексей Селиверстович (фото)
Станица Вознесенская Малгобекского р-на. Русский. Комсомолец. Направлен в крепость Брест Малгобекским РВК в феврале 1940 года. Служил рядовым в 833-м стрелковом полку. По словам сестры Анны Селиверстовны, последнее письмо от него было получено из Бреста 10 июня 1941 года. Пропал б/в. Второй брат Михаил окончил пехотное училище в 1941 году, был на фронте. По тяжелому ранению вернулся домой. Живет в Донбассе.
101. Исламов Хамид
Сел. Гухой Советского р-на. Чеченец. В армию призван в феврале 1940 года. Служил рядовым в 333-м стрелковом полку в 4-й роте. Погиб в крепости (сведения Бейтемирова С.-А.).
102. Исмаилов Сулейман
Сел. Кенхи Советского р-на. Чеченец. Служил в 333-м полку. Пропал б/в (сведения Бейтемирова С.-А.).

103. Исраилов Ирисхан (фото)

Сел. Мекень-Юрт Надтеречного р-на. Чеченец. Комсомолец. Служил сначала в 222-м стрелковом полку, с мая 1941 года – в 44-м стрелковом полку. Из окруженной крепости Исраилов Ирисхан выбрался. Закриев Саид видел его на реке Десне и говорил с ним. Исраилов пропал б/в. В списках Надтеречного РВК он числится направленным в Брестскую крепость в октябре 1940 года.

104. Исраилов Махди

Сел. Знаменское Надтеречного р-на. Чеченец. Полк неизвестен. Пропал б/в (сведения с/с и участников обороны).

105. Исраилов Хусейн Магометович

Сел. Минеральное Надтеречного р-на. Чеченец. Полк, где служил Хусейн, неизвестен. По свидетельству Шабиева Абдулхаира (его односельчанина), Исраилов Х. М. из окруженной крепости выбрался. Участвовал в войне почти до конца. Умер в Казахстане (сведения с/с и Шабиева А. К.).

106. Итиев Давид (фото)

Гор. Грозный. Горский еврей. Рядовой 44-го стрелкового полка. Пропал б/в. У сестры сохранилось пять писем, написанных из Картуз-Березы и Бреста. Письма переданы в Брестский музей.

107. Кагерманов Нурадди (фото)

Сел. Серноводское Сунженского р-на. Чеченец. Комсомолец. Служил в 455-м стрелковом полку в 8-й роте рядовым. Пропал б/в (сведения с/с и участника обороны Гайтукаева А.).

108. Кадиев Хумаид

Сел. Ишхой-Юрт Гудермесского р-на. Чеченец. Рядовой 455-го стрелкового полка. Погиб в крепости (сведения с/с и односельчанина и однополчанина Гайтукаева А.).

109. Кантаев Магамед

Сел. Старые Атаги Грозненского р-на. Чеченец. Рядовой 125-го стрелкового полка 3-й батареи. Погиб в крепости (сведения с/с и участника обороны Хайтаева М. Я.).

110. Кокаев Хасан

Сел. Улус-Керт Советского р-на. Чеченец. Служил в 125-м стрелковом полку. Пропал б/в (сведения Хашумова З. и др.).

111. Коломинцев Иван

Русский. Надтеречным РВК был направлен 16.X.1940 года вместе с Жуковым Геннадием и другими в крепость Брест. Дальнейшая судьба неизвестна.

112. Колымцев Семен Трофимович

Станица Вознесенская Малгобекского р-на. Русский. Рядовой 333-го стрелкового полка. Живет в станице. Направлен в Брестскую крепость Малгобекским РВК в феврале 1940 года в числе 37-ми призывников.

113. Коурнукаев Бакара Магадович (фото)

Сел. Бено-Юрт Надтеречного р-на. Чеченец. Служил в 333-м стрелковом полку. Направлен в Брест Малгобекским РВК в феврале 1940 года. Погиб в Бресте (сведения участников обороны, наряд Малгобекского РВК).

114. Кренделев Александр Дмитриевич (фото)

Гор. Грозный, Новая Катаяма. Русский. Служил в 44-м стрелковом полку. Жив. (См. рассказ А. Кренделева «Пережитое»).

115. Кулебяшкин Александр Иванович (фото)

Гор. Грозный. Русский. Направлен в Брест Малгобекским РВК в феврале 1940 года. Жив.

116. Кунтаев Сайд-Хасан

Сел. Старые Атаги Грозненского р-на. Чеченец. Служил в 125-м стрелковом полку рядовым. Пропал б/в (сведения Махмадова М.).

117. Лабазанов Магомет

Сел. Итум-Кали Советского р-на. Чеченец. Рядовой 333-го стрелкового полка. Пропал б/в (сведения младшего лейтенанта Бейтемирова С. А.).

118. Лалаев Айндин Абдурахманович (фото)

Сел. Толстой-Юрт Грозненского р-на. Чеченец. Член партии. Мл. командир, помкомвзвода 75-го отдельного разведбатальона. По отзыву воинов гарнизона, Айндин был замечательным кавалеристом-наездником. Погиб в крепости в первый день войны. Второй брат – Зайнди Лалаев – погиб в районе Керчи. Третий, Рамзан Лалаев, в звании сержанта служил в 225-м отдельном Чечено-Ингушском кавалерийском полку и сражался с немецкими оккупантами на подступах к Сталинграду. Отец – Абдурахман Лалаев – участник гражданской войны.

119. Магомадов Элибек (фото)

Сел. Дуба-Юрт Шалинского р-на. Чеченец. Служил в 125-м стрелковом полку рядовым. Погиб в крепости (сведения участника обороны Хидаяева В.).

120. Магомаев Али Газалиевич (фото)

Сел. Новые Атаги Шалинского р-на. Чеченец. Полк неизвестен. Пропал б/в (сведения с/с и родственников).

121. Магомадов Усман (фото)
Сел. Гвардейское Надтеречного р-на. Чеченец. Служил в 333-м стрелковом полку. Погиб в крепости (сведения участников обороны Хасиева А., Шабуева А.).
122. Магомедов Герейхан Умханович (фото)
Сел. Адиль-Отар Хасав-Юртовского р-на Даг. АССР. Чеченец. Член ВЛКСМ. Призван в армию в феврале 1939 года. Служил в 333-м стрелковом полку. Окончил полковую школу. Вышел из Брестской крепости. До марта 1942 года присылал с фронта письма. Пропал б/в.
123. Магомедов Али Магомедович
Сел. Новые Атаги Шалинского р-на. Чеченец. Полк неизвестен. Пропал б/в (сведения с/с и родственников).
124. Малаев Алдам (фото)
Сел. Кень-Юрт Грозненского р-на. Чеченец. Служил в 333-м стрелковом полку. Жив. (См. рассказ «Двенадцать дней»).
125. Мальсагов Махмуд (фото)
Сел. Новые Атаги Шалинского р-на. Чеченец. Полк неизвестен. Пропал б/в (сведения с/с и родственников).
126. Мамацаев Хамид
Сел. Дачу-Барзой Грозненского р-на. Чеченец. Полк неизвестен. Пропал б/в (сведения с/с).
127. Маринко Иван Иванович
Станица Вознесенская Малгобекского р-на. Русский. Рядовой 333-го стрелкового полка. Из окруженной крепости вырвался на второй день. Жив.
128. Матаев Лечи-Хаджи (фото)
Сел. Улус-Керт Советского р-на. Чеченец. Служил в 125-м стрелковом полку. Пропал б/в (сведения участников обороны Хидаева В., Бейтемирова С.-А.).
129. Махмадов Мухади
Сел. Старые Атаги Грозненского р-на. Чеченец. В крепости служил шофером у командира 131-го артполка. В ночь нападения был в городе Бресте. (В сентябре 1939 года Махмадов занимал город Брест в составе советских войск, когда на улицах еще лежали тела убитых немцами польских солдат). Сейчас Махмадов работает шофером скорой помощи в гор. Грозном.
130. Махмудов Джунайд (фото)
Сел. Нойберды Гудермесского р-ка. Чеченец. Служил в 455-м стрелковом полку. Пропал б/в (сведения участника обороны Гайтукаева А.).
131. Мачульский А.А.
Станица Вознесенская Малгобекского р-на. Австриец по происхождению. Был направлен в крепость Брест в 333-й полк Малгобекским РВК в феврале 1940 года. Однополчане-односельчане Покусаев И.Е. и Маринко И.И. видели Мачульского на второй день боев тяжело раненым. Отец Мачульского – Антон, старик 80 лет, во время войны с фашистами под Малгобеком ходил к ним в тыл и взорвал кухню. Дочь Мачульского за спасение известной военной летчицы Чайки недавно была награждена орденом.
132. Мидаев Муса (Мунаев)
Сел. Знаменское Надтеречного р-на. Чеченец. Полк неизвестен. Погиб в крепости (сведения участников обороны).
133. Митаев Хожамет
Сел. Белгатой Шалинского р-на. Чеченец. Рядовой 84-го стрелкового полка. С фронта вернулся в Казахстан после шестого ранения и в 1946 году умер (сведения Шалинского военкомата и родственников).
134. Меснянкин Нестор Григорьевич (фото)
Гор. Грозный. Русский. В крепости служил рядовым 333-го полка. Был в плену. Ныне работает на нефтеперегонном заводе.
135. Мудаев Абузахар
Сел. Старые Атаги Грозненского р-на. Чеченец. Полк неизвестен. Пропал б/в (сведения с/с и участника обороны Хайтаева М. Я.).
136. Мударов Магомет
Сел. Знаменское Надтеречного р-на. Чеченец. Служил в 333-м полку. Пропал б/в (сведения участников обороны, наряд РВК).
137. Мурадов Велипаша
Сел. Энгель-Юрт Гудермесского р-на. Чеченец. Рядовой 455-го стрелкового полка. Пропал б/в (сведения участника обороны Гайтукаева А.).
138. Мурадов Магомет
Сел. Чадри Советского р-на. Чеченец. Полк неизвестен. Служил в Бресте. Пропал б/в (сведения с/с и родственников).
139. Мурзабеков Юсуп Абдурахманович

Сел. Яндырка Назрановского р-на. Ингуш. Служил в 10-м отдельном инженерном батальоне рядовым. Жив.

140. Мусаев Абдул-Муслим
Сел. Гухой Советского р-на. Чеченец. Рядовой 4-й роты 333-го полка. Погиб в крепости (сведения Бейтемирова С. А.).

141. Мусаев Дуту (Эльмурзаев) (фото)
Сел. Гвардейское Надтеречного р-на. Чеченец. Служил рядовым в 333-м полку. (По данным Шабуева А. К. – в 44-м полку). Пропал б/в (сведения участников обороны и с/с).

142. Мухаджиев Нура
Сел. Белгатой Шалинского р-на. Чеченец. Рядовой 84-го стрелкового полка. Пропал б/в (сведения Шалинского РВК и родственников).

143. Муситов Хамзат
Сел. Белгатой Шалинского р-на. Чеченец. Рядовой 84-го полка. Пропал б/в (сведения военкомата и родственников).

144. Мутушев Бетирсултан
Сел. Старые Атаги Грозненского р-на. Чеченец. Служил в первой батарее 131-го артполка 6-й дивизии помощником политрука взвода. Комсомолец. Вернулся домой (сведения Махмадова М.).

145. Мухадинов Сайд-Али
Сел. Дуба-Юрт Шалинского р-на. Чеченец. Служил в 125-м стрелковом полку. Умер в лагере военнопленных от ран, полученных в боях за Брест. Мать получает пенсию.

146. Назыров Шама Магометович
Сел. Старые Атаги Грозненского р-на. Чеченец. Член ВЛКСМ. Служил офицером в погранотряде близ крепости Брест вместе с Осмаевым Махмудом. Назыров застрелен немецким конвоем по дороге в плен (сведения Хайтаева М.).

147. Никитин Павел Алексеевич
Гор. Малгобек. Русский. Служил в 333-м стрелковом полку в 3-м батальоне в 3-й пулеметной роте. Последнее письмо от него было получено сестрой Еленой Алексеевной 18 июня 1941 года. Пропал б/в (сведения РВК и письма сестры).

148. Озаев Магомет
Сел. Кантышево Назрановского р-на. Ингуш. Служил пулеметчиком в одном из полков. Погиб при прорыве из немецкого окружения (сведения участников обороны).

149. Орзаев Ахид
Сел. Чишки Грозненского р-на. Чеченец. Полк неизвестен. Пропал б/в (сведения участников обороны и родственников).

150. Орлов Дмитрий Логвинович (фото)
Станица Троицкая Сунженского р-на. Русский. Служил в 455-м стрелковом полку вместе с Гайтукаевым Али. Будучи раненым, попал в плен. После окончания войны вернулся. Служил в Советской Армии в г. Абакане, в звании лейтенанта. Умер в 1947 году. С начала войны все мужчины семьи Орловых – братья Иван и Степан, а также отец Логвин Митрофанович ушли на фронт. Старик Логвин попал в плен. Направили в Чехословакию. Из плена Логвин бежал в отряд чешских партизан и провоевал до конца войны. Умер в 1957 году дома. Иван Логвинович воевал в составе 330-го гвардейского стрелкового полка и дошел до Праги. Демобилизовался только в 1951 году. В настоящее время работает комбайнером в Краснодарском крае. Степан Логвинович демобилизовался сразу после окончания войны и работает в Белгороде.

151. Осмаев Махмуд Хамидович
Сел. Старые Атаги Грозненского р-на. Чеченец. Член ВЛКСМ. Служил офицером в погранотряде близ крепости Брест. Война застала на границе. Вернулся с войны в Казахстан в звании майора (сведения Хайтаева М.). Умер в Казахстане.

152. Палтаев Хуси (фото)
Сел. Гвардейское Надтеречного р-на. Чеченец. Полк неизвестен. Погиб в крепости (сведения участников обороны, с/с, наряд РВК).

153. Паттахов Авади
Сел. Знаменское Надтеречного р-на. Чеченец. Полк неизвестен. Пропал б/в (сведения Азамова Х. и др.).

154. Пашаев Беса
Сел. Ведено Веденского р-на. Чеченец. Рядовой 333-го стрелкового полка. Жив. Работает на овцеводческой ферме.

155. Петько Сергей Иванович (фото)
Гор. Грозный. Русский. Рядовой 333-го стрелкового полка. Направлен в Брест Малгобекским РВК в феврале 1940 года. Пропал б/в (сведения родственников).

156. Пешхоев Ваха Датиевич (фото)
Сел. Пседах Малгобекского р-на. Чеченец. Полк неизвестен. Направлен в Брест в 333-й стрелковый

полк Малгобекским РВК в феврале 1940 года. Пропал б/в (сведения участников обороны и родственников).

157. Плиев Сафарбек Лорсаевич

Сел. Назрань Назрановского р-на. Ингуш. Пограничник. Отражал натиск фашистов на погранзаставе в 8-ми км от Бреста. Отступил после боя. Из 35 бойцов осталось в живых 9. Подполковник запаса. (Газета «Ленинский путь» от 10.VI.1961 г.).

158. Покусаев Иван Ефимович

Станица Вознесенская Малгобекского р-на. Русский. Служил в 333-м стрелковом полку. Из окруженной крепости вышел на второй день боя. Жив. Работает в колхозе.

159. Попов Антон Данилович (фото)

Гор. Малгобек. Русский. Служил рядовым в 333-м полку. По свидетельству однополчан и одностаничников Покусаева Е. И., Маринко И. И., погиб в Тираспольском укреплении. Направлен был в Брестскую крепость по наряду Малгобекского РВК в феврале 1940 года.

160. Протасов Сергей Михайлович (фото)

Ст. Карабулакская Сунженского р-на. Русский. Курсант полковой школы 333-го стрелкового полка. Умер в 1971 году.

161. Садаев Андарбек Махмудович (фото)

Сел. Старые Атаги Грозненского р-на. Чеченец. Полк неизвестен. Пропал б/в (сведения с/с и участника обороны Хайтаева М. Я.).

162. Саидов Юнус Юсупович

Сел. Газгородок Надтеречного р-на. Чеченец. Служил в 455-м стрелковом полку(?). Пропал б/в (сведения участника обороны Малаева Алдама).

163. Саламов Алавди

Сел. Ойсунгур Гудермесского р-на. Чеченец. Служил в 455-м стрелковом полку. Вырвался из окруженной крепости. Умер в Казахстане после войны (сведения Гайтукаева Али и с/с).

164. Салимов Анаб

Сел. Кенхи Советского р-на. Чеченец. Рядовой 125-го стрелкового полка. Пропал б/в (сведения Бейтемирова С.-А.).

165. Самбиев Канта

Хутор Конева Надтеречного р-на. Чеченец. Полк неизвестен. В Брест направлен по наряду Надтеречного РВК. Пропал б/в (сведения с/с).

166. Сардалов Элибек

Сел. Бенгарой Советского р-на. Чеченец. Служил в 333-м стрелковом полку в 4-й роте. Пропал б/в (сведения мл. лейтенанта Бейтемирова С.-А.).

167. Сапиев Сайпуддин

Сел. Старые Атаги Грозненского р-на. Чеченец. Служил в 125-м стрелковом полку в 3-м батальоне. Вырвался из окруженной крепости. Отступал с Хайтаевым М. Убит немецкой авиабомбой в госпитале в Мичуринске, где он лечился от раны, полученной под Ельцом.

168. Сатуев Осман Исмаилович (фото)

Сел. Надтеречное Надтеречного р-на. Чеченец. Служил в 44-м стрелковом полку(?). Из крепости вырвался. Расстрелян фашистами в январе 1943 года. (См. рассказ «Партизаны»).

169. Сербиев Раид Рашидович

Сел. Старые Атаги Грозненского р-на. Чеченец. Работал в крепости поваром, плотником, сапожником. Погиб в крепости (сведения Махмадова М., Хайтаева М. и с/с).

170. Сербиев Салман Дениевич

Сел. Старые Атаги Грозненского р-на. Чеченец. Полк неизвестен. Погиб в крепости. Двоюродный брат Раида (сведения Махмадова М., Хайтаева М. и с/с).

171. Сириев Усман Сайдулханович

Сел. Ведено Веденского р-на. Чеченец. Служил в 333-м полку. Живет в Казахстане (сведения Бейтемирова С.-А.).

172. Солсаев Абаз

Сел. Чишки Грозненского р-на. Чеченец. Полк неизвестен. Пропал б/в.

173. Солтаев Шамсуд

Сел. Надтеречное Надтеречного р-на. Чеченец. Полк неизвестен. До перехода в Брестскую крепость служил в 222-м полку в ст. Черемха. Пропал б/в (сведения участников обороны Шабуева А., Хасиева А.).

174. Сулейманов Магомед Джамалдаевич

Сел. Кень-Юрт Грозненского р-на. Служил в 44-м стрелковом полку (по другим свидетельствам – в 333-м стрелковом). Пропал б/в (сведения Юсаева М., участника обороны).

175. Схаляко Юсуп Якубович

Аул Хаштук Теучежского р-на Адыг. авт. обл. Адыгеец. Служил в 333-м полку. Погиб в крепости (сведения участников обороны).

176. Схатум Мухарбий Салихович (фото)
Аул Хаштук Теучежского р-на Адыг. авт. обл. Адыгеец. В Бресте служил в штабе 28-го корпуса. Ныне полковник Советской Армии. Живет в Нальчике (сведения участников обороны).
177. Таймасханов Большевик Асхабович (фото)
Сел. Дуба-Юрт Шалинского р-на. Чеченец. Служил в 125-м стрелковом полку. Пропал б/в (сведения Хидаева В.).
178. Тамаев Алавди
Сел. Энгеной Ножай-Юртовского р-на. Чеченец. Полк неизвестен. Участвовал в боях. Будучи раненным, попал в плен, где его встретил Хуцуруев Абу-Саид (по сведениям с/с – пропал б/в).
179. Таузарханов Вита
Сел. Кошкельды Гудермесского р-на. Чеченец. Служил в 455-м стрелковом полку. Пропал б/в (сведения Гайтукаева Али).
180. Ташаев Салман
Сел. Мекень-Юрт Надтеречного р-на. Чеченец. Полк неизвестен. Из окруженной крепости вышел. Погиб после войны в Караганде в шахте (сведения Закриева С, наряд Надтеречного РВК).
181. Ташаев Актемир Джамалаевич
Сел. Мекень-Юрт Надтеречного р-на. Чеченец. Образование среднее. Комсомолец. В армию призван из Старых промыслов г. Грозного, Пропал б/в (сведения Азамова Х.).
182. Тихомиров Николай Иванович (фото)
Гор. Грозный. Русский. Служил в 333-м стрелковом полку зам. командира 6-й роты. Звание – лейтенант. По свидетельству Бейтемирова С. А., Тихомирову было поручено обучение чеченцев 333-го полка, не владевших русским языком. Погиб в крепости. Родители живут в пос. Катаяма (г. Грозный).
183. Токаев Имран
Сел. Улус-Керт Советского р-на. Чеченец. В армию призван вместе с Матаевым Лечи-Хаджи. Служил в 125-м стрелковом полку. Пропал б/в (сведения Хидаева Вахи).
184. Тукаев Нажмуддин
Сел. Мекень-Юрт Надтеречного р-на. Чеченец. Служил в 44-м полку. Пропал б/в (сведения участников обороны и с/с).
185. Тутаяев Абдурахман
Сел. Бенгарой Советского р-на. Чеченец. Служил в 4-й роте 333-го полка. Знаменитый прыгун. Погиб в крепости (сведения Бейтемирова С.-А.).
186. Узев Магомед Яхьяевич (фото)
Сел. Итум-Кала Советского р-на. Чеченец. Кандидат в члены ВКП(б). Сержант 8-й роты 3-го батальона 333-го стрелкового полка. Погиб в крепости (сведения с/с, Бейтемирова С.-А. и ряда участников обороны).
187. Умаев Абдул-Межид
Сел. Белгатой Шалинского р-на. Чеченец. Рядовой 84-го стрелкового полка. Пропал б/в (сведения Шалинского РВК и родственников).
188. Умаров Тапа
Сел. Старые Атаги Грозненского р-на. Чеченец. Служил в 125-м стрелковом полку, 3-й батальон, 9-я рота. Был призван в армию вместе с Мухаддиновым Сайд-Али, Усмановым Ахматом из Дуба-Юрта и Дикаевым Султаном из Старых Атагов. Пропал б/в.
189. Усмаев Ширвани
Сел. Бено-Юрт Надтеречного р-на. Чеченец. Призван в армию вместе с односельчанином Эльмурзаевым Баудином. Пропал б/в (сведения Знаменского с/с).
190. Усманов Ахмат
Сел. Дуба-Юрт Шалинского р-на. Чеченец. Служил в 125-м стрелковом полку. Пропал б/в (сведения Хидаева Вахи).
191. Устарханов Али Даудович (фото)
Сел. Кень-Юрт Грозненского р-на. Служил рядовым в 333-м полку. Пропал б/в (сведения Юсаева М. и родственников).
192. Хабдиев Махди
Сел. Бено-Юрт Надтеречного р-на. Чеченец. Полк неизвестен. Пропал б/в (сведения Знаменского с/с).
193. Хаджиев Алаки (Асхабов)
Сел. Знаменское Надтеречного р-на. Чеченец. Полк неизвестен. Пропал б/в (сведения участников обороны, наряд РВК).
194. Хадизов Абубакар
Сел. Гвардейское Надтеречного р-на. Чеченец. Полк неизвестен. Пропал б/в (сведения участников обороны, наряд РВК).
195. Хайтаев Муса Якубович (фото)
Сел. Старые Атаги Грозненского р-на. Чеченец. Рядовой 125-го стрелкового полка. Жив.

196. Хамзатов Мовла
Сел. Старые Атаги Грозненского р-на. Чеченец. Служил в пограничных войсках Брестского района. Предположительное звание – лейтенант. Пропал б/в. Его жена Асма при эвакуации семей военнослужащих попала в плен и пробыла во Франкфурте-на-Майне всю войну.
197. Хамидов Абдул-Муслим Ахтаевич
Сел. Знаменское Надтеречного р-на. Чеченец. Полк неизвестен. Пропал б/в (сведения с/с).
198. Хамидов (он же Халадов) Хусейн (фото)
Сел. Знаменское Надтеречного р-на. Чеченец. Служил рядовым в 333-м полку. Комсомолец. Пропал б/в (сведения РВК и участников обороны).
199. Хасаев Байса Мусаевич (фото)
Сел. Дачу-Барзой Грозненского р-на. Чеченец. Комсомолец. Служил в 125-м стрелковом полку пулеметчиком. Погиб в крепости (сведения с/с, участников обороны и родственников).
200. Хасиев Ахмат (фото)
Сел. Братское Надтеречного р-на. Чеченец. Служил в 333-м стрелковом полку. Жив. (См. рассказ «До Берлина не доходил»).
201. Хасемиков Осман (фото)
Сел. Гвардейское Надтеречного р-на. Чеченец. Рядовой зенитного артиллерийского дивизиона. Пропал б/в (сведения участников обороны, наряд РВК).
202. Хататаев Зивади
Сел. Надтеречное Надтеречного р-на. Чеченец. Рядовой 333-го стрелкового полка 7-й роты. Пропал б/в (сведения участников обороны Хасиева А. и др.).
203. Хашакиев Абдурахман Солсабекович (фото)
Сел. Чемульга Сунженского р-на. Ингуш. Полк неизвестен. Служил в Бресте с Алероевым Салманом. Пропал б/в (сведения родственников).
204. Хачароев Ширвани
Сел. Чемульга Сунженского р-на. Чеченец. Полк неизвестен. В армию ушел с Хашакиевым Абдурахманом и служил вместе с ним в Бресте. Пропал б/в (сведения родственников Хашакиева).
205. Хашумов Зайндин
Сел. Новые Атаги Шалинского р-на. Чеченец. Служил в 125-м стрелковом полку в батарее 45-мм пушек. Жив.
206. Хидаев Ваха Шидаевич
Сел. Дуба-Юрт Шалинского р-на. Чеченец. Служил в 131-м артполку, входившем в гарнизон крепости. Жив.
207. Худаев Сайд-Хамзат
Сел. Белгатой Шалинского р-на. Чеченец. Рядовой 84-го стрелкового полка. Пропал б/в (сведения РВК и родственников).
208. Хунигов Умар
Сел. Бено-Юрт Надтеречного р-на. Чеченец. Служил в 222-м стрелковом полку в ст. Черемха. Оттуда в мае 1941 года был переведен в крепость. Полк неизвестен. Пропал б/в (сведения РВК).
209. Хонкарханов Хамзат
Сел. Гвардейское Надтеречного р-на. Чеченец. Служил в 44-м стрелковом полку. Жив. (См. очерк «Партизаны»).
210. Хусиев Ваха (фото)
Сел. Надтеречное Надтеречного р-на. Чеченец. Артиллерист. Направлен в Брест по наряду РВК от 16.X.1940 года. Погиб в крепости (сведения участников обороны).
211. Хуцуруев Абусаид (фото)
Сел. Аллерой Шалинского р-на. Чеченец. Служил рядовым в 84-м стрелковом полку. Был в плену. Жив. (См. воспоминания «В доте»).
212. Хюзиев Саид Магометович
Сел. Шали Шалинского р-на. Чеченец. Служил в 125-м стрелковом полку. Погиб в крепости от снаряда в первый день (сведения участников обороны).
213. Цельдиев Луга
Сел. Чишки Грозненского р-на. Чеченец. В армию призван вместе с Аюбовым Умаром. Полк неизвестен. Пропал б/в (сведения участника обороны Хидаева В.).
214. Цечоев Халид Датоевич
Сел. Средние Ачалуки Малгобекского р-на. Ингуш. Рядовой 125-го стрелкового полка. По свидетельству участников обороны, погиб в первый день боя вместе с пятью чеченцами от взрыва снаряда.
215. Цуров Магомед Сафарбиевич
Сел. Длинная долина Пригородного р-на. Ингуш. Полк неизвестен. Погиб в первые дни боев.
216. Чергизов Макашерип Абдурзакович (фото)
Сел. Ачалуки Малгобекского р-на. Ингуш. Рядовой 125-го стрелкового полка 3-го батальона. По

сведениям умер от ран в лагере Бяла-Подляска.

217. Шабуев Абдулкахир (фото)

Сел. Минеральное Надтеречного р-на. Чеченец. Служил в 333-м стрелковом полку. Жив. (См. рассказ «Прорыв»).

218. Шамилев Харон

Сел. Гудермес Гудермесского р-на. Чеченец. Рядовой 455-го стрелкового полка. Пропал б/в (сведения Гайтукаева Али).

219. Шаханов Я.Т.

Кумык. Был направлен Малгобекским РВК в 333-й стрелковый полк. Никаких сведений о его судьбе нет.

220. Шахмаев Нурадди (Хасанов) (фото)

Сел. Гвардейское Надтеречного р-на. Чеченец. Старший лейтенант. Служил в 125-м стрелковом полку. Жив.

221. Эдиев Хаважи

Сел. Братское Надтеречного р-на. Чеченец. Полк неизвестен. Пропал б/в (сведения участников обороны Хасиева А. и др.).

222. Эдельханов Висанап

Сел. Минай-Тогай Хасав-Юртовского р-на. Чеченец-аккинец. Полк неизвестен. По свидетельству Закриева Саида, вырвался из окруженной крепости на 3-й день боев. Закриев встретил его на Украине близ Полтавы. Пропал б/в.

223. Эдельханов Даша

Сел. Гвардейское Надтеречного р-на. Чеченец. Комсомолец. Рядовой 333-го стрелкового полка. В витрине Брестского музея выставлены обгорелые остатки его комсомольского билета, найденного в каземате, откуда он вел бой.

224. Эдельсултанов Ахмат (фото)

Сел. Гухой Итум-Калинского р-на. Чеченец. Служил в 4-й роте 333-го стрелкового полка рядовым. Погиб в крепости (сведения Бейтемирова С.-А.).

225. Эдильсултанов Ахмат Эдильсултанович (фото)

Сел. Гвардейское Надтеречного р-на. Чеченец. Был направлен в Брест в феврале 1940 года Малгобекским РВК. Служил в минометном взводе 333-го стрелкового полка. Пропал б/в (сведения РВК и участников обороны).

226. Эдильсултанов Салман

Сел. Старые Атаги Грозненского р-на. Чеченец. Служил в первой батарее 131-го арtpолка 6-й дивизии помощником политрука взвода. Вернулся домой (сведения Махмадова М.).

227. Элибаев Абдулхан (фото)

Сел. Турту-хутор Ножай-Юртовского р-на. Чеченец. Полк неизвестен. В армию призван вместе с Абдурахмановым Шамсу из Аллероя. Оба пропали б/в (сведения с/с, родственников).

228. Элисханов Исрапил Мустапаевич (фото)

Гор. Малгобек (происходил из села Кизлярское КБАССР). Кумык. Служил в 333-м стрелковом полку. Пропал б/в (сведения РВК, письма родственников).

229. Эльдаров Сахаб (фото)

Сел. Дуба-Юрт Шалинского р-на. Чеченец. Рядовой 125-го стрелкового полка(?). Погиб в крепости (сведения Хидаева Вахи).

230. Эльдарханов Магомет

Сел. Белгатой Шалинского р-на. Чеченец. Рядовой 84-го стрелкового полка. Умер в немецком плену 21.IX.1941 г. (сведения Шалинского военкомата и родственников).

231. Эльмурзаев Баудин (фото)

Сел. Бено-Юрт Надтеречного р-на. Полк неизвестен. Пропал б/в (сведения участников обороны и с/с).

232. Эльмурзаев Баудин (фото)

Сел. Гвардейское Надтеречного р-на. Чеченец. Сражался с фашистами в районе Бреста, не в крепости. Первоначально служил в 487-м стрелковом полку. Работает в совхозе. Лейтенант запаса.

233. Эльмурзаев Селимсолта

Сел. Энгель-Юрт Ножай-Юртовского р-на. Чеченец. Полк неизвестен. Пропал б/в (сведения с/с).

234. Эльмурзаев Элим

Сел. Толстой-Юрт Грозненского р-на. Чеченец. Пулеметчик 333-го полка. Убит на глазах у Шабуева А. при прорыве из крепости.

235. Эсбулатов Мадарсолта (фото)

Сел. Азамат-Юрт Гудермесского р-на. Чеченец. Рядовой 455-го стрелкового полка. Погиб в крепости (сведения Гайтукаева А., Беловешкина М.).

236. Эсмурзиев Султан

Сел. Средние Ачалуки Малгобекского р-на. Ингуш. Служил в 10-м отдельном инженерном батальоне.

Убит в первый день войны снарядом (сведения участников обороны).

237. Юсаев Мовлид

Сел. Кень-Юрт Грозненского р-на. Чеченец. Служил в 333-м полку. Жив. (См. рассказ «Побег из плена»).

238. Якубов Р.Г.

Чеченец. Был направлен по наряду Малгобекского РВК в 333-й стрелковый полк в крепость Брест в феврале 1940 года. Судьба неизвестна.

239. Ясуев Селим

Сел. Дачу-Барзой Грозненского р-на. Чеченец. Полк неизвестен. Пропал б/в. Мать получала пенсию (сведения с/с и родственников).

240. Яширов Темирсултан (фото)

Сел. Юрт-Аух Хасав-Юртовского р-на. Чеченец-аккинец. Полк неизвестен. Пропал б/в (сведения родственников).
